

Министерство образования и науки Донецкой Народной Республики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Фонд «Русский мир»

МАТЕРИАЛЫ
Международной
научной конференции
студентов и молодых ученых

Донецкие чтения 2017:

Русский мир как
цивилизационная основа
научно-образовательного
и культурного развития
Донбасса

г. Донецк
17–20 октября 2017 г.

Том 4

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 1

Иностранная филология

*Дорогие наши коллеги,
молодые ученые, студенты!*

Сборник материалов Международной научной конференции студентов и молодых ученых «Донецкие чтения: 2017», который Вы держите в руках, является частью семитомного издания, состоящего из 11 книг. Труды конференции, охватывающие разнообразие научных направлений, имеют особую значимость, они посвящены 80-летию юбилею нашего университета, который мы отмечаем в нынешнем году.

В этом юбилейном издании отчетливо видна связь поколений, результат напряженного и самоотверженного труда научных руководителей, прививающих молодежи интерес к научным исследованиям.

Молодежный форум проходит под девизом: «Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса». Сегодня проблемы интеграции нашего университета в научно-образовательное и культурное пространство Российской Федерации, определяют суть времени, в котором мы живем и трудимся. Для Донецкого национального университета важна поддержка конференции со стороны Фонда «Русский мир», научной общественности разных стран и, прежде всего, Российской Федерации. Мы высоко это ценим и выражаем всем участникам глубокую благодарность.

Будущее за вами, молодое поколение исследователей и читателей. Мы уверены, что многие из Вас сделают начатое главным делом своей жизни.

Ректор,
доктор
физико-математических наук,
профессор

С.В. Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Фонд «Русский мир»

**Международная
научная конференция
студентов и молодых
ученых**

Посвящена 80-летию ДонНУ

Материалы
конференции

Том 4
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Часть 1
Иностранная
филология

**Донецкие
чтения 2017:
Русский мир как
цивилизационная
основа научно-
образовательного
и культурного
развития Донбасса**

г. Донецк
17–20 октября 2017 г.

Донецк
Издательство Донецкого национального университета
2017

ББК Ш.я431
УДК 81+378
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (главный редактор), М.В. Фоменко (отв. секретарь),
Е.И. Скафа, В.А. Дубровина, А.Г. Удинская

Д672 Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – *Том 4: Филологические науки. Ч. 1: Иностранная филология* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – 264 с.

Ответственность за содержание статей, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы статей.

В четвертый том (Ч. 1) материалов конференции вошли сопоставительные и диахронические исследования молодых ученых, аспирантов и студентов по проблемам языковых единиц и категорий в контексте Русского мира, рассматриваются актуальные проблемы типологического, исторического языкознания, переводоведения, терминоведения, межкультурной коммуникации, когнитивной и функциональной лингвистики, литературоведения.

Для широкого круга специалистов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей.

ББК Ш.я431
УДК 81+378

© Коллектив авторов, 2017

© Донецкий национальный университет, 2017

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В. д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк)

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н. д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва)

Члены программного комитета:

Варюхин В.Н. д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк)

Данилов В.В. д-р техн. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Керимов А.Д. д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

Кравцов С.М. д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой романской филологии Южного федерального университета (Российская Федерация)

Ковалев А.М. д-р физ.-мат. наук, профессор, директор ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк)

Коледов В.В. д-р физ.-мат. наук, профессор Института Радиоэлектроники им. Котельникова РАН, лаборатория магнитных явлений в микроэлектронике (г. Москва)

Лысенко Т.М. д-р биол. наук, старший научный сотрудник Института экологии Волжского бассейна РАН, (г. Тольятти)

Илюхин А.А. профессор кафедры математики Таганрогского института им. А.П. Чехова Ростовского государственного экономического университета, доктор физико-математических наук, профессор (г. Таганрог)

Половян А.В. д-р экон. наук, доцент, директор ГУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк)

Приходько С.А. канд. биол. наук, ст. н. с., директор Донецкого ботанического сада (г. Донецк)

- Репецкая А.И.* канд. биол. наук, директор Ботанического сада имени Н.В. Багрова Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь)
- Ризниченко Г.Ю.* д-р физ.-мат. наук, профессор, зав. сектором информатики и биофизики сложных систем кафедры биофизики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
- Савоськин М.В.* канд. хим. наук., ст. н. с., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк)
- Семищенко Ю. А.* д-р биол. наук, профессор, профессор кафедры биологии Брянского государственного университета, учёный секретарь Брянского отделения Русского ботанического общества (г. Брянск)

УДК 811.112.2.161.1»37

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ПОНИМАНИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Алексеева Е. П.,

Басыров Ш. Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Введение. Настоящая работа посвящена сопоставлению семантики глаголов понимания (ГП) в немецком и русском языках.

Актуальность исследования заключается в необходимости сопоставления семантики ГП в немецком и русском языках, что до настоящего времени не нашло своего должного исследования в лингвистике.

Целью работы является сопоставление семантики ГП в немецком и русском языках и установление изоморфных и алломорфных черт в семантической структуре данных глаголов.

Объект исследования – ГП, а **предмет** – семантика ГП в немецком и русском языках.

Эмпирическим материалом работы послужили ГП, отобранные из одноязычных и двуязычных словарей, справочной литературы, а также из статей и диссертаций. Общий объем выборки составил 130 ед. (нем. – 79 ед., русс. – 51 ед.).

Существенные семантические признаки ГП

В семантическом отношении ГП различаются по следующим признакам [1; 2]:

1. Скорость понимания. Ср. словарные толкования следующих ГП:
 - (1) нем. *erfassen* <das Wesentliche einer Sache schnell verstehen, begreifen> «быстро понимать суть чего-л.; врубаться» [3, с. 70];
 - (2) русс. *сметать* <понимать что-л., быстро обдумывая, прикидывая в уме различные варианты решения проблемы> [4, с. 314];
2. Наличие определенных трудностей в понимании чего-л., которые требуют от субъекта некоторых усилий. Ср. словарные толкования следующих ГП:
 - (3) нем. *wegbekommen* <etw. schwer verstehen> «« трудом понимать что-л.» [3, с. 90];

(4) русс. *улавливать* (перен.) <понимать с некоторым трудом смысл чего-л., какую-л. мысль в чьих-л. словах, разговоре и т. п., словно стараясь схватить, поймать этот смысл или мысль> [4, с. 315];

3. Глубина и всесторонность обдумывания. Ср. словарные толкования следующих ГП:

(5) нем. *erkennen* <etw. verstehen und unterschieden mit den tiefen Bedenken> «понимать и различать что-л., путем глубоких обдумываний» [3, с. 72];

(6) русс. *выяснять* <понимать что-л., глубоко вникая во все обстоятельства и делая доступным, понятным, очевидным, не вызывающим сомнений> [4, с. 312];

4. Получение новой информации. Ср. словарные толкования следующих ГП:

(7) нем. *begreifen* <etw. Neues geistig erfassen und eine bestimmte Vorstellung (von jemandem, etwas) haben> «осознавать что-л. новое и иметь определенное представление (о ком-л., о чем-л.)» [3, с. 62];

(8) русс. *понимать* <постигать что-л. новое очень хорошо, глубоко, становясь сведущим, прекрасно разбирающимся в чем-л.> [4, с. 313].

Формулы толкования глаголов понимания

С учетом выше названных признаков были построены обобщенные формулы толкования (ФТ) ГП для немецкого и русского языков, т. о. у ГП выявлены следующие основные семантические группы:

1. ГП с ФТ «Х [очень] быстро / медленно / постепенно понимает Y» (нем. – 16, русс. – 5), где Х – одушевлённый субъект, Y – неодушевленный объект или событие/явление, ср.:

(9) нем. *aufnehmen* <etw. schnell in jmds. Bewusstsein dringen lassen; erfassen> «что-л. быстро проникает в чье-л. сознание; схватывать налету» [3, с. 57];

(10) русс. *сметать* <понимать что-л., быстро обдумывая, прикидывая в уме различные варианты решения проблемы> [4, с. 314].

Примеры (9), (10) можно проиллюстрировать следующими предложениями:

(11) нем. *Wie konnten ein Thema, einen Gedanken aufnehmen.* «Мы смогли быстро понять тему, идею»;

(12) русс. *Малыш быстро сметнул, чего от него хотят, и тут же выложил на стол все свое богатство: стеклышки, винтики, камешки.*

2. ГП с ФТ «Х [очень] хорошо / плохо понимает Y» (нем. – 7, русс. – 2), где Х – одушевленный субъект, Y – неодушевленный объект или событие, ср.:

(13) нем. *sich auskennen* <sich auf. etw. gut verstehen> «разбираться в чем-л. хорошо» [3, с. 56];

(14) русс. *понимать* <постигать что-л. очень хорошо, глубоко, становясь сведущим, прекрасно разбирающимся в чем-л.> [4, с. 313].

В немецком языке процесс понимания может происходить между людьми (X и Y называют одушевленные предметы):

(15) нем. *auskommen* <sich mit jmdm. gut vertragen, verstehen> (разг.) «понимать кого-л. хорошо = ладить с кем-л.» [3, с. 56];

Приведем примеры:

(16) нем. *In dieser Materie kenne ich mich aus*. «В этой теме я хорошо разбираюсь»;

(17) русс. *Не знаю, читает ли он книги про любовь, но понимает в ней здорово*.

Выводы.

1. ГП являются одной из самых обширных лексико-семантических групп ментальных глаголов в немецком и русском языках.

2. У ГП немецкого и русского языков семантически выявлены следующие семантические признаки: время понимания, наличие определенных умственных усилий, которые приводят субъект к пониманию, глубина и всесторонность обдумывания, получение новой информации.

3. В семантическом плане ГП в немецком и русском языках распадаются на две смысловые группы со следующими ФТ:

а) ГП с ФТ “X [очень] быстро / медленно / постепенно понимает Y”;

б) ГП с ФТ “X [очень] хорошо / плохо понимает Y”.

4. ГП с ФТ (3а) и (3б) являются наиболее продуктивными в немецком языке. В русском языке продуктивнее являются ГП с ФТ (3а).

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Исследование по семантике и лексикографии. Том 1. Парадигматика. М.: Studia Philologica, 2009. – С. 43 – 549.
2. Кобозева И. М. Семантика глагола понимать: от пропорционального отношения к межличностному. М.: МГУ, 2009. – С. 70-95.
3. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden. Mannheim – Wien – Zürich, 1970 – 1980. Bd. 1. 464 S.; Bd. 2. 928 S.; Bd. 3. 1408 S.; Bd. 4. 1904 S.; Bd. 5. 2432 S.; Bd. 6. 2992 S.
4. Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. – М.: Арт – Пресс, 1999. – 698 с.

СЕМАНТИКА НЕМЕЦКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ РЕЧЕВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Алешкова Н. А.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

nastasya-aleshko@mail.ru

Фразеологизмы являются неотъемлемой частью языка, придавая речи каждого человека метафоричность, эмоциональность, экспрессивность, делая ее насыщенной, образной и выразительной.

Актуальность выбранной темы исследования продиктована возросшим интересом современных отечественных и зарубежных лингвистов к проблемам фразеологии [1–5]. Особое положение среди ФЕ занимают те, которые непосредственно связаны с речевой деятельностью человека. Поэтому, изучение данных фразеологизмов остается актуальным и на сегодняшний день.

В качестве **объекта** исследования выступают немецкие ФЕ как структурные единицы лексико-семантической системы языка, а **предметом** – ФЕ, которые обозначают речевую деятельность человека.

Цель данной работы заключается в исследовании семантики ФЕ немецкого языка, обозначающие речевую деятельность человека.

Материалом исследования послужили ФЕ, обозначающие речевую деятельность человека и извлеченные из немецко-фразеологического словаря Л. Э. Биновича под редакцией С. И. Константиновой [1]. Общий объем выборки данных ФЕ составил 90 единиц.

Анализируемые ФЕ распадаются на ряд семантических групп и подгрупп по сходству их значений. Рассмотрим подробнее эти группы и подгруппы ФЕ.

1. ФЕ с компонентами «Sprache», «Wort» (28 ед.)

В группу входят ФЕ со следующими замечаниями:

а) 'выражать собственное мнение, желание что-либо сказать': *eine deutliche Sprache mit j-m reden* < etwas ist eindeutig / aufschlussreich / ein klarer Hinweis > 'ясно высказать кому-л. своё мнение».

б) 'отсутствие решимости что-либо сказать или отсутствие самого речевого процесса': *nicht recht mit der Sprache heraus wolle* < die Wahrheit nicht sagen (wollen) > 'не решаться сказать правду».

с) начало речевой деятельности человека, начало разговора: *mit der Sprache herausrücken* < anfangen zu sprechen > 'заговорить».

2. ФЕ с компонентом «Zunge» (19 ед.)

Включают такие подгруппы:

a) ФЕ со значением 'быть болтливым или желание сказать что-либо» (*sein Herz auf der Zunge tragen* < jemandem seine Sorgen anvertrauen; mit jemandem über seine Probleme sprechen > 'говорить все, что есть на душе»;

b) ФЕ, имеющие положительное оценочное значение: *die Zunge auf dem rechten Fleck haben* < schlagfertig sein; sich gut ausdrücken können; gut erzählen können > 'уметь говорить, иметь хорошо подвешенный язык»;

c) ФЕ с отрицательным оценочным значением: *eine lose Zunge haben* < frech / viel / respektlos reden > 'быть наглым/болтливым».

3. ФЕ с компонентом «Mund» (27 ед.)

Охватывает следующие подгруппы:

a) ФЕ со значением 'выражать открыто свое мнение, чувства»;

'объяснять что-либо собеседнику»: (*sich D) kein Blatt vor den Mund nehmen* < etwas unbeschönigt / direkt sagen; offen reden > 'говорить напрямик»;

b) ФЕ со значением 'выражать одинаковые мысли»(*j-m aus dem Mund sprechen* < jemandes Emotionen / Meinung wiedergeben > 'выражать чьи-либо сокровенные мысли, чувства»;

c) ФЕ со значением 'сказать то, что кто-либо хотел сказать или услышать»: *j-m nach dem Munde reden (sprechen)* < etwas sagen, was der andere gerne hört > 'поддакивать, подпевать».

d) ФЕ со значением 'побуждать кого-л. сказать что-то определенно нужное другому»: *j-m fremde Worte, die Antwort in den Mund legen* < jemanden dazu bringen, eine bestimmte Aussage zu treffen > 'подсказать кому-л. нужный совет»;

e) ФЕ со значением 'говорить без умолку, болтать»: *sein Mund geht wie ein Mühlwerk* < ihm steht das Maul keinen Augenblick still > 'он минуты не помолчит, он настоящая трещотка (часто с негативной оценкой)»;

f) ФЕ со значением 'оценка/ характеристика кого-л. по его речи»: *reden wie einem der Mund gewachsen ist* 'говорить как бог на душу положит (т.е. не вникая в смысл слов) (чаще негативное значение)».

4. ФЕ с компонентами «Herz», «Hand», «Seele», «Ton» (12 ед.)

Данная группа ФЕ распадается на следующие подгруппы:

a) ФЕ со значением искреннего выражения чувств (*sein Herz ausschütten (ergießen)* < jemandem seine Sorgen anvertrauen; mit jemandem über seine Probleme sprechen > 'излить кому-л. душу»;

b) ФЕ со значением 'обещать» (*die Hand darauf geben* < ein Versprechen abgeben > 'твердо обещать что-л.»), (*mit Herz und Mund versprechen* < ein Versprechen abgeben > 'клятвенно обещать»);

c) ФЕ со значением 'громко кричать» (*sich die Seele aus dem Liebe schreien* < sehr laut schreien > 'кричать до изнеможения»);

d) ФЕ со значением 'начало говорения» (*einen Ton (или eine Tonart)) anschlagen* 'заговорить каким-л. тоном».

5. ФЕ с компонентами «Augen», «Kopf», «Gesicht» (4 ед.)

a) ФЕ со значением 'смеяться до слез» (*lachen, dass einem die Augen übergehen* < lachten, daß die Tränen in die Augen kamen).

6. ФЕ со значением 'говорить прямо « *etw. auf den Kopf zusagen* 'сказать кому-л. что-л. напрямик; прямо в лицо»; (*j-m etw. (glatt) ins Gesicht sagen* < *etwas ohne Scheu / ohne Schonung aussprechen* > 'сказать прямо в глаза»).

Выводы. Анализ семантики немецких ФЕ, обозначающих речевую деятельность человека, позволяет сделать следующие выводы:

6.1. Около 27 % рассмотренных ФЕ содержат в своей структуре соматизмы, называющие различные части человеческого тела.

6.2. Среди соматических ФЕ преобладают фразеологизмы с компонентами *Mund* 'рот», *Zunge* 'язык». Данный факт объясняется тем, что 'рот» и 'язык» непосредственно связаны с речевой деятельностью человека;

6.3. Остальные соматизмы обнаруживают низкую активность и встречаются в структуре ФЕ от 1 раза (*Gesicht, Augen, Seele*) до 6 раз (*Herz*);

6.4. ФЕ, обозначающие речевую деятельность человека, часто сопровождаются оценочным со-значением (нейтральным, положительным, отрицательным).

Список литературы

1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. М. 1977. 312 с.
2. Ушакова Е.А. Лексические и фразеологические репрезентанты речевой сферы в русской и немецкой языковых картинах мира: автореф. дис. канд. филол. наук. Новосибирск 2008. 23 с.
3. Чернышёва И. И. Фразеология современного немецкого языка. М. 1970. 199 с.
4. *Burger H.* Handbuch der Phraseologie. Berlin; New York, 1982. 409 S.
5. *Fleischer W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982. 250 S.

УДК 81»373:811.111:811.161.1

ОЛЬФАКТОРНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Баранова Е.А.,

Басыров Ш.Р., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

1. Введение. В настоящее время изучение когнитивных свойств языка является важным направлением лингвистических исследований. Центральная роль обоняния в познании действительности и формировании чувственной картины мира человека обуславливает актуальность и перспективность данной работы [1, с.12]. Новизна исследования заключается в недостаточной изученности ольфакторной лексики (*запах, нюхать, пахучий, smell, to smell, odorous*) и отсутствии работ, посвященных изучению ольфакторных глаголов в английском и русском языках.

Цель работы состоит в комплексном сопоставительном изучении и описании семантики и структуры ольфакторной лексики (ОЛ) русского и английского языков.

Материалом для исследования послужила 101 лексема английского языка (24 глагола, 44 прилагательных, 33 существительных) и 130 лексем русского (73 глагола, 36 прилагательных, 21 существительное), полученные из толковых словарей английского и русского языков, а также из Национального корпуса русского языка. Основанием для объединения слов в лексико-семантическую группу (ЛСГ) «запах» являлась сема «*запах*», выделяемая в семантической структуре слова при компонентном анализе.

2. Способы образования ОЛ. В процессе сопоставительного исследования ОЛ было выявлено, что корпус ОЛ русского языка оказался более многочисленным, чем корпус английского, что обусловлено более развитой системой словообразования в русском языке.

2.1. При описании структуры русской ОЛ было выделено 7 способов образования, а именно:

- 1) суффиксальный (*душок*) (52 ед.);
- 2) префиксальный (*неаппетитный*) (17 ед.);
- 3) постфиксальный (*выветриться*) (10 ед.);
- 4) суффиксально-префиксальный (*пованивать*) (2 ед.);
- 5) основосложение (*благовоние*) (1 ед.);
- 6) префиксально-постфиксальный (*принюхаться*) (1 ед.);
- 7) префиксально-суффиксально-постфиксальный (*внюхиваться*) (1 ед.)

2.2. В английском языке ОЛ образуются тремя способами:

- 1) суффиксальный (*odorless* «без запаха») (14 ед.);
- 2) префиксальный (*unperfumed* «не имеющий запаха») (3 ед.);
- 3) основосложение (*malodour* «зловонный») (1 ед.)

Самым продуктивным способом образования ОЛ в русском и английском языках является суффиксальный.

3. Семантика ОЛ русского и английского языков. Лексико-семантическое поле «Запах» состоит из двух основных подполей:

1) перцептивного (подполе «Восприятие запаха») (рус. *внюхаться*, англ. *inhale* «вдыхать»);

2) атрибутивного (подполе «Запах-свойство») (рус. *ароматный*, англ. *stinky* «вонючий») [2, с. 8].

Ольфакторная лексика характеризуется высокой степенью субъективности, поэтому при классификации ОЛ важным является учёт её оценки, которая может быть положительной (рус. *благоуханный*, англ. *spicy* «пряный»), нейтральной (англ. *bouquet*, англ. *nose* «запах вина или табака») и отрицательной (рус. *вонь*, англ. *stink* «вонь»).

Внутри каждой оценочной группы лексемы группируются по шкале интенсивности. При этом сильный (интенсивный) запах вызывает негативные ощущения, поэтому считается неприятным [3, с. 742]. Следующие примеры ОЛ представляют различные уровни интенсивности и относятся к оценочной группе «Отрицательный запах»:

1) высокая интенсивность запаха: рус. *дурман*, англ. *pong* «сильный, неприятный запах»;

2) нормальная интенсивность: рус. *затхлость*, англ. *reek* «скверный запах»;

3) низкая интенсивность: рус. *душок*.

Анализ семантики ОЛ английского и русского языков позволил выделить 12 семантических групп. Среди них наиболее продуктивными в обоих языках являются лексические единицы группы «Отрицательная оценка запаха» (англ. – 41 ед.; рус. – 33 ед.), ср.: англ. *pungency* «едкость»; рус. *зловоние*.

Среди ольфакторных глаголов русского языка наибольшим количеством лексем, входящим в её состав, отличается группа с семантикой распространения запаха (*благоухать*) (27 ед.), а среди глаголов английского – группа со значением активного восприятия запаха (*to smell* «вдохнуть что-либо, чтобы воспринять или обнаружить аромат или запах») (7 ед.).

В английском языке выявлены лексемы, употребляемые только в определенных диалектах (например, британском (*niff* «неприятный запах»), американском (*funk* «сильный запах, исходящий от чьего-то тела») или западно-индийском (*fresh* «имеющий неприятный, слегка тухлый запах»)).

В русском языке диалектные ольфакторные лексемы не обнаружены.

Список литературы

1. Брылева Р. Ф. Функционально-семантическое исследование ольфакторной лексики в русском, французской и башкирском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание У., 2016. 26 с.
2. Павлова Н. С. Лексема с семой «запах» в языке, речи и тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 - русский язык Е., 2006. 20 с.
3. Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 928 с.

УДК 803:808.4

СМЫСЛОВАЯ БЛИЗОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ И СУБТИПОВ СТК В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Беспамятная Л.В.,

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

Севастопольский государственный университет, г.Севастополь

lilya_pavlova23@mail.ru

Семантический анализ различных терминосистем становится одним из приоритетных направлений в современной лингвистике, хотя развитие этой области в языкознании началось еще в 70-ые годы XX столетия

(см., например работы Ю. Д. Апресяна, Э. Бенвениста, Н. Ф. Клименко, И. С. Улукханова, Ч. Филлмора, Л. Ортнери т.д.).

В настоящей работе рассматриваются случаи смысловой близости типов и субтипов субстантивных терминов кораблестроения (СТК) в немецком, английском, русском и украинском языках.

Материалом исследования послужили 2 768 проанализированных композитов в германских и славянских языках (англ. – 210, нем. – 2353, рус. – 109, укр. – 96) и 6 789 ТК-словосочетаний (англ. – 2497, нем. – 179, рус. – 2144, укр. – 1969) единиц.

Явление смысловой близости семантических типов и субтипов вызвано, прежде всего, возможностью двойкой трактовки парафразы СТК.

Анализ семантических отношений компонентов СТК-композиций и СТК-словосочетаний выявил случаи смысловой близости следующих типов и субтипов СТК:

а) акциоанальный субтип «*В, который используется для производства А*» с орнативным типом. Ортнер отмечает, что семантические отношения «продукт – производитель продукта» можно также рассматривать как «часть – целое» [592], ср. рус. *парогенератор* → *генератор* (В – производитель), который приводится в движение *паром* (А – продукт)/*генератор* (В – целое/производитель), который содержит *пар* (А – часть/продукт), аналогично укр. *парогенератор* → *генератор* (В – часть), який має *пар* (А – часть), англ. *powerplant* «силовая установка; электростанция» → *plant* (В – целое/производитель), *which has power* (А – часть/продукт), нем. *Schwerkraftdavit m, n* «гравитационная шлюпбалка» → *Davit* (В – целое/производитель), *das Schwerkraft* (А – часть/продукт) *hat*.

б) акциональный субтип «*В осуществляет действие, которое направлено на А*» – с локативным типом;

В терминологических единицах подобного типа стержневой компонент В выступает в семантической функции «место, в котором совершается действие». Типовыми трансформациями акциональных СТК в этом случае являются парафразы двух видов:

«*В, в котором находится/совершается действие над А*», где А – *аффицируемый объект*, В – *место, где совершается действие*. Например:

нем. *Fischraum m* «рыбный трюм» → *Raum* (В), *in dem Fisch* (А) *bewahrt werden kann*; англ. *fishroom* «рыбный трюм» → *a room* (В) *in which fish* (А) *is situated*; рус. *пищеблок* → *блок* (В), где хранится/приготавливается *пища* (А); укр. *харчоблок* → *блок* (В), в якому зберігають або готують *харчі* (А).

в) акциональный субтип «*А – действие, В – предмет/величина, на которую направлено / может быть направлено действие*» – с инструментальным субтипом «*А – действие, а В – средство осуществления действия*». Например: нем. *Rollbalken m* «сдвижной [съемный] бимс» → *Balken* (В– предмет/средство), *der gerollt werden kann* (А – действие); англ. *washboarding* «образование волнистости (обшивки судна)» → *a boarding* (В – предмет/средство), *which is washed* (А – действие); рус. *трап складной* →

трап (В – предмет/средство), который может быть *сложен* (А – действие); укр. *настил знімний* → *настил* (В – предмет/средство), який можна *знімати* (А – действие),

г) кондициональный тип – с темпоральным типом, так как некоторое условие может происходить в определенный момент времени. Например: нем. *Notluke f* «аварийный люк» → *Luke* (В), *die im Notfall* (А – условие/время использования) *verwendet /betätigt wird*; рус. *генератор аварийный* → *генератор* (В), который используется *при (во время) аварии* (А – условие/время использования); укр. *сигналізація авральна* → *сигналізація* (В), яка використовується в *авральній ситуації* (А – условие/время использования);

д) инструментальный тип – с партитивным и/или орнативным типами, т.к. зависимый компонент А, номинируя определенное средство/инструмент часто содержит в своей семантике имплицитно выраженный агент или часть прибора. Так, в русском СТК *паротурбинная установка* базовый конститuent В (*установка*) называет прибор и выступает в функции неодушевленного *агента*, а зависимый компонент А – *паровая турбина* – в функции *инструмента*, с помощью которой данная установка приводится в действие, аналогично: укр. *установка* (В) *парогазотурбінна* (А).

СТК подобного типа отмечены также в терминологии кораблестроения английского языка: англ. *water(driven) turbine fan* «вентилятор с приводом от водяной турбинки (для танкеров)» → *a fan* (В – средство/целое) *which is driven by water turbine* (А – часть целого).

е) компаративный тип – с эквативным и фигуративным типами.

Английское СТК-словосочетание *plow anchor* «однорогой плугообразный якорь» наряду с компаративной трактовкой (*anchor* (В), *which looks like plow* (А)) допускает также трансформацию эквативного типа: *anchor* (В), *which is a plow* (А), т.е. «якорь, который является плугом» и фигуративного: *anchor* (В), *which has a form of a plow* (А). Аналогично: нем. *Tunnelheck n* «туннельная корма» → *Heck* (В) *in Form von Tunnel* (А)/*sieht wie ein Tunnel aus/das ein Tunnel ist*; рус. *киль туннельный* → *киль* (В), имеющий форму *туннеля* (А)/который выглядит как *туннель/который является туннелем*, укр. *киль коробчастий* → *киль* (В), який має форму *коробки* (А)/який виглядає як *корбка/ який є коробкою*.

В целом, перечисленные случаи смысловой близости семантических типов СТК обуславливается рядом факторов, в частности: варьированием трансформаций (парафраз); различным лексическим наполнением зависимого компонента А в структуре СТК; сложностью и неоднозначностью логических отношений (связей) между базовым и зависимым компонентами.

Список литературы

1. Ortner, L. Substantivkomposita (Komposita und kompositionsähnliche Strukturen) [Text]/ L. Ortner, E. Müller-Bollhagen. Berlin ; New York : de Gruyter, 1991. 863 S.

ПЕРЕНОСНАЯ СЕМАНТИКА НАИМЕНОВАНИЙ ДЕСЕРТОВ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Бессмертная А. Ф.

Подгайская И. М., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Ally_95@mail.ru

Десерт – это блюдо, которое завершает трапезу и предназначено для получения приятных вкусовых ощущений. Десерт вошёл в меню европейской кухни только в 19 веке. До этого же времени, десерты были доступны только зажиточным людям. Широкое распространение десертов среди населения напрямую связано с увеличением производства сахара. Консистенция, компоненты и вкус десертов могут значительно отличаться, но многие из них появились во время традиционных обрядов и связаны с культовыми праздниками того или иного народа [1].

Объектом исследования выступают наименования десертов в английском, немецком и русском языках. На выбор данного объекта исследования повлияло широкое употребление наименований десертов в сопоставляемых языках, а также важность данных наименований в сравнении разных языковых картин мира.

Цель исследования заключается в выявлении общих и отличительных семантических особенностей наименований десертов в английском, немецком и русском языках.

Материалом данного исследования являются 228 наименований в английском языке, 270 в немецком и 215 в русском языке, отобранные из толковых словарей данных языков.

1. С семантической точки зрения, изучаемые единицы делятся на наименования, имеющие моносемантическую структуру и наименования, имеющие полисемантическую структуру.

2. Ряд наименований с полисемантической структурой в английском, немецком и русском языках развивают новые значения на основе метафорического или метонимического переноса прямого значения «десерт».

2.1. Метафорический перенос – это перенос наименований одного понятия на другое на основании сходства этих понятий. Метафора является важным средством развития лексической семантики, способом познания действительности и её семантической категоризации. Это – вторичная непрямая номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента [2, с. 75].

Метафорический перенос представлен во всех сопоставляемых языках переносом по внешнему сходству, например: англ. *cherry* «плод вишневого дерева» → *cherry* «красный, горячий пепел на конце сигареты»; *pear* «плод

грушевого дерева» → *pear* «тип фигуры»; *scope* «ячменная или пшеничная лепёшка» → *австрал.*, *разг.* «голова, башка»; нем. *Birne* «плод грушевого дерева» → *Birne* «тренировочная груша в боксе»; рус. *крем* «кондитерское изделие» → *крем* «косметическое средство»; *баранка* «хлебобулочное изделие в виде небольшого кольца» → *баранка* «руль автомобиля».

2.2. Метонимический перенос – это тип семантических изменений, который предполагает наличие связи между двумя денотатами, находящимися в отношениях смежности. В современных исследованиях выделяют следующие основные типы метонимических переносов: казуальный, атрибутивный, локальный, темпоральный, синекдохический, комбинированный [3, с. 8].

Метонимический перенос в проанализированном материале представлен разновидностью синекдохи «целое → часть» в двух языках: англ. *sweet* «сладкое блюдо» → *sweet* «конфета»; нем. *Kuchen* «выпечка» → *Kuchen* «пирог»; В русском языке данный тип метонимического переноса не зафиксирован. Вместе с тем, в русском языке обнаруживается казуальный тип переноса «материал» → «изделие из этого материала», не зафиксированный в английском и немецком языках: рус. *карамель* «жжённый сахар» → *карамель* «конфета, приготовленная из жжённого сахара».

2.3. В исследуемом материале выявлена группа слов, развитие переносного значения которых происходит на основе сочетания метонимического и метафорического переносов: англ.: *cake* «кекс, торт» → *cake* «то, что подлежит дележу; источник материальных благ» (пирог как часть материальных благ, которые подлежат дележу); рус.: *пирог* «мягкое выпечное изделие из раскатанного – обычно дрожжевого – теста с начинкой» → *пирог* «источник материальных благ, средство наживы». В немецком языке подобные семантические процессы не обнаружены.

3. Таким образом, метафорический перенос по внешнему сходству характерен для всех сопоставляемых языков. Метонимический перенос, представленный синекдохой, обнаруживается в английском и немецком языках, а казуальный тип метонимии – только в русском языке. Переносное значение, происходящее на основе сочетания метафорического и метонимического переносов, является характерным только для английского и русского языков.

Список литературы

1. Монтанари М. Голод и изобилие: история питания в Европе СПб.: Александрия. 2009. 279 с.
2. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складаревская ; Отв. ред. Д. Н. Шмелев ; Рос. АН ; Ин-т лингв. исслед. СПб.: Наука : Санкт-Петербург. изд. фирма, 1993. – 150 с.
3. Удинська А.Г. Метонімічні переноси на позначення людини в англійській і українській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.17 / А. Г. Удинська. Донецьк, 2007. 20 с.

КОНСТРУКЦИИ С КАУЗАТИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ-СВЯЗКАМИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Бессонов Н.Ю.

Калиущенко В.Д., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Под каузативной конструкцией (далее КК) понимается любая конструкция, выражающая каузативную ситуацию. По мнению В. П. Недялкова, под конструкцией с каузативным глаголом понимается любое построение, имеющее своим грамматическим ядром категорию каузативности (кратко – каузатив), независимо от характера семантической интерпретации [1], например:

рус. Он дал им спать, англ. He let them sleep.

Методологической основой исследования послужили идеи В. П. Недялкова, Г. Г. Сильницкого, А. А. Холодовича, Л. Талми относительно грамматических конструкций, выражающих различные значения категории каузативности [1, 2, 3].

Анализ классификации семантических каузативных типов Л. Талми свидетельствует об отсутствии однозначной интерпретации самой каузативной ситуации, поскольку на ее трактовку оказывают влияние различные внутренние факторы. Глубинный семантический смысл глагола *cause* можно передать с помощью сочетания значения какой-либо глагольной лексемы с такими как минимум пятью глубинными каузативными глаголами, как RESULT, EVENT, INSTRUMENT, AUTHOR, AGENT.

Анализ теоретических источников по проблеме исследования, а также сопоставительное изучение семантики каузативных конструкций с глаголами-связками в английском и русском языках позволяет сделать следующие выводы:

1. Категория каузативности – лексико-грамматическая категория, выражающая широкий спектр внутрифразовых отношений, которые можно в целом охарактеризовать как отношения причины-следствия. Связочные каузативные глаголы являются одним из главных средств выражения каузативности. Наличие у глагола регулярных лексико-грамматических отношений, в частности, каузативных, наряду с первичной лексической семантикой определяет характер его синтаксической конструкции.

2. Для грамматического строя исследуемых языков характерно наличие особой группы широкозначных глаголов, которые благодаря своим семантическим и синтаксическим особенностям выполняют функцию служебного компонента в аналитических лексемах с максимально широким инвентарем основных компонентов. К этой группе слов относятся и каузативные связочные глаголы.

3. Связочный каузативный глагол является главным компонентом каузативной конструкции. Каузативные глаголы характеризуются широкой семантикой.

4. В результате проделанной работы уточнены критерии, с помощью которых можно выделить грамматические конструкции, которые отражают каузативную ситуацию. Кроме того, сформирован корпус эмпирического материала. На материале данного корпуса были описаны средства формального выражения компонентов каузативных конструкций. Установлена семантика каузативных глаголов-связок как основных элементов, выражающих каузативное отношение в каузативных конструкциях.

Список литературы

1. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. С. 20- 50.
2. Холодович А.А. Морфологический и лексический каузативы в японском языке // Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив). Под ред. А.А. Холодовича. Ленинград: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. С. 270-293.
3. Talmy L. Force dynamics in language and cognition // Cognitive Science. 1988. 12. P. 49-100.

УДК 81»37:811.111:811.161.1

ПОЛИСЕМИЯ СОМАТИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Буть Д.О.

Калиущенко В. Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

denis.but.97@mail.ru

1. Данная работа представляет собой исследование, посвященное изучению полисемии наиболее употребительных (частотных) соматизмов (наименований частей тела) в английском и русском языках. В работе рассмотрено 10 наименований частей тела, а именно: голова, глаз, нос, язык, ухо, рука, нога, зуб, палец, кулак. Наименования частей тела важны тем, что они принадлежат к базовой лексике любого языка. Они исследовались на материале многих языков, в том числе в типологическом аспекте. У соматизмов характерная полисемия, то есть, многозначность, наличие у слова (единицы языка, термина) двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по смыслу и происхождению (Рублева 2004; 35). Несмотря на большое количество исследований

посвященных соматизмам (Материнская 2009), они считаются недостаточно изученными в сопоставительном аспекте, что безусловно составляет актуальность данной работы. Её цель заключается в определении степени полисемичности английских и русских наименований частей тела. Сопоставление семантики соматизмов на основе статей из двух толковых словарей (Ожегов 2000; Cambridge dictionary 1995) позволяют определить степень полисемичности. Различают нулевую степень (1 значение), первую степень (2-4 значения), вторую степень (5-9 значений), третью степень (10-16 значений) (Тулдава 1983:98).

2. Здесь будет рассмотрена полисемия соматизмов на примере пары голова/глаз.

2.1. Соматизм «голова» имеет вторую степень полисемичности, имея 7 значений в английском языке и 8 значений в русском языке. Совпадающих значений в рассматриваемых языках всего 5. Общими для обоих языков являются значения:

- 1) Верхняя часть тела человека или животного;
- 2) Рассудок, сознание;
- 3) Основная часть простых механизмов или инструментов;
- 4) Руководитель, начальник;
- 5) Передняя часть движущейся группы, колонны.

Наибольшее количество значений слова зафиксировано в русском языке (8).

2.2. Соматизм «глаз» имеет 8 значений в английском языке, 5 значений в русском языке и также обладает второй степенью полисемичности. Всего 5 значений в рассматриваемых языках являются общими. Основным значением является «орган зрения человека или животного». Всего значений насчитывается в русском языке 5, а в английском – 8. Общими значениями являются:

- 1) Орган зрения человека или животного;
- 2) Репродуктивный бутон на картофеле;
- 3) Взгляд, взор;
- 4) Особая способность видения, связанная с родом занятий, профессией;
- 5) Внимание.

Слово наиболее полисемично в английском языке (8 значений).

3. В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что оба наименования частей тела в сопоставляемых языках обладают одинаковой степенью полисемичности. У соматизма «голова» наибольшее количество значений насчитывается в русском языке (8), в то время как соматизм «глаз» наиболее полисемичен в английском (8). В английском языке соматизм «голова» имеет на одно значение меньше, чем в русском (7), в то время как соматизм «глаз» имеет на 3 значения меньше во втором языке (5). Совпадающих значений в рассматриваемых языках для соматизма «голова» всего 5 (верхняя часть человека или животного, состоящая из черепной коробки; рассудок, сознание; основная часть простых механизмов или инструментов; руководитель, начальник; передняя часть движущейся

группы, колонны), в английском языке насчитывается 2 дополнительных несовпадающих значения (дальний от входа конец прямоугольного стола, почетное место; психические или эмоциональные способности и умения), в то время как в русском языке существует 3 специфичных значения (умный, знающий человек; единица при счете (животных); пищевой продукт в форме шара, конуса). Соматизм «глаз» имеет 5 общих значения в двух языках, в английском языке существует еще 3 отличающихся значения (частный сыщик; отверстие на конце иглы, через которое пропускается нить; относительно ясный и спокойный центр урагана или других подобных природных явлений).

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. Москва: Высшая школа. 1986. 295 с.
2. Елисеева В.В. Лексикология английского языка, учебник. 2003.
3. Жадейко М. Н. Антропологические аспекты полисемии соматизмов. Нижний Новгород. 2008. 185 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-10/154
4. Материнская О. В. Типология наименований частей тела : Монография / О.В.Материнская. Донецк: ДонНУ. 2009. 295 с.
Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного анализа лексики. Таллин: Валгус. 1983. 204 с.

УДК 659.1(051): 81'367: 811.111

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛО-, НЕМЕЦКО- И РУССКОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Вожова С. А.

Калиущенко В. Д., д.филол.наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

vojova@gmail.com

1. **Актуальность** исследования обусловлена тем, что рекламные тексты на данный момент – одна из самых распространенных форм существования языка, а особое место в мировом информационном потоке занимают рекламные тексты на английском языке. Рекламные тексты являются объектом исследования многих наук, таких как маркетинг, психология и др. Однако их всестороннее описание невозможно без глубокого лингвистического анализа, рассматривающего рекламный текст как комплексное явление, в неразрывной связи его вербальных и невербальных характеристик.

В современной лингвистике основное внимание было уделено жанрам рекламы, стилистике, структуре и композиции рекламных текстов. К

примеру, структурно-семантические особенности рекламного текста на материале различных языков проанализированы в работах О.А. Дмитриева [1], Г.Н. Кузнецовой [3], Н.С. Лысы [4], И.Г. Шестаковой [5]. Рекламный заголовок (далее РЗ) подвергался подробному специальному лингвистическому исследованию лишь в небольшом количестве научных работ. Например, вопрос о формальной организации РЗ рассматривается на материале текстов печатных рекламных объявлений на русском и английском языках российской и англо-американской прессы в работе Т. А. Козиной и В. Н. Смирновой [2]. Таким образом, структурно-семантические особенности англо-, немецко- и русскоязычных рекламных заголовков еще недостаточно изучены в сопоставительном аспекте, что и обусловило актуальность данной работы.

Цель данного исследования заключается в определении и сравнении структурно-семантических особенностей англо-, немецко- и русскоязычных рекламных заголовков.

2. Все исследованные РЗ насчитывают от 1 до 24 слов. Типичный заголовок англоязычной рекламы, вне зависимости от вида рекламируемого товара, состоит из 6 слов, наиболее частотный объем немецкоязычных заголовков составляет 5 слов, русскоязычных – 4 слова. В корпусе русскоязычных заголовков отмечена тенденция к составлению коротких заголовков (в большинстве случаев от 3 до 6 слов). Этот факт можно объяснить различиями в морфологии сравниваемых языков: в русском языке отсутствуют артикли, характерные для английского и немецкого языков.

Данные, полученные в результате анализа количества предложений в РЗ на трех сопоставляемых языках, являются практически идентичными: больше половины заголовков, вне зависимости от вида рекламируемого продукта, состоят из одного предложения. Для 1/3 исследованных заголовков характерным является наличие нескольких предложений. Частое использование нескольких предложений является следствием применения приема парцелляции в РЗ на сравниваемых языках, а также результатом выведения копирайтерами названия рекламируемого бренда в отдельное предложение.

Характерной особенностью РЗ является использование приема парцелляции с целью создания динамичности и экспрессивности, а также для легкого запоминания заголовка. Примерами парцеллированных предложений являются следующие заголовки: заголовок рекламы торговой марки Bob»s Red Mill: *Made with love. Baked with Bob»s*. «Сделано с любовью. Испечено из муки Bob»s»; заголовок рекламы торговой марки BBN-Hardcore: *Dein Sport. Dein neuer Geschmack*. «Твой спорт. Твой новый вкус»; заголовок рекламы торговой марки Somersby: *Somersby. Сидр. Натуральный яблочный*. Прием парцелляции делает заголовок более динамичным.

С целью усиления эмоционального воздействия на читателя также используются восклицательные предложения. Наибольшее их количество обнаружено в русскоязычном корпусе исследования.

Для половины немецко- и русскоязычных РЗ характерным является отсутствие глаголов, при чем количество безглагольных заголовков на этих двух языках в два раза превышает их количество в англоязычном корпусе исследования. Что касается русскоязычного корпуса исследования, причиной этого является более частое по сравнению с англоязычными заголовками использование названия торговой марки русскими копирайтерами, которое обычно выражено именем существительным, как, например, в заголовке рекламы бренда Ахе: *Новый Ахе Black. Без лишних слов.*

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Изоморфными чертами англо-, немецко- и русскоязычных рекламных заголовков являются:

- 1) небольшой объем заголовков, а именно 4-6 слов, что соответствует формуле, выражающей объем оперативной памяти человека: 7 ± 2 слова;
- 2) наличие одного предложения в заголовке;
- 3) предложения в заголовках характеризуются полной грамматической структурой или полным составом;
- 4) частотное использование приема парцелляции;
- 5) преобладание простых повествовательных предложений.

К алломорфизмам рекламных заголовков на английском, немецком и русском языках следует отнести следующее: немецко- и русскоязычные заголовки отличаются от англоязычных своей преимущественно безглагольной структурой. Количество восклицательных предложений в корпусе русскоязычных заголовков в два раза превышает их количество среди заголовков на английском и немецком языках.

Список литературы

1. Дмитриев О. А. Структурно-семантическая характеристика слогана как особой разновидности рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Орел: 2000. 149 с.
2. Козина Т. А. Формальная организация рекламного заголовка / Т. А., Козина, В. Н. Смирнова // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 284-291.
3. Кузнецова Г. Н. Структурные и семантические особенности языка американской рекламы. Прагматика рекламного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГЛУ. М. : 1984. 182 с.
4. Лиса Н. С. Структурні та лінгвопрагматичні особливості рекламного знака (на матеріалі англійської реклами): дис... канд. філол. наук: 10.02.04 / Львівський національний ун-т ім. І.Франка. – Л. : 2002. 241 с.
5. Шестакова И. Г. Семантические и структурно-композиционные особенности текстов межстилевого характера (на материале американской научно-технической рекламы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М. : 1984. 189 с.

ГЛАГОЛЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ КАУЗИРОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ СТРАХА, В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ И ТИПЫ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Златина М.Э.

Калиущенко В.Д., д. филол. н., профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк
germanistik.dn@mail.ru

1. **Вводные замечания.** Глаголы эмоционального (психического) состояния являются предметом изучения большого количества лингвистических исследований. Структурное ядро класса глаголов эмоционального состояния составляют каузативы, которые обозначают не психическое состояние, а психическое воздействие [2, 3]. Понятие каузативности связано с выражением причинно-следственных отношений в языке, когда одно действие становится причиной возникновения другого [3]. Обязательными элементами каузативной конструкции выступают субъект (оказывает воздействие на объект каузации) и объект каузации (носитель состояния, вызванного каузативной ситуацией).

Цель данного исследования заключается в описании семантики наиболее частотных глаголов, каузирующих состояние страха (ГКС) в английском, немецком и русском языках, в выявлении субъектов и объектов каузации, а также в описании каузативной ситуации. Объектом исследования послужили наиболее частотные ГКС *пугать, запугать* и *отпугивать* в русском языке и их аналоги *to scare, to frighten, to intimidate* в английском языке и *erschrecken, abschrecken* и *einschüchtern* в немецком языке

Материалом исследования послужили тексты ведущих современных СМИ и газетные корпуса текстов, отобранные методом сплошной выборки. Объем выборки составил 450 предложений (по 50 предложений на каждый глагол).

2. **Классификация каузативных конструкций (КК) на основе анализа компонентов каузации.** Анализ примеров исследуемых глаголов позволил выявить 12 значений ГКС во всех трех языках, в каждом языке представлено по 8 значений. Набор значений для каждого глагола отличается. Всем глаголам дана формула толкования, позволяющая раскрыть все возможные значения исследуемых ГКС и описать их семантику [1].

Полученные данные о значениях ГКС и формулы их толкования позволяют классифицировать исследуемые ГКС на основе анализа компонентов каузации. В основу данной классификации были положены следующие признаки: *воздействие одушевленного субъекта на одушевленный объект, воздействие неодушевленного субъекта на одушевленный объект, воздействие неодушевленного субъекта на*

неодушевленный объект, воздействие одушевленного субъекта на неодушевленный объект.

Анализ исследуемого материала позволил выделить следующие типы КК:

1) **Воздействие одушевленного субъекта на одушевленный объект.**

Данный тип КК представлен во всех трех изучаемых языках. В английском языке выявлено 76 предложений, в немецком – 62 предложения, а в русском языке – 43 предложения. Напр. нем. *In Brandenburg haben in der Nacht zum Dienstag drei mit Clownmasken maskierte Menschen Spaziergänger verfolgt und erschreckt* – «В ночь на вторник в Бранденбурге **трое неизвестных** в масках клоунов преследовали и пугали **прохожих**». Следует отметить, что во всех трех языках выявлено большое количество метонимических переносов. Напр. рус. *А как историк Кирби начал пугать **Россию** [= граждан России] возможными новыми потерями военнослужащих и самолетов в ходе сирийской кампании.*

2) **Воздействие неодушевленного субъекта на одушевленный объект.**

Данный тип КК представлен во всех трех изучаемых языках. В английском языке выявлено 57 примеров, в немецком – 59, а в русском – 78 примеров. Напр. рус. *Многих **иностранцев** отпугивают высокая **преступность**.* В исследуемых ГКС данного типа также выявлены примеры метонимического переноса. Напр. англ. *The President is trying to scare **America** [= граждан Америки] into loving him with false claims.* – «Президент пытается страхом заставить **Америку** любить его, давая ложные заявления».

3) **Воздействие неодушевленного субъекта на неодушевленный объект.** Данный тип КК выявлен во всех трех исследуемых языках, однако представлен не у всех глаголов. В английском языке выявлен у глаголов *to scare* и *to frighten*, в немецком – у глаголов *abschrecken* и *einschüchtern*, в русском – у глаголов *пугать* и *отпугивать*. Напр. нем. *So müssen die Hersteller in der Europäischen Union **Schockbilder** auf Zigaretten- und Tabakpackungen anbringen, die vom **Rauchen abschrecken** sollen.* – «В Европейском Союзе на пачках сигарет и табачных изделий производители должны печатать шокирующие **изображения**, которые должны **отпугивать** от курения».

4) **Воздействие одушевленного субъекта на неодушевленный объект.**

Данный тип является уникальным для английского языка и представлен у глаголов *to intimidate* и *to scare*. Напр. англ. *Lions... scare away **bad luck** and offer protection from it.* – «**Львы** ... отпугивают неудачу и защищают от нее.

5) **Субъект каузации не выражен.** Во всех трех исследуемых языках выявлены КК, в которых не выделяется субъект каузации. Наибольшее количество примеров данного типа выявлено у русского глагола *запугать* (14 предложений). Всего в русском языке выявлено 18 примеров, в английском – 7, а в немецком – 10. Напр. рус. *Но народ Донбасса — не те люди, которых легко **запугать**.* В данном случае субъект выражен имплицитно.

б) **Объект каузации не выражен.** Представлен во всех трех языках. В английском языке представлен только у глагола *to intimidate*. В немецком выявлено 13 предложений, в русском – 10. Напр. рус. *Они не всегда знают, что это такое, и все неизвестное пугает.*

7) **Отсутствует и субъект и объект каузации.** Данный тип выявлен только у глагола запугать. Однако и субъект и объект каузации легко можно восстановить из контекста. Напр. рус. *Интересно, что пострадавший водитель уже дважды отказался писать заявление на своих обидчиков. Запугали или «купили»?*

Выводы. Исследование КК в контексте корпусов текстов и материалов ведущих СМИ, позволило раскрыть семантические особенности ГКС в английском, немецком и русском языках, классифицировать их, выявить особенности структурных компонентов каузативных конструкций, а также сделать следующие выводы:

3.1. Исходя их типа субъектов и объектов КК можно выделить 7 типов каузативных ситуаций.

3.2. Наиболее продуктивным является тип “*Воздействие неодушевленного лица на одушевленное лицо*”, представленный в количестве 194 примера во всех трех исследуемых языках. Наибольшее количество примеров данного типа выявлено у русского глагола *отпугивать* (41 пример).

3.3. В английском языке выявлен тип “*Воздействие одушевленного лица на неодушевленное лицо*“, являющийся уникальным только для данного языка.

3.4. В русском языке выявлен пример отсутствия как субъекта, так и объекта каузации.

3.5. Следует отметить, что семантические свойства субъекта и объекта каузации зависят не только от значения глагола, но и от контекста, в котором он употребляется.

Список литературы

1. Златина М.Э. Глаголы, выражающие каузирование состояния страха, в английском, немецком и русском языках // Сопоставительное изучение германских и романских языков и литератур: Материалы Международной научной студенческой конференции (Донецк: 11-12 апреля 2017 г.) / под общ. ред. С. Е. Кремзиковой, 2017. С.88-90.
2. Недялков В. П., Сильницкий Г.Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: ««Наука»», 1969. С.5-19.
3. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики М: Языки славянской культуры, 2004. С.273-303.

НЕМЕЦКИЕ ПРИСТАВОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ УДАЛЕНИЯ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исаева А.Э.

Петренко А.Д., д. филол. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Данная работа посвящена немецким глаголам удаления и поиску их соответствий в русском языке.

Под глаголами удаления (далее ГУ) в работе понимаются языковые единицы, описывающие ситуацию, субъект которой в момент времени t занимает местоположение L_1 , а в некоторый следующий момент $t+1$ — местоположение L_2 [Майсак, с. 54], ср.:

(1) нем. *loslaufen* «убегать» (← *laufen* «бегать»), рус. *уезжать* (← *ехать*).

Объектом исследования являются ГУ, а **предметом** — поиск соответствий между данными языковыми единицами в немецком и русском языках.

Материалом исследования послужила сплошная выборка ГУ из лексикографических источников. В качестве словарей были использованы «Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in sechs Bänden.» [Duden, Bd. 1-6], «Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache» [Pons 1977], «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» [ТСРГ 1999].

Структурно-семантический анализ соответствий позволил выявить следующие соответствия:

1. Первую группу соответствий в сопоставляемых языках составляют ГУ с *полным структурно-семантическим соответствием*. Сюда вошли немецкие ГУ с префиксами *ab-, davon-, weg-, ent-, fort-* и их русские приставочные образования с префиксом *у-*. данные префиксы, соединяясь с корневыми глаголами движения (*gehen/идти, kriechen/ползти, fliegen/лететь, fahren/идти* и др.), придают им одинаковое пространственное значение, а именно значение удаления [ССЭНЯ, с. 35, 102, 127; 163,455; Земская, с. 291], ср.:

(2) нем. *abgehen/davongehen/fortgehen/weggehen* «уходить» (← *gehen* «ходить»), рус. *уходить* (← *ходить*).

Полная структурная эквивалентность наблюдается также в следующих немецких и русских ГУ:

(3) нем. *entlaufen/davonlaufen/fortlaufen/weglaufen* «убегать» (← *laufen* «бегать»), рус. *убегать* (← *бегать*);

(4) нем. *abfliegen/entfliegen/ wegfliegen* «улетать» (← *fliegen* «летать»), рус. *улетать* (← *летать*);

(5) нем. *abfahren/ fortfahren/wegfahren* «уезжать» (← *fahren* «ехать»), рус. *уезжать* (← ехать).

У русских ГУ с приставкой *вы-* и их немецких соответствий с префиксом *aus-* также реализуется сходное пространственное «значение направленности действия изнутри наружу» [ССЭНЯ, с. 73; Ожегов, с. 89], ср.:

(6) нем. *auslaufen* «убегать» (← *laufen* «бегать»), рус. *выбежать* (← бегать).

2. Вторую группу составляют ГУ с частичным структурно-семантическим соответствием. Сюда входят, в частности, русские ГУ с приставкой *вы-* и немецкие ГУ с префиксами *hinaus-*, *heraus-*. В отличие от русских ГУ с префиксом *вы-*, в немецких ГУ наречный компонент *hinaus-* сообщает корневой морфеме смысл «движение наружу от говорящего», а производные ГУ с префиксом *heraus-* обозначают «движение наружу в сторону (по направлению) к говорящему» [ССЭНЯ, с. 212, 203], ср. примеры (7), (8) и (9):

(7) рус. *выходить* «уйти, оставить пределы чего-л.» (←ходить) (выходить из комнаты) [Ожегов, с. 93];

(8) нем. *herausgehen* «(von dorthin) nach (hier) draußen gehen» (←gehen «ходить») (Ich sah sie aus dem Garten herausgehen [WDg, Bd. 3, S. 1792] «Я видел, как она вышла из сада (в мою сторону)»);

(9) нем. *hinausgehen* «nach dort draußen gehen» (← gehen «ходить») (Er ging ohne Gruß aus dem Zimmer hinaus [WDG, Bd. 3, S. 1843] «Он вышел из комнаты не попрощавшись»).

Аналогичные оттенки в значениях русских и немецких ГУ отмечены в следующих примерах:

(10) рус. *выехать* (например, из гаража, ворот) (← ехать), нем. *hinausfahren* «выехать откуда-л. наружу (по направлению от говорящего)» / *herausfahren* «выехать откуда-л. (по направлению к говорящему)» (← *fahren* «ехать»);

(11) рус. *вылетать* (← летать), нем. *hinausfliegen* «вылетать откуда-л. (например, из клетки) наружу (по направлению от говорящего)» / *herausfliegen* «вылетать откуда-л. (например, из клетки) наружу (по направлению к говорящему)» (← *fliegen* «летать»)

В рассматриваемую группу соответствий относится русский ГУ (12) *умчаться* с неединичной мотивацией, который мог образоваться одним из трёх возможных способов:

а) префиксально-постфиксальным способом (*умчаться* ← мчать (разг.));

б) префиксальным способом (*умчаться* ← мчаться);

в) постфиксальным способом (*умчаться* ← умчать (кого-л.))

Ср., однако, данный ГУ с немецкими производными, образованными путём префиксации: нем. *fortrennen/ wegrennen* «умчаться» (← *rennen* «мчаться»).

Отдельные ГУ анализируемой группы обнаруживают одновременно морфологические и стилевые отличия. Так, русский приставочный ГУ (13)

укатить «то же, что уехать» [Ожегов, с. 677] (← катить) употребляется в разговорном языке, а его немецкий частичный эквивалент *sich verrollen* образовался путём одновременного присоединения к простому (корневому) глаголу *rollen* «катить, катиться» префикса *ver-* и рефлексивного местоимения *sich*. Рефлексивный глагол *sich verrollen* является диалектным словом и употребляется в Южной Германии [Küpper, 884].

3. Третью группу соответствий образуют *безэквивалентные* ГУ, не имеющие структурно-семантических соответствий на уровне отдельного слова (глагола) в одном из сравниваемых языков. В каждом из сравниваемых языках обнаружены ГУ, которым в другом языке соответствуют, как правило, описательные конструкции. Часто подобные безэквивалентные ГУ носят разговорный (сленговый, просторечный, диалектный) характер, обладают экспрессивно-эмоциональной окраской и оценочным значением. Сюда, в частности, входят следующие ГУ:

Русский язык: *улизнуть* (прост.) (← лизать); *смыться* (прост.) (← мыть); *убираться* (разг.) (← убирать); *смотаться* (прост.) (← смотать); *слинять* (прост.) (← линять).

Немецкий язык: *sich dünnmachen* (разг.) «незаметно уйти» (← dünn «тонкий»); *sich fortmachen* (разг.) «удалиться» (← machen «делать»); *davonrauschen* (разг.) «гневно/ с яростью уходить» (← rauschen «шуметь»); *sich verkrümmeln* (разг.) «незаметно уйти» (← krümmeln «крошить, крошиться»); *sich wegmachen* (разг.) «уйти откуда-л.» (← machen «делать»); *sich verschrubben* (nordd) «незаметно уйти» (← schrubben «скрести, тереть»).

Список литературы

1. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
2. Майсак Т. А., Рахилина Е.В. Семантика и статистика: глагол ИДТИ на фоне других глаголов движения // Арутюнова Н. Д., Шатуновский И. Б. (ред.) Логический анализ языка: Языки динамического мира. Дубна : Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. С. 53-66.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1988. 752с.
4. ССЭНЯ: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка // А.Н. Зуев, И. Д. Молчанова, Р.З. Мурясов и др.; Под рук. М.Д. Степановой. М. : Рус. яз., 2000. 536 с.
5. Küpper, Heinz : Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache // Heinz Küpper. 1. Aufl., 6. Nachdr. Stuttgart; München; Düsseldorf; Leipzig : Klett, 1977. 959 S.

ПАРОНИМИЯ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Каменев А.Р.

Басыров Ш. Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк
germanistik.dn@mail.ru

Явление паронимии изучается учеными уже на протяжении нескольких десятилетий (см., например работы Ивановой Д.А., Антипиной О.П. и др.), однако, несмотря на это, в современном языкознании отсутствует единый подход к изучению этого феномена. Таким образом, возникает необходимость рассмотреть и обобщить современные подходы к изучению словообразовательной паронимии.

Словообразовательная паронимия стоит в одном ряду с такими смежными феноменами в языке как – синонимия, омонимия и антонимия, которые изучены в полной мере. Недостаточное количество исследований проблемы словообразовательной паронимии нарушает системность описания данного явления. Это обуславливает значимость изучения словообразовательной паронимии и выявления её места в кругу других смежных явлений (синонимия, омонимия, антонимия).

В качестве **объекта настоящего исследования** выступает феномен паронимии, а **предметом** - словообразовательная паронимия русского и английского языков.

Материалом исследования послужила словарная выборка русских и английских паронимов (рус. – 35 пар прилагательных, 26 пар существительных, 23 пары глаголов; англ. – 20 пар прилагательных, 19 пар существительных, 20 пар глаголов).

В русском языкознании можно выделить два основных направления в толковании терминов «пароним», «паронимия» - **широкое** и **узкое**.

Широкое толкование относит к паронимам все созвучные слова, имеющие разные значения и ошибочно употребляющиеся одно вместо другого, например: *забирать // собирать, стадия // студия, солить // залить*. Сторонниками данного толкования являются О.С. Ахманова, А.Н. Гвоздев, Н.П. Колесников и др.

Сторонниками узкого толкования данного понятия являются Ю.А. Бельчиков, О.В. Вишнякова, Э.В. Кузнецова, М.С. Панюшева и другие. Они считают паронимами созвучные однокорневые слова, не совпадающие по значениям и принадлежащие к одному логико-грамматическому ряду, например: *шумный // шумовой, рыбный // рыбий, аспирант // аспирант*.

В западноевропейском языкознании редко употребляется термин «пароним». Для обозначения паронимов обычно используется термин *confusable* («слово, смешиваемое с другим словом») или их относят к более общему

понятию «*malaprop*» («*malapropism*»), то есть ошибочное, неправильное словоупотребление типа: *action // activity, capture // captivity*. Основные критерии выделения слов, определяемых как *confusibles*, являются такими же, как и в толковании паронимов: сходство в звучании и написании, контекстуальная смысловая близость, которые определяются под общим названием «*sight – sound – sense criterion*» [Room 1979: 3–4]. Данное понимание схоже с широкой трактовкой паронимии отечественных лингвистов.

В настоящей работе паронимами именуются однокоренные созвучные слова, имеющие определенные семантические различия, носящие системный характер, а не случайное формальное совпадение лексем. Они разграничиваются от таких смежных явлений как: синонимия, антонимия и омонимия.

Словообразовательные паронимы, как и синонимы, омонимы и антонимы, образуются от одной и той же производящей основы, что обуславливает созвучность производных слов.

Сопоставительный анализ паронимов русского и английского языков позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. Паронимы охватывают в английском и русском языках три категориальные основы: глагол (рус. *осудить // обсудить*; англ. *affect // confect*), существительное (рус. *подбородок // подбородник*; англ. *celebration // celebrity*) и прилагательное (рус. *запасный // запасливый*; англ. *susceptible // susceptible*).

2. Словообразовательная паронимия образуется в сопоставляемых языках различными способами – путем префиксации (рус. *отклик // оклик*; англ. *avocation // vocation*), суффиксации (рус. *практический // практичный*; англ. *annoyed // annoying*) и словосложения (рус. *единоверный // единоверческий*, англ. *handwork // handiwork*).

3. Наиболее продуктивно паронимы образуются суффиксальным способом (рус. – 79%, англ. – 76%), наибольшее количество паронимов отмечено в сфере имён прилагательных (рус. – 67%, англ. – 62%).

Список литературы

1. Антипина О. П. Сопоставительный анализ паронимов английского и русского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Башкир. гос. университет, Уфа, 2012. 23 с.
2. Иванова Д.А. Словообразовательная паронимия в русском и немецком языках (на материале имен прилагательных): дис. ... канд. филол. наук. Казан. фед. университет, Казань, 2016. 183 с.
3. Room A. Dictionary of Confusibles. London: «Routledge & Kegan Paul», 1979. 153 p.

ПОЛУВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В УСТОЙЧИВЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Касинцова Е.К.

Калиущенко В.Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Введение. Данная работа посвящена исследованию устойчивых словосочетаний (УС) с полувспомогательными глаголами (ПГ) в немецком и русском языках типа *Befehl erteilen* «отдавать приказ», *Hilfe leisten* «оказывать помощь», *in Angriff nehmen* «приступить к (чему-либо)». Это словосочетания существительного с глаголом, в которых основное «событийное» значение выражает существительное, играющее роль своего рода опорного слова, а глагол носит полувспомогательный характер и передает общий смысл, например, «осуществлять», «производить», «делать». Термин ПГ в отношении глагольного компонента в такого рода словосочетаниях призван акцентировать внимание на том, что в таких словосочетаниях основную лексическую нагрузку несет предикатное имя существительное [2: 61].

Полувспомогательные глаголы (иногда их называют также «легкими» или «опорными» глаголами) пусты в контексте своего ключевого слова, т. е. дублируют часть его значения [3], или выражают только «категориальное», или «таксономическое» значение соответствующего существительного [1].

Актуальность исследования обусловлена тем, что УС в настоящее время являются одной из самых используемых форм языка. Однако фразеологические единицы, в состав которых входят ПГ, до сих пор не были изучены подробно.

Цель данного исследования заключается в составлении списка ПГ в немецком и русском языках, определении семантических особенностей УС с ПГ немецкого и русского языков.

Объектом исследования выступают УС с ПГ немецкого и русского языков, а предметом исследования являются их семантические особенности.

Материалом исследования послужили ПГ устойчивых словосочетаний немецкого и русского языков, извлечённые методом сплошной выборки из частотного словаря под ред. Олера Хайнца [4] в котором дана основная лексика 6 языков, а именно немецкого, русского, английского, французского, итальянского и испанского. Общий объём выборки составил 193 единицы (102 ед. в немецком и 91 ед. в русском языке).

1. **Семантические особенности УС с ПГ.** В последнее время вопросы семантики фразеологизмов всё больше привлекают внимание исследователей

фразеологии. Большинство УС в сопоставляемых языках ориентированы на характер человека, его поведение, действия, чувства, отношения между людьми и т. п., напр.:

нем. *Mut fassen*, аналогично рус. *собраться с духом*;

нем. *Abmachung treffen*, аналогично рус. *заключать соглашение*;

нем. *ein Gespräch führen*, аналогично рус. *вести разговор*.

Компоненты УС с ПГ семантически неравноправны: смыслообразующим компонентом является имя существительное, а глагол передаёт общий смысл. Глагол в таких словосочетаниях не имеет собственного лексического значения или имеет ослабленное значение и служит для того, чтобы быть носителем грамматических категорий времени, вида, наклонения, залога, лица и т.п., невыразимых при именном компоненте словосочетания. Поэтому словосочетание в целом является глагольно-именной («аналитической») перифразой исходного глагола, ср.:

нем. *Hilfe leisten* – *helfen*, аналогично рус. *оказывать помощь* – помогать;

нем. *Angebot machen* – *anbieten*, аналогично рус. *вносить предложение* – предлагать;

нем. *Entscheidung treffen* – *entscheiden*, аналогично рус. *принимать решение* – решать.

При этом рассматриваются такие перифразы, при которых сохраняется подлежащее исходного глагола; ср.:

Он очень помог мне — Он оказал мне большую помощь.

Все такие словосочетания обладают свойствами устойчивости и лексической связанности («фразеологичности», «идиоматичности»), ср.: *произносить речь* и *делать доклад*, но не наоборот, *оказывать влияние* и *производить впечатление*, но не наоборот; *испытывать гордость* и *питать надежду*, но не наоборот, и т.п. Очевидно, что тем самым они приобретают свойства межъязыковой идиоматичности, ср.:

рус. *заключать договор* и нем. *Vertrag schließen* (букв. «закрывать договор»);

рус. *производить шум* и нем. *Lärm machen* (букв. «делать шум»).

В ходе исследования установилось, все ли УС с ПГ являются глагольно-именной перифразой исходного глагола. Оказалось, что 15 УС с ПГ как в русском, так и в немецком языке не являются таковыми. При этом, все из этих УС совпадают в сопоставляемых языках, напр.:

нем. *in Kraft treten* аналогично рус. *вступать в силу*;

нем. *in Frage stellen* аналогично рус. *ставить под вопрос*;

нем. *Bewusstsein verlieren* аналогично рус. *потерять сознание*.

2. Частотность ПГ в немецком и русском языках. На основании исследованных УС с ПГ в немецком и русском языках также были выделены наиболее частотные ПГ в каждом из сопоставляемых языков.

В немецком языке в роли ПГ наиболее часто употребляются такие глаголы, как *haben* «иметь» (11 единиц) и *machen* «делать» (9 ед.), напр.:

нем. *Eindruck machen* «производить впечатление»;

нем. *Mitleid haben* «питать сочувствие».

Часто употребляемыми глаголами являются также *nehmen* «брать» и *treffen* «встречать», каждый из которых представлен пятью единицами в немецком языке, напр.:

нем. *in Schutz nehmen* «брать под защиту»;

нем. *Wahl treffen* «делать выбор».

Что касается русского языка, то функцию ПГ чаще всего выполняют глаголы *оказывать* (7 ед.), *терпеть* (5 ед.), *иметь* (4 ед.) и *делать* (4 ед.), напр.: *оказывать влияние, терпеть неудачу, иметь счастье, делать заявление*.

Выводы

1. Смыслообразующим компонентом в УС с ПГ является имя существительное, а глагол является носителем грамматических категорий времени, вида и т.п. ПГ пусты в контексте своего ключевого слова.

2. УС с ПГ в целом являются глагольно-именной («аналитической») перифразой исходного глагола.

3. Наиболее частотными глаголами, выполняющими роль ПГ, в немецком языке являются глаголы *haben* «иметь» и *machen* «делать», в русском – *оказывать* и *терпеть*. Это связано с тем, что эти глаголы часто передают общий смысл и имеют ослабленное лексическое значение.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций. Вопросы языкознания, 2004. № 4. С. 3-18.
2. Грудева, Е. В. Лексические функции Oper 1 и Oper 2: частота встречаемости и степень разнообразия (на материале русского языка). Филологические науки, 2012. №2. Т.1. – С. 60 – 64.
3. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-Текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
4. Oehler Heinz, Oleg Helger, Carl Heupel: Grundwortschatz Deutsch In Sechs Sprachen. Stuttgart: Klett Verlag, 1971. 441 S.

ПОЛИСЕМИЯ ЗООНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Качинская Е.В.

Калиущенко В.Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

donnu.fia@mail.ru

1. В данной работе рассматриваются слова лексико-семантической группы зоонимов, то есть наименований животных, из которой было выбрано 10 русских наиболее употребительных, а именно: *волк, медведь, заяц, лиса, кот, собака, корова, козёл, бык, мышь*, а так же их эквиваленты в английском и немецком языках. Необходимость изучения полисемии и зоосемии как лингвистического явления, и сравнение значений выбранных зоонимов в английском, русском и немецком языках составляют актуальность работы. Целью данной работы является рассмотрение понятия полисемии и изучение многозначности зоонимов на материале русского, английского и немецкого языков. На примере выбранных зоонимов проследить насколько переносные значения указанных зоонимов совпадают в английском, русском и немецком языках.

2. Полисемия, или многозначность, слова — это наличие у языковой единицы более одного значения, а лексическая полисемия может быть определена как «способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности [Елисеева 2003]. Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда одно слово начинает использоваться для обозначения другого, сходного с ним по некоторым признакам или свойствам. Любое слово языка может приобрести новое значение, когда в этом возникает потребность, поэтому многозначных слов в языке, как правило, больше, чем однозначных [Вендина 2001, с. 136]. Полисемия создаётся общественной потребностью — либо в подходящем названии для нового предмета или явления, либо в новом названии для предмета старого, уже как-то обозначавшегося [Маслов 2005, с. 106]. Общественная потребность широко использует неограниченную способность слов языка получать новые значения. Различают нулевую степень полисемичности (1 значение), первую степень (2-4 значения), вторую степень (5-9 значений), третью степень (10-16 значений) [Тулдава 1983]. Здесь будут представлены значения зоонимов лиса и собака, так как эти слова обладают высокой степенью полисемичности в английском, русском и немецком языках.

2.1 Лиса. Данный зооним обладает второй степенью полисемичности в английском языке (7 значений), и первой степенью полисемичности в русском (3 значения) и немецком (4 значения) языках. Общими для всех языков являются следующие значения:

1) хитрый, льстивый человек (разг.);

2) мех, шкура такого животного.

Значения 'вид меча', 'привлекательная женщина', 'прядь, образованная из скрученной канатной пряжи' и 'горечь в пиве' имеют место только в английском языке. Дополнительным значением в русском языке, которое не встречается ни в английском, ни в немецком, является 'замаскированный в лесу радиопередатчик', а в немецком языке таким значением является «золотая монета (разг.)».

2.2 Собака. В английском языке данный зооним обладает третьей степенью полисемичности, имея 10 значений. Только в английском можно встретить такие значения зоонима: 1) вид оружия; 2) оживлённый, энергичный человек; 3) медленная или сложноуправляемая лошадь; 4) любой атмосферный феномен. В русском языке зооним имеет 3 значения (первая степень полисемии), а в немецком – 6 (вторая степень). Общим для всех является значение оскорбительного слова. А только в немецком встречаются такие определения: 1) торт из сухого печенья с какао; 2) рудничная вагонетка; 3) нищий, несчастный человек.

3. Результаты данного исследования показали, что в русском языке большей степенью полисемичности обладают зоонимы: козёл, собака, кот, лиса и кролик. В английском языке: медведь, кролик, лиса, кот, собака, корова, козёл и мышь. В немецком языке: волк, лиса, собака, козёл, бык и мышь. Большой степенью полисемии в отношении взятых зоонимов отличается английский язык, на втором месте находится немецкий язык и на последнем – русский.

Список литературы

1. Вендина Т. И. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогических вузов. М., Высш. шк., 2001. С. 288.
2. Елисеева В.В. Лексикология английского языка (учебник). СПб: СПбГУ, 2003. С. 17.
3. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987. С. 272.
4. Одноязычный толковый словарь немецкого языка Duden, URL: <http://www.duden.de/>
5. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 940.
6. Тулдава Ю.А. Проблемы и методы квантитативно-системного анализа лексики. Таллин: Валгус, 1983. С. 204.
7. The Shorter Oxford English Dictionary (Volume I, II). New-York, Oxford University press, 1973.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ
ИНФОРМАЦИОННЫХ СООБЩЕНИЙ О НОВОСТЯХ КУЛЬТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ, НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ
И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

Коваленко Е. В.

Калиущенко В. Д., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

1. Заголовок является вступительной и самой важной частью статьи, и должен не только информировать читателя, но и убеждать его прочитать статью целиком. [1]

2. Лексика заголовков во многом детерминирована общими особенностями публицистического стиля, для которого, в целом, характерны актуальность содержания, острота и яркость изложения, авторская оценка [2]. (2) Так как рассматриваемые заголовки принадлежат статьям о новостях культуры и искусства, большинство англоязычных – 131 (65.5%), немецкоязычных – 53 (26.5%) и русскоязычных – 79 (44%) содержат слова, относящиеся к этой сфере, например: *A Photographic Tour of 19th Century Germany* «Фото-тур по Германии 19 века» (Spiegel Online International 2013); *So poetisch kann Provinz sein* «Насколько поэтической может быть провинция» (Spiegel Online 2016), *Художник* должен уметь *рисовать* (Русский репортер 2013).

3. Упоминание географических данных, указание национальной или территориальной принадлежности создает впечатление точности и достоверности сообщаемого. Кроме того, каждый человек невольно отождествляет себя с определенной территорией, определяет себя как носитель какой-либо культуры, представитель той или иной национальности. Данная особенность встречается преимущественно в англоязычных заголовках, где занимает второе место по частоте использования: 83 (41.5%). В немецкоязычном и русскоязычном изданиях данная особенность занимает третье место: соответственно 21 (10.5%) и 30 (17%). Это связано с тем, что журнал Spiegel Online International более ориентирован на освещение событий по всему миру, например: *Leipzig Is the New Berlin* «Лейпциг становится новым Берлином» (Spiegel Online International 2012); «О *Шотландии* с любовью, *Немецкий* взгляд и другие события (Русский репортер 2013).

4. Использование числовых данных, кроме создания впечатления достоверности, позволяет заголовку оставаться лаконичным. Также числа могут привлекать внимание, когда шокируют или конкретизируют информацию. Использование точных числовых данных встречается в

9 (4.5%) англоязычных, в 5 (2.5%) немецкоязычных и в 20 (11%) русскоязычных заголовков. Относительно редкое употребление связано со спецификой тематики статей, в которых чаще всего отсутствуют числовые данные, которые могут быть вынесены в заголовок, привлекая внимание и не нарушая принципа достоверности одновременно, например: *Legendary Berlin Dance Hall Turns 100* «Знаменитому танцевальному залу Берлина исполняется 100» (Spiegel Online International 2013); *Zehn Songs für die Ewigkeit* «Десять песен для вечности» (Spiegel Online 2016); **10** женских образов советского кинематографа (Русский репортер).

Таблица 1

Лексические особенности заголовков

№	Особенность Язык	Англоязычные заголовки	Немецкоязычные заголовки	Русскоязычные заголовки
1	Слова, относящиеся к сфере культуры и искусства	131 (65.5%)	53 (33%)	79 (44%)
2	Имена собственные, обозначающие авторов или героев художественных произведений, философов, политиков и т. д.	38 (19%)	46 (29%)	35 (19%)
3	Географические названия, указание на национальную или территориальную принадлежность	83 (41.5%)	21 (13%)	30 (17%)
4	Использование цитат	16 (8%)	26 (17%)	14 (8%)
5	Точные числовые данные	7 (3.5%)	5 (3%)	20 (11%)
6	Сокращения	9 (4.5%)	8 (5%)	
Всего:		200 (100%)	159 (100%)	180 (100%)

5. Имена авторов, героев художественных произведений, выдающихся деятелей искусства, философов, политиков с одной стороны, конкретизируют информацию, с другой – способствуют реализации рекламной функции: имена знаменитостей, за жизнью и творчеством которых следит весь мир, пробуждают любопытство. Эта особенность по частоте употребления среди англоязычных заголовков находится на третьем месте: 38 (19%), и на втором в немецкоязычном и русскоязычном корпусе: соответственно 46 (23%) и 35

(19%), например: *Wartime Diaries Reveal the True Astrid Lindgren* «Дневники военного времени раскрывают подлинную Астрид Линдгрэн» (Spiegel Online International 2015); «*Medien schaffen Monster. Auch Donald Trump*» «СМИ порождают монстров. В том числе, и Дональда Трампа» (Spiegel Online 2016); Экскурсия по местам *Джека Потрошителя* (Русский репортер 2013).

6. Одним из основных приемов актуализации смысла заголовка является использование цитат. Цитаты, выносимые в заглавие, чаще всего являются провокационными и неоднозначными по своему характеру, например: «*Satire Makes People Think*» «Сатира заставляет людей задуматься» (Spiegel Online International 2015); «*Ich hätte Trump gewählt, seine Kampagne war genial*» «Я бы выбрал Трампа, его предвыборная кампания была гениальной» (Spiegel Online 2016); Дмитрий Соколов: «*Я могу, что хочу, и хочу, что могу*» (Русский репортер 2013). Цитата не только указывает на содержание статьи, но и указывает на имплицитный смысл статьи, так как определенный «словарный код», встречающийся в заглавии, затем содержится непосредственно в самом тексте, что подчеркивает выраженную в «коде» мысль. Они встречаются в 16 (8%) англоязычных заголовков, в 26 (13%) немецкоязычных и в 14 (8%) русскоязычных заголовков.

9. Использование сокращений используется крайне редко, так как сокращения в большинстве своем стилистически нейтральны, например: *German Politician Inhales on Live TV* «Немецкие политики курят в прямом эфире» (Spiegel Online International 2012); *Sherlock in der Glitzerwelt von L.A.* «Шерлок в блеске Лос-Анджелеса» (Spiegel Online 2016).

Список литературы

1. Вахтель Н. М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра фил. наук (10.02.01). / Н. М. Вахтель. РИЦ ВГУ. Воронеж, 2004. С. 64-65.
2. Kronrod A. "Accessibility theory and referring expressions in newspaper headlines" [Text] / A Kronrod, A. Engel // Journal of Pragmatics. 2003. № 33. P. 683-699.

КОММУНИКАТИВНАЯ СХЕМА СЛОГАНА РЕКЛАМЫ БЫТОВЫХ ТОВАРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

Корнилова Т. В.

Калиущенко В. Д., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

tatyana-unttd@mail.ru

Введение. Слоган (лозунг, девиз), как важный, оригинальный компонент рекламного сообщения, давно привлекает внимание исследователей-лингвистов. Предпринимались попытки его изучения с точки зрения рекламного жанроведения, структурно-содержательного аспекта, стилистики, коммуникативно-прагматической составляющей (К. В. Шидо, Н. П. Белоусова, Ван Нинь, П. В. Качалкин, Н. В. Коваленко, П. Ондомбо, И. В. Неговорова, Н. П. Соболева, Н. Е. Копейкина, О. В. Лещенко и др.). Слоганам посвящены многочисленные статьи. Исследователи рассматривают слоган рекламы в целом, либо ограничиваются рекламой определенных товаров или услуг. Объектом данной работы являются слоганы рекламы бытовых товаров на английском, русском и французском языках. К исследованию по возможности привлекался ранее не изученный эмпирический материал. Его источником служат интернет-сайты, буклеты, каталоги, этикетки товаров и др. Целью данной статьи является прагматический анализ слогана как важной составляющей рекламного сообщения. Стоит задача рассмотреть принципы коммуникативного воздействия в рекламе, а также проанализировать использование имплицитной и эксплицитной информации в рекламных текстах.

Место слогана в рекламном профиле. Слоган, являясь важной коммуникативной единицей рекламного сообщения, в сжатом виде излагает суть рекламного предложения в образной, экспрессивной форме. Таким образом, он выполняет следующие функции: привлечения внимания целевой аудитории; формирования ментального образа, связанного с продуктом/ услугой/ компанией; обеспечение и подкрепление запоминания послания рекламной компании в целом; выделение преимуществ товара/ компании на фоне конкурентов. Обычно реклама содержит такие структурно-композиционные элементы: слоган, заголовок, основной текст и эхо-фраза, иллюстрация, рекламные реквизиты - основная справочная (контактная) информация. В своей работе О. В. Лещенко, например, приводит модель текста банковской рекламы, указывая на то, что слоган чаще всего находится в конце, резюмируя рекламное сообщение [1, с. 15]. Однако, как отмечает исследователь, и как показывают наши наблюдения, в стремительно меняющихся условиях современного общества, появляются новые

смысловые акценты, намечаются новые тенденции в копирайтинге и развитии слоганов. Форма рекламного сообщения все более упрощается, часто не имея строгой структуры, в которой трудно различить четкие элементы. Слоганы могут встречаться и в начале рекламы, могут вовсе отсутствовать. Из 120 текстов в электронном каталоге производителей кухонной утвари 24 не содержат слоганов (в дальнейшем сообщения без слоганов не учитывались). Нередко слоганы фигурируют самостоятельно в креолизованных текстах, что напоминает стиль лозунговой коммуникации политической и социальной рекламы. Если раньше считалось, что в профиле компании должен быть один слоган, который привязан к названию фирмы и всегда сопровождает рекламную компанию, то сейчас это справедливо лишь для корпоративных и стратегических лозунгов и девизов. Предприятие может иметь множество товарных и тактических слоганов, их число зависит от многообразия производимой продукции, промоакций, активности в социальных сетях и т. д. Количество слоганов компании может варьироваться в пределах от 1 до нескольких десятков. Так, на сайте компании Tefal было обнаружено 10 слоганов, а фирма Duralex имеет 57 слоганов только на французском языке. Некоторые слоганы регистрируют как словесный товарный знак, наряду с логотипом, брендами и торговыми марками. В зарубежной литературе существует множество терминов, обозначающих тождественные понятия, соотносящиеся с лозунгом, слоганом, девизом. Различия между ними четко не определены. Они тесно связаны друг с другом концептуально и функционально, допускается взаимозаменяемость многих из них (*motto, mission, engagement, strapline, baseline, signature, catchphrase/word/line, tagline, claim, selling line* и др.).

Адресант - сообщение - адресат. Слоган - прагматически заряженная языковая единица. По своим функциям он призван оказывать речевое воздействие на получателя, стимулируя его к действию (приобретению товара). Прагматическая составляющая играет важную роль в организации слогана, ей подчинены структурные, семантические, стилистические, коммуникативные аспекты. Сообщение строится (кодируется) с учетом знания о получателе (профиль целевой аудитории), его культурном контексте. Сейчас наблюдается динамика коммуникативно-прагматической составляющей, переход от прямой аргументации, призыва, убеждения к непрямому речевому воздействию: внушению (суггестии) и эмпатии (сопереживанию). Например, (1) *SUNRISEPRO, Supreme knife sharpener* vs (2) *Where quality matters* («САНРАЙЗПРО, превосходная точилка для ножей», ср. «Там, где важно качество»). Акцент делается на предпочтениях адресата, понимании его желаний, предоставлении ему права самостоятельного принятия решения о покупке. Это достигается тактиками ментального стимулирования, апелляции к воображению, фантазиям и мечтам реципиента, а также с помощью введения «интериоризованного дискурса». Интериоризованный дискурс строится на определённом языке моделирования внутренней речи, внутренних эмоций, переживаний, образов

и т. д. [2], что обеспечивает высокую степень вовлеченности адресата в коммуникативный процесс. В силу чего можно говорить об интерактивности рекламной коммуникации. Этому способствует также прием таргетизации адресата, когда указывается, кому конкретно предназначен данный товар. Например, (3) *Ножу Wusthof: страсть – усердие – совершенство. Сделано нами. Для тебя.* (4) *For those who think that food means Art, Passion and Taste!* «Для тех, кто считает, что пища значит Искусство, Страсть и Вкус!» Из данных примеров видна особая лингвопрагматическая значимость грамматических категорий. В силу чего, зачастую невозможно свести коммуникативную модель слогана к упрощенной схеме «адресант (компания производитель) – сообщение – адресат (потенциальный клиент)» (см. Р. Якобсон). Очевидно, что «отправитель» сообщения не всегда совпадает с «автором» – тем, кто создает его (копирайтер). Подобным образом, «получатель» не всегда является «адресатом», которому сообщение предназначено (например, получателями рекламы товаров для детей являются и взрослые). Таким образом, коммуникативное воздействие слогана (рекламного сообщения в целом) приобретает более широкий охват (полиадресатность), иные свойства и функции (развлечения, формирования общественного мнения, самовыражения и др.). Так, на сайте фирмы Luminarc для Великобритании значится слоган (5) *Feel creative* «Будь креативным». В комментарии к нему указано, что обращение адресовано не только к покупателю, но и к самому производителю продукции, стимулируя обоих быть творческими в выборе и в предложении (http://www.luminarc.com/en_GB/feel-creative-community/french-art-de-vivre#part3). Во втором случае адресат и адресант совпадают (автокоммуникация, см. Ю. М. Лотман).

Выводы. Изменение статуса слогана и концептуального наполнения данного понятия, зачастую влечет за собой обнаружение новых смысловых пластов и способов их выражения. Динамика коммуникативно-прагматической составляющей слогана, связанная с переходом от прямой аргументации, призыва, убеждения к непрямому речевому воздействию (манипулированию), использование наряду с эксплицитной информацией и имплицитной, корректирует традиционную коммуникативную модель, провоцирует поиск новых лексико-синтаксических средств для достижения желаемого перлокутивного эффекта в конкурентной среде.

Список литературы

1. Лещенко О. В. Структурно-семантичні та комунікативно-прагматичні особливості німецьких і українських рекламних слоганів: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17. Донецьк: Донецький нац. ун-т, 2014. 220 с.
2. Погребняк Ю. В. Характеристики інтериоризованного дискурса: дис. ... доктора філол. наук: 10.02.19. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2012. 357 с.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА В ИСКУССТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Косицкая А.Г.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

alinakositskaya@mail.ru

Объектом настоящего исследования являются наименования человека в сфере искусства (кино, театр, музыка, телевидение) (далее НЧИ), а **предметом** – семантическая структура НЧИ в английском и немецком языках.

Актуальность данного исследования обуславливается его антропоцентрической направленностью, выбором лексического материала, охватывающего литературные, разговорные, сленговые НЧИ, что позволило одновременно отследить их стилистические особенности и аксиологическую маркированность.

Материалом исследования послужили 1656 НЧИ (англ. – 749; нем. – 907) и их лексико-семантические варианты, отобранные путем сплошной выборки из толковых [5, 6, 8, 9], разговорных [3, 10, 11, 12] словарей и классификаторов профессий [4, 7].

Для изучения тематической организации НЧИ использовался метод компонентного анализа, с помощью которого в семантической структуре НЧИ выделяются минимальные семантические составляющие – семы, которые являются как интегрирующими, так и дифференциальными семантическими признаками. Данные семы обычно осложняются оценочной окраской. Анализируемые НЧИ объединены т.о. в 18 тематических групп (далее ТГ), среди которых наиболее продуктивными являются следующие:

1. ТГ «Музыкант» (англ. – 208 ед., нем. – 150 ед.). Данная ТГ объединяет НЧИ, различающиеся такими признаками:

а) *типом музыкального инструмента (смычковый, струнный, клавишный инструмент)*, ср.: англ. *bassist* «басист (музыкант, играющий на бас-гитаре или контрабасе)»; нем. *Klimperfinger* (букв. 'тренькающий на пианино палец') разг. «пианист»;

б) *специализацией и манерой исполнения музыканта*, ср.: англ. *rideman* разг. «джазовый музыкант, который импровизирует с ярко выраженным ритмом» (← *to ride* разг. «импровизировать с ярко выраженным ритмом»); нем. *Backgroundmusiker* «бэкграунд-музыкант» (*Background* ← англ. *background* «музыкальное сопровождение»);

в) *оценочностью игры музыканта*, ср.: англ. *Joe Blow* разг. «превосходный музыкант; музыкант, который свингует» (*Joe Blow* AmE разг.

«рядовой человек»); нем. *Amateurkrachi* разг. «музыкант-любитель» (*krachen* «трещать; грохотать» → *Krachi* разг. «музыкант, издающий много шума, грохота во время исполнения музыки»).

2. ТГ «Актер/Актриса» (англ. – 181 ед., нем. – 200 ед.), которая распадается на следующие подгруппы:

а) *амплуа, жанровая специализация актера*, ср.: англ. *monologist* «исполнитель монологов»; нем. *Verführer vom Dienst* (букв. «соблазнитель на службе») разг. «театральный актер в роли соблазнителя»;

б) *оценка компетентности, популярности актера*, ср.: англ. *couple of flats* разг. «пара посредственных актеров» (аналогия на два задника из однотонной ткани (*flats*), которые служат фоном оформления спектакля); нем. *scharfer Spieler* разг. «талантливый актер; актер, ясно воплощающий свой образ» (*scharf* «отчетливый, ясный, пронзительный»);

в) *внешность актера*, ср.: англ. *black tumber* (букв. «черный лицедей, шут») разг. «актер с неопрятным видом»; нем. *Kurvenschaustellerin* разг. «киноактриса, которая стремится показать свою фигуру в кадре» (*Kurve* фам. «округлые линии фигуры; пышные формы (у женщины)»);

г) *поведение актера*, ср.: англ. *star-queller* разг. «актер, который портит игру своему партнеру» (← *to quell the stars* букв. «гасить звезды», разг. «портить звездную роль другого актера»); нем. *Lachwurzeln* разг. «театральный актер, которого легко рассмешить на сцене» (*Wurzeln* разг. «легковерный человек»).

3. ТГ «Певец/певица» (англ. – 111 ед., нем. – 190 ед.) со следующими подгруппами:

а) *специализация и манера исполнения певца*, ср.: англ. *lion comique* разг. «ведущий исполнитель комедийных партий» (приоритетный статус исполнителя в театре сравнивается с ведущим положением льва (*lion*) в мире животных); нем. *Kammersänger* «камерный певец»;

б) *оценка компетентности, успешности певца*, ср.: англ. *whooper-up* разг. «громогласный, посредственный певец в мюзик-холлах и театрах» (← *to whoop it up* разг. «буянить, шуметь»); нем. *Kassenstar* (букв. «звезда билетных касс») разг. «любимец публики» (публика охотно покупает билеты на представления с этим исполнителем);

в) *голос певца*, ср.: англ. *basso profundo* «бас-профундо (очень низкий голос); певец с таким голосом»; нем. *Koloraturalt* «колоратурный альт (голос); певица с таким голосом».

Список литературы

1. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. 3-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 280 с.
2. Nida Eugene A. Componential Analysis of Meaning: An Introduction to Semantic Structures. Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 1979. 272 p.
3. A Dictionary of Slang and Unconventional English: Colloquialisms and Catch Phrases, Fossilised Jokes and Puns, General Nicknames, Vulgarisms, and Such Americanisms As

- Have Been Naturalised 8Th Ed. / Eric Partridge, Paul Beale. Taylor & Francis Routledge, 1984. 1400 p.
4. BERUFENET – Die Datenbank für Ausbildungs- und Tätigkeitsbeschreibungen der Bundesagentur für Arbeit. URL: <http://berufenet.arbeitsagentur.de/berufe> (дата обращения: 19.09.2017).
 5. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 19.09.2017)
 6. Duden: das große Wörterbuch der deutschen Sprache: in 10 Bdn. Mannheim [u. a.]: Dudenverlag, 1999. 4320 S.
 7. International Standard Classification of Occupations (ISCO). URL: <http://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/index.htm> (дата обращения: 19.09.2017).
 8. Longman Dictionary of Contemporary English, 4th ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2003. 1950 p.
 9. Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 19.09.2017).
 10. The Oxford Dictionary of Slang / John Ayto. Oxford University Press, 1998. 474 p.
 11. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / Heinz Küpper. Digitale Bibliothek 36, 2000. 1 электрон. Опт. диск (CD-ROM).
 12. MundMische – Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. URL: <http://mundmische.de> (дата обращения: 19.09.2017).

УДК 81»37»373.7: 811.11»16

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ВОДА» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗКАХ

Красильникова О. С.

Подгайская И. М., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

olya.krasilnikova2@gmail.com

1. Фразеологические единицы (ФЕ) каждого языка отражают национальный дух и своеобразие народа. Это своеобразие наиболее заметно при сопоставлении фразеологических систем разных языков, особенно при рассмотрении универсальных тем и понятий, характерных для языков всех народов. Таким универсальным понятием является вода – необходимое условие для жизни человека и в связи с этим неотъемлемая часть языка.

2. *Объектом* настоящего исследования являются английские (59 ФЕ), немецкие (55 ФЕ), русские (50 ФЕ) и украинские (65 ФЕ) фразеологизмы с компонентом «вода».

Цель исследования состоит в изучении семантических особенностей фразеологизмов с компонентом «вода» на материале разноструктурных языков: германских (английский, немецкий) и славянских (русский, украинский).

3. В представлении разных народов вода обладает двойственной природой: с одной стороны, вода – это свежесть, способность очищать, оздоравливать, движение вперед, а с другой – нечто чужое, опасное и даже смертоносное [2]. Также, вода рассматривается с нейтральной, «физической» стороны, например, в качестве продукта питания.

3.1. Негативное отношение к воде связано с верованием в то, что в ней обитают души умерших людей, нечистая сила. Поэтому некоторые фразеологизмы основаны на страхе перед такой опасностью: англ. *no safe wading in an unknown water* «не зная броду, не суйся в воду», *still waters run deep* «тихие воды глубоки»; нем. *stille Wasser sind tief* «тихие воды глубоки»; рус. *тихие воды глубоки, как не знаешь брода, то не лезь и в воду, хоть в воду*; укр. *як скупаний у мертвій воді*.

Помимо этого, фразеологизмы отображают и страх перед физической опасностью – водой как разрушительной стихией: англ. *deep waters* «затруднительное положение», *to get into hot water* «попасть в беду»; нем. *ins Wasser fallen* «проваливаться, не состояться», *in schweres Wasser steuern* «сталкиваться с большими проблемами»; рус. *тихая вода берега подмывает, подводные камни*.

Опасность воды выражается и в ее таинственности и неизведанности, в связи с чем некоторые ФЕ имеют значение «исчезнуть» (также в значении «умереть»): нем. *ins Wasser gehen* «утопиться»; рус. *прятать концы в воду, как водой смыло*; укр. *як лист за водою, ховати кінці в воду, як за водою йти*. Наибольшее количество таких единиц обнаружено в украинском языке.

Еще одно общее значение фразеологизмов в сопоставляемых языках – это «труд, связанный с добычей воды, бесполезная трата времени, если это делается в неподходящем сосуде» [1]: англ. *to carry water in a sieve* «решетом воду носить»; нем. *mit einem Sieb Wasser schöpfen* «черпать воду решетом», *Wasser in den Rhein tragen* «заниматься ненужной работой»; рус. *носить воду решетом, толочь воду в ступе, лить воду*; укр. *носити воду решетом*.

3.2. Положительное отношение к воде реализуется в значении очищения, которое несет вода: англ. *a diamond of the first water* «человек замечательных достоинств»; нем. *von reinstem Wasser* «чистой воды»; рус. *выводить на чистую воду, чистой воды, как с гуся вода* (изначально: древнее заклинание для защиты от болезней и напастей); укр. *випливати на чисту воду*. Некоторые фразеологизмы связаны с целительными свойствами воды: рус. *живая вода, мертвая вода*; укр. *росте як з води, з роси та з води*.

Проточная вода, ручьи вызывают ассоциацию с бегущим временем, движением. Это значение также отразилось в рассматриваемых языках: англ. *a lot of water has flowed under the bridge since* «много воды утекло с тех пор»; нем. *da fließt noch viel Wasser den Berg hinunter* «до тех пор еще много воды утечет»; рус. *богатство – вода: пришла и ушла, много воды утекло*; укр. *багато води сплило*.

3.3. Нейтральное отношение к воде в исследуемых языках проявляется в значении «вода как продукт питания (необходимый или минимальный)»:

англ. *to live on bread and water* «перебиваться с хлеба на воду»; нем. *bei Wasser und Brot sitzen* «сидеть на хлебе и воде»; рус. *садиться на хлеб и воду*; укр. *лишати як на воді*. В украинском и английском языках также присутствуют фразеологизмы со значением «алкоголь»: укр. *гришна вода*, англ. *bubbly water* «игристое вино», *fire water* «спиртные напитки», *water bewitched* «водичка (слабый чай, разбавленное спиртное)», *water of life* «живительный напиток (о спиртном)». При этом коннотация украинского языка – негативна (спиртное сравнивается с грехом), в то время как в английском подчеркиваются оживляющие и разогревающие свойства.

Во фразеологии с помощью компонента «вода» может выражаться количество. Фразеологические единицы с таким значением зафиксированы в английском, русском и украинском языках: англ. *to shed blood like water* «проливать море крови»; рус. *в ложке воды утопить*; укр. *як в решеті води*.

4. Наибольшее количество фразеологических эквивалентов (40 единиц) было выявлено при сопоставлении фразеологизмов русского и украинского языков. В украинском языке не были обнаружены некоторые библеизмы (*чающие движения воды, темна вода во облацех*), общеевропейские фразеологизмы (*тихие воды глубоки, вместе с водой выплеснуть и ребенка*), а также несколько ФЕ, характерных только для русского языка (*тихая вода берега подмывает, деньги что вода, богатство – вода: пришла и ушла*) [3]. Такое количество фразеологических аналогов объясняется близким родством этих языков восточнославянской ветви.

При сопоставлении английского и немецкого языков было обнаружено только 7 полных эквивалентов. Однако были выявлены частичные эквиваленты, некоторые из которых утратили компонент «вода» в одном из языков (нем. *Sturm im Wasserglas* «буря в стакане воды» – англ. *a storm in a tea-cup*). Незначительное количество эквивалентов объясняется принадлежностью языков к разным подгруппам: англо-фризской и южногерманской. В отличие от русского и украинского языков, английский и немецкий развивались более независимо друг от друга, что в первую очередь связано с географическим положением. Так, некоторые ФЕ существуют в русском и немецком языках (нем. *Wasser auf jemandes Mühle gießen* – рус. *лить воду на мельницу*), но в английском присутствуют в другой форме, без компонента «вода» (англ. *to bring grist to smb.'s mill*).

5. Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

5.1. В исследуемых языках были обнаружены одинаковые семантические группы фразеологических единиц с компонентом «вода», что свидетельствует о сходном восприятии мира разными народами.

5.2. Компонент «вода» во всех исследуемых языках является амбивалентным и выражает положительное, отрицательное и нейтральное значения. Во всех языках присутствует значительное количество ФЕ, отражающих страх людей перед разрушительной силой воды и ее таинственностью.

5.3. Незначительное количество фразеологических аналогов присутствует во всех рассматриваемых языках, однако украинский и русский язык выявили наибольшее количество полных эквивалентов.

5.4. Английский и немецкий языки обладают небольшим количеством полных эквивалентов, однако многие ФЕ одного языка обладают частичными эквивалентами в другом.

Список литературы

1. «Вода» в славянской фразеологии и паремиологии : коллективная монография / Eötvös Loránd University ; под ред. А. Золтана, О. Федосова. Будапешт: «Тинта», 2013. Т. 1-2.
2. Славянские древности : этнолингвистический словарь / Ин-т славяноведения и балканистики Рос. акад. наук ; под ред. Н. И. Толстого. М.: «Международные отношения», 1995. Т. 1.
3. Сопова И. В. Фразеологические единицы: связи языка, культуры и мышления // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1. С. 173-178.

УДК 81»367.625:811.111»161.1

ГЛАГОЛЫ КАУЗИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Криндач А. А.

Калиущенко В. Д., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
germanistik.dn@mail.ru

Вводные замечания. В современной лингвистике изучение каузативных глаголов, как выражение причинно-следственных отношений, является одной из самых актуальных тем. На сегодняшний день более глубоко изучены глаголы, выражающие негативное эмоциональное состояние. Представляется интересным проанализировать каузативные глаголы положительного эмоционального состояния на примерах английского и русского языков. Автор рассматривает глаголы каузирования положительного эмоционального состояния (ГКС), например: в английском языке *ravish* «восхищать», *gladden* «радовать», *enliven* «оживлять», в русском языке *восхищать*, *радовать*, *веселить*.

Объектом исследования являются глаголы каузирования положительного эмоционального состояния в английском и русском языках, а **предметом** – их семантическая характеристика и сопоставительные особенности выражения.

Цель настоящего исследования заключается в описании семантики ГКС и изучении их классификации в двух языках.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- изучить и систематизировать основные публикации по теме;
- выявить особенности семантики ГКС в сопоставительной характеристике;
- сформировать группы глаголов каузирования положительного эмоционального состояния в английском и русском языках.

Материалом исследования послужила выборка ГКС из толковых и синонимических словарей английского и русского языка. Выборка ГКС составила 35 единиц в английском языке и 30 единиц в русском языке.

1. Общая характеристика глаголов каузирования положительного эмоционального состояния

Каузативные глаголы выражают различные виды причинно-следственных отношений. Так, Е. А. Дадужева отмечает, что каузативные глаголы – это номинативные единицы, имеющие сложную семантическую структуру, где их ведущей семой является сема воздействия [2]. Уточним, что такие глаголы содержат в себе смысловую нагрузку «воздействовать на кого-то».

В своей работе А. В. Довгаль и Ю. А. Шепелева выделяют две лексико-семантические группы эмотивных глаголов: «глаголы эмоционального состояния» и «глаголы эмоционального отношения» и отмечают, что внутри каждой группы выделяются подгруппы каузативных глаголов [3].

Глаголы каузирования положительного эмоционального состояния, в свою очередь, выражают ситуацию, где субъект воздействует на объект, тем самым вызывая положительные эмоции. Е. А. Киричок уточняет, что участник X изменяет эмоциональное состояние (ЭС) участника Y [4].

2. Классификация ГКС на основе теории эмоций В. Вундта

По теории эмоций В. Вундта существуют 3 измерения эмоций: удовольствие-неудовольствие, успокоение-возбуждение, напряжение-разрядка [1]. Группа удовольствие-неудовольствие олицетворяет собой положительные и отрицательные эмоции. Основываясь на этой теории в группе «удовольствие» автор выделяет 6 подгрупп наиболее часто употребляемых глаголов каузирования положительного эмоционального состояния: радость/веселье, воодушевление, восхищение, интерес, удовлетворение, очарование.

На основании толковых и синонимических словарей приведем примеры употребления ГКС подгруппы «радость/веселье», где ФТ «X каузирует Y находиться в ЭС «радость/веселье». К этой семантической подгруппе в английском языке относятся такие каузативные глаголы: *amuse* «веселить», *cheer up* «веселить; подбодрять», *entertain* «веселить; развлекать», *gladden* «радовать», *tickle* «веселить», *regale* «забавлять; развлекать». Например: *They amused themselves digging through an old encyclopedia* «они веселились, когда копались в старой энциклопедии»; *He cheers her up every time she cries* «Он всегда подбодряет ее, когда она плачет»; *A tremendous game thoroughly*

entertained the crowd «потрясающая игра очень веселила толпу»; *The high, childish laugh was a sound that gladdened her heart* «звонкий детский смех грел ей душу», *The idea of him putting on that suit tickles me* «Меня веселит одна мысль о том, что он наденет тот костюм»; *He regaled her with a colourful account of that afternoon's meeting* «Он развлекал ее красочным рассказом о той дневной встрече».

В русском языке: *веселить, обрадовать, радовать, тешить*. Например: *Песня веселит нам душу; Ты обрадовал меня своим вниманием; Успехи нас радуют; Свое сердце тешишь, а мое гневишь*.

ГКС подгруппы «очарование», где ФТ «Х каузирует Y прибывать в состоянии очарования». К данной семантической подгруппе в английском языке относятся такие каузативные глаголы: *allure* «прельщать; привлекать; соблазнять», *beguile* «обольщать; очаровывать», *captivate* «очаровывать; пленить», *charm* «очаровывать», *enchant* «очаровывать» и др. Например: *Will sponsors really be allured by such opportunities?* «Неужели спонсоров правда может привлечь такая возможность?»; *He beguiled the voters with his good look* «Он очаровал избирателей хорошим внешним видом»; *He was captivated by her beauty* «Его пленила ее красота»; *The books have charmed children all over the world* «Книги очаровали детей всего мира»; *Isabel was enchanted with the idea* «Изабель была в восторге от идеи».

В русском языке: *завлекать, обольстить, околдовывать, очаровывать, пленить* и др. Например: *Очень непросто их завлечь; Ничто не обольстит и не очарует взор; Он сразу околдовал ее своей речью; Очаровывать окружающих своей красотой – непросто; Ты меня пленил своей любовью*.

Выводы

1. Выборка глаголов каузирования положительного эмоционального состояния из толковых и синонимических словарей английского и русского языков составила соответственно 35 и 30 единиц. Количественные данные показали, что в русском языке глаголов каузирования положительного эмоционального состояния меньше, чем в английском. Это обусловлено тем, что в английском языке глаголы обладают семантической многозначностью, которая зависит от контекста.

2. На основе теории эмоций В. Вундта классификация глаголов каузирования положительного эмоционального состояния включает 6 групп. Это ГКС, выражающие каузирование следующих состояний: радость/веселье, воодушевление, восхищение, интерес, удовлетворение, очарование.

3. Особенность группы «очарование» заключается в том, что ГКС связаны со значениями «волшебство», «колдовство». Объект подвергается «магическому воздействию».

Список литературы

1. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.academic.ru/5852> (дата обращения: 5.09.2017).

2. Дадуева А. Е. Общая характеристика каузативных глаголов. СПб: Вестник СибГУТИ, 1994. – № 2. – С. 76-81.
3. Довгаль А. В. Семантические особенности глаголов со значениями «эмоциональное состояние» и «эмоциональное отношение» в английском языке. М.: Acta Germano-Slavica, Т. VI. 2015. – №3. С. 48-52.
4. Киричок Е. А. Глаголы каузации положительного эмоционального состояния в немецком, французском, английском и русском языках. Донецк: Studia germanica et romanica. 2013. – Т. 10. – №2(29). – С. 69-82.

УДК 81»37»373.46:811.11:811.161.1

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТЕРМИНОВ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.

Лембей А.Н.

Удинская А. Г., к.фил.н., доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

alinka_lembey@mail.ru

1. Настоящее исследование посвящено сопоставительному изучению структурно-семантических особенностей терминов горной промышленности в английском, немецком и русском языках.

1.1 Актуальность данного исследования определяется значимостью изучения терминологических систем отдельных областей науки и техники в современной лингвистике как на материале отдельных языков, так и в сопоставительном аспекте.

1.2 Материалом исследования послужило 1514 терминов горной промышленности (527 ед. в английском языке, 565 в немецком языке и 422 ед. в русском языке), полученные путем сплошной выборки из толковых и переводных словарей английского, немецкого и русского языков.

2. Анализ практического материала позволил распределить исследуемые единицы на тематические группы, рассмотреть источники их возникновения, представить структурно-семантическую классификацию терминологии горной промышленности, а также некоторые другие общие и дифференциальные характеристики терминов горной промышленности в трех языках.

2.1 Пути возникновения терминов горной промышленности в исследуемых языках неоднородны. Общим источником происхождения терминов в трех языках является латинский язык. Однако основой создания русской и английской горно-геологической терминосистемы послужила немецкоязычная горная терминология. Наибольшее количество

заимствований наблюдается в исследуемой группе русского языка, в которую более ста терминов пришли из немецкого и английского языков.

2.2 Термины угледобывающей промышленности в английском, немецком и русском языках распределяются на 7 тематических групп, которые совпадают в трех языках. Однако в количественном соотношении наполняемость данных тематических групп демонстрирует ряд отличий.

Как показал анализ исследованного материала, в английском и русском языках наиболее многочисленной оказалась группа терминов «Механизмы и оборудование горной промышленности» (41,9 % (221 ед.) в английском языке и 41,5 % (175 ед.) в русском). Термины данной группы называют разнообразные приспособления, как основные, так и вспомогательные, которые применяются в шахтах для добычи угля, руды, нефти и газа на буровых установках, напр.: англ. *keyhole* «врубной шпур»; рус.: *загрузочный конвейер*; нем.: *der Skrubber* «скруббер/промывочная машина». В немецком языке самой многочисленной оказалась семантическая группа «Способы разработки горных месторождений и их добычи» (28,5 % (161 ед.)). Термины, входящие в эту группу, в трёх исследуемых языках употребляются для обозначения различных способов разработки угольных месторождений, напр. англ.: *semi caving* «выемка лавами»; рус.: *подземный способ добычи*; нем.: *das Absprengen* «взрывание забоя». Наименьшей по численности и сходной в количественном отношении в трех языках является группа «Виды шахт, рудников и скважин», которая описывает разновидности горнопромышленных предприятий, напр.: англ. *exploring-and-producing mine* «шахта разведочно-эксплуатационная»; рус.: *метановая угольная шахта*; нем.: *der Aufsuchungsschacht* «разведочная шахта».

2.3 Терминология горной промышленности, как и любой другой науки, развивается по следующим основным направлениям: использование слов, уже существующих в языке, заимствование терминов из других языков и создание новых терминов. Таким образом, можно различать два основных принципа образования терминов горнодобывающей промышленности в исследуемых языках: первичное образование, при котором термин образуется путем непосредственного применения обычного слова в качестве термина или путем создания сложных терминов и терминов-словосочетаний из элементов обычных слов и вторичное образование, при котором термин образуется от уже существующих терминов путем словопроизводства, сочетания нескольких терминов или их переосмысления.

Термины горной промышленности в трех исследуемых языках состоят из слов и словосочетаний. В английском и русском языках значительно преобладают словосочетания (83,4 % в англ. яз и 86,9 % в рус. яз), тогда как в немецком языке основу терминологии исследуемой сферы составляют слова (62,7 %).

К числу наиболее продуктивных способов образования английской горнорудной терминологии относится способ создания терминов путем

их сочетания, например: *drill log* «буровая колонка»; *muck loader* «породопогрузочная машина». Широко распространенной и продуктивной группой атрибутивных словосочетаний в английской горнорудной терминологии являются двучленные термины-словосочетания с препозитивным определением: *explosive rock* «стреляющая порода»; *auxiliary haulage* «вспомогательная откатка». Это объясняется, прежде всего, особенностями строя английского языка. Очевидно, что термин не может представлять собой только единое слово, зачастую в состав термина входят несколько слов, которые образуют сочетание, несущее в себе значение слова. В немецком языке словосложение — это основной способ образования новых слов и основ, в результате которого образуются сложные слова, напр.: *der Bewetterungsbremmsberg* «бремсберг вентиляционный», *der Wechsellaufbremmsberg* «бремсберг двухпутевой». В русском и английском языках также присутствует словосложение, однако менее активное, чем в немецком языке, напр. англ.: *shaft-sinking* «авария при проходе ствола шахты»; рус.: *гидрозабойка, водоотвод*.

Список литературы

1. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1998. 120 с.
2. Гейман Л.М. Формирование системы горной терминологии и перспективы ее развития // Горные науки и промышленность: сб. статей. М.: Недра, 1989. С. 293-298.
3. Комарова Ю.А. К проблеме структурно-содержательного описания терминологии языка науки // Филология и человек. 2007. № 4. С. 77-87.

УДК 81»373.74:811.11:811.161.1

КОЛОРОНИМ КАК КОМПОНЕНТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Липанова П. К.

Подгайская И. М., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

lipanova.polina@mail.ru

Фразеологические единицы (ФЕ) представляют собой неотъемлемую часть культуры любого народа, а потому цветовое восприятие мира всегда находит свое отражение во фразеологических системах языков. Возникновение фразеологических единиц с колоративным компонентом близко связано с формированием метафорических значений у цветообозначений, что является результатом влияния символики цвета

на сознание человека. Цветовые прилагательные, участвующие в формировании большого количества фразеологизмов, – это прилагательные качественные, воспринимаемые органами чувств [1, с. 243-250].

Объектом настоящего исследования являются ФЕ с колоративным компонентом. Предмет исследования – функционирование колоронимов в составе фразеологических единиц в английском и русском языках.

Цель работы состоит в изучении общих и отличительных черт в употреблении цветообозначений в составе фразеологических единиц.

Материал исследования составляют 302 ФЕ с колоративным компонентом (149 ФЕ в английском и 153 ФЕ в русском языке), отобранные из фразеологических словарей английского и русского языков [3–6].

Символика цветообозначений во многих европейских языках в целом, а так же в исследуемых языках в частности, сходна. Чаще всего в состав фразеологических единиц входят цветообозначения основного спектра, а именно *red, красный; yellow, желтый; green, зеленый; голубой* (только для русского языка), *blue, синий; black, черный; white, белый; grey, серый*, а так же некоторые другие оттеночные цветообозначения [2, с. 28-34]. Эти колоронимы имеют самый широкий круг переносных значений.

Основной общей чертой в употреблении колоронимов во фразеологии исследуемых языков является наибольшее количество фразеологизмов с колоронимами *red, красный* (35 в английском языке, 26 в русском) и *white, белый* (28 в английском и 37 в русском языках). Например, англ. *a red-letter day* «очень важный, особый день»; рус. *красный ряд* «торговый ряд, где продавались ткани»; англ. *white hat* «очень хороший человек, герой»; рус. *белое пятно* «не изученные до сих пор проблемы, не разрешенные загадки».

На втором месте по частотности употребления в обоих языках находится колороним *green, зеленый*, что также является сходной чертой функционирования колоронимов в составе ФЕ. Количество ФЕ с данным цветообозначением в исследуемых языках практически одинаковое – 15 ФЕ в английском языке и 19 в русском. Например, англ. *green stamps* «деньги»; рус. *давать зеленую улицу* «всячески чему-то содействовать».

Почти одинаковым в исследуемых языках является соотношение таких цветообозначений, как *pink, розовый; yellow, желтый* и *grey, серый*. Данные колоронимы в составе ФЕ встречаются реже. *Pink, розовый*, входит в состав 8 ФЕ в английском языке и 7 ФЕ в русском (англ. *a pink slip* «письмо от работодателя, в котором сказано, что вас уволили»; рус. *розовые мечты* «идиллическая, заветная, часто недостижимая мечта»). *Yellow, желтый* встречается в 6 ФЕ английского языка и 8 ФЕ русского (англ. *to have a yellow belly* «быть трусом»; рус. *желтый дом* «психиатрическая лечебница, сумасшедший дом»), а *grey, серый* можно обнаружить в 4 ФЕ в английском языке и 5 ФЕ в русском языке (англ. *to get grey hair from* «быть крайне встревоженным или расстроенным из-за кого-то или чего-то»; рус. *серые будни* «монотонные, похожие один на другой дни»).

К общим компонентам в составе ФЕ можно отнести колоронимы *blue*, *синий*; *black*, *черный*; *brown*, *коричневый*. Однако данные колоронимы демонстрируют значительные количественные расхождения в исследуемых языках: ФЕ с цветообозначением *blue*, *синий* чаще встречается в английском языке (29 единиц), чем в русском (11 единиц). Например, англ. *blue blood* «о человеке, имеющем аристократическое, дворянское происхождение»; рус. *синяя борода* «строгий, требовательный муж». Подобная ситуация характерна и для колоронимов *brown*, *коричневый*: в английском языке зафиксировано 6 ФЕ с данным цветообозначением (например, *brown study* «глубокое раздумье»), в русском языке – только 1 ФЕ, а именно рус. *коричневая чума* «нацизм, фашизм». В русском языке более употребительным в составе ФЕ является колороним *черный*, *black* (31 ФЕ в русском языке и всего 17 ФЕ в английском). Например, рус. *черная неблагодарность* «о плохих поступках в ответ на сделанное добро», англ. *early black* «сумерки».

Еще одной общей чертой функционирования цветообозначений в английской и русской фразеологии является отсутствие ФЕ с колоронимом *оранжевый*, *orange*, что объясняется отсутствием у данного цветообозначения переносных значений.

Помимо сходств в исследуемых языках в употреблении цветообозначений в составе фразеологических единиц были обнаружены несколько отличий.

Прежде всего, это касается функционирования колоронима *голубой*. Цветообозначение *голубой* уникально тем, что данного колоронима нет в английском языке. Русские цвета *голубой* и *синий* в английском языке обобщены единым колоронимом *blue*, соответственно фразеологические единицы с данным цветообозначением встречаются только в русском языке – 3 фразеологизма. Например, рус. *на голубом глазу* «на полном доверии или притворяясь наивным, незнающим».

Также в исследуемых языках различным является употребление колоронима *violet*, *фиолетовый*. В английском языке колороним *violet* встречается в составе 1 ФЕ (*shrinking violet* «кто-то крайне стеснительный и не уверенный в себе»), в то время как в русском языке ФЕ с данным цветообозначением не обнаружены.

Помимо этого в ходе исследования были выявлены ФЕ с оттеночными цветообозначениями в их составе. Данное явление характерно только для русского языка, в котором можно встретить 5 ФЕ с оттеночными колоративными компонентами *сивый*, *малиновый*, *алый*, *бурый*. Например, рус. *малиновый звон* «красивый, мелодичный, бархатный, приятный шум колоколов». В английском языке оттеночные цветообозначения в составе ФЕ не зафиксированы.

Несмотря на некоторые различия в употреблении колоронимов в составе ФЕ, на данном этапе исследования можно сделать вывод о том, что фразеологизмы обоих исследуемых языков содержат те цветообозначения,

которые имеют наибольшее количество переносных значений, а именно цветообозначения основного спектра.

Список литературы

1. Прохорова А. М. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом «Цвет» и их антропологическая соотнесенность (на материале английского и русского языков) [Электронный ресурс]. Перспективы науки и образования. № 4. 2013. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/semanticheskie-osobennosti-frazeologicheskikh-edinit-s-komponentom-tsvet-i-ih-antropologicheskaya-sootnesennost-na-materiale> (дата обращения: 08.09.2017).
2. Косых Е. А. Система цветообозначений в русском языке: к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета» // Вестн. Барнаул. гос. пед. ун-та. Сер. «Психолого-педагогические науки». 2002. № 2. С. 28-34.
3. Михельсон М. И. Большой толково-фразеологический словарь / на основе трудов М. И. Михельсона, изданных в 1896-1912 гг., в совр. орф. 2004. 2208 с.
4. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ; Люкс, 2005. 926 с.
5. Oxford Dictionary of English Idioms / Edited by John Ayto. Oxford University Press, 2009. 352 p.
6. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. HarperCollins Publishers, 1997. 493 p.

УДК 81-13: (811.112.2+811.161.1)

ПОЛИСЕМИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ТОЛСТЫЙ-ТОНКИЙ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Махненко И. А.

Калиущенко В.Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

1. В работе рассматривается полисемия немецких прилагательных *dick-dünn* и русских эквивалентных прилагательных *толстый-тонкий*.

В ходе исследования было выявлено, что прилагательные *толстый-тонкий* занимают особое место среди параметрических прилагательных. Полисемия названных слов в максимальной степени не соответствует модели регулярной многозначности, предложенной Ю. Д. Апресяном, как в количественном, так и в качественном отношении [2, с. 123].

Толстый имеет чрезвычайно бедную семантическую парадигму (уступая в этом отношении только прилагательному *длинный*) и не развивает ни одного из значений, типичных для «положительного» параметра «*больше нормы X-а*». *Тонкий*, напротив, является самым многозначным в кругу слов, описывающих количественные характеристики материального объекта.

В своем исходном значении оба прилагательных, как и все параметрические, имеют значение «*больше нормы X*» vs «*меньше нормы X*»:

толстый 1 – «большой, значительный в объеме, поперечном сечении»; *тонкий 1* – «небольшой в поперечном сечении» [1, с. 59].

2. Прилагательное *толстый* имеет в немецком языке 12 лексических значений, а в русском – 9.

Толстый употребляется для измерения толщины вытянутых объектов или плоских предметов, т.е. таких, у которых длина и ширина во много раз превышают высоту – она же и превращается в толщину: *толстая тетрадь* – *das dicke Heft*, *толстое пальто* – *der dicke Mantel*, *толстая книга* – *das dicke Buch*, или диаметр круглого сечения предметов в поперечнике: *толстая авторучка* – *der dicke Kugelschreiber*, *толстая труба* – *das dicke Rohr*, *толстый канат* – *das dicke Seil* и т.д. [1, с. 59]. Но *dicke Lugen* – не *толстая ложь*, а *наглая, грубая, ложь, сплошная ложь*, *dicke Luft* – *напряжённая атмосфера*; *dicke Freunde* – *закадычные друзья*.

Отдельную семантическую группу сочетаний с *толстый* составляют обозначения емкостей искусственного происхождения с мягкой структурой: *толстый конверт* – *der dicke Umschlag*, *толстый бумажник* – *die dicke Brieftasche*, а также живых существ (*толстый кот* – *der dicke Kater*, *толстый повар* – *der dicke Koch*). Тем не менее, в указанной группе действуют другие семантические ограничения, включая избирательность по другим характеристикам, напр. другие мягкие емкости, как: *мешок* – *der Sack*, *карман* – *die Tasche*, *подушка* – *das Kissen* не сочетаются с указанными прилагательными [3, с. 68].

В целом, в двух языках у прилагательного *dick*, *толстый* выявлено 15 значений. Совпадают 8 значений. Уникальные для немецкого языка – 6 значений, для русского языка – 2 значения.

3. Прилагательное *тонкий* имеет в немецком языке 9 значений, а в русском – 32 значения.

Тонкими могут быть плоские предметы, например, *тонкая тетрадь*, *das dünne Heft*, *тонкое одеяло*, *die dünne Decke*, *тонкая книга*, *das dünne Buch* и некоторые другие или объекты с функционально значимым размером диаметра: *тонкая свеча, дерево: die dünne Kerze, der dünne Baum*, но в случае «мягких» емкостей и животных эти прилагательные практически не употребляются. Словоупотребление *тонкий конверт*, *der dünne Umschlag* на самом деле не выступает антонимом к *толстый* в значении «туго набитый конверт», а скорее выражают другую семантику «конверт из тонкой бумаги». Но *ein dünnes Mädchen* – невозможно: *тонкая девушка*, но *стройная девушка* или *худая девушка*. Таким образом, второй член пары *тонкий* покрывает семантический спектр прилагательного *толстый* не полностью [3, с. 81].

В целом, у прилагательного *dünn*, *тонкий* в двух языках выявлено 33 значения. Совпадают 7 значений. Уникальные для немецкого языка – 2 значения, для русского языка – 24 значения.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика [Текст] / Ю. Д. Апресян. М.: Школа «Языки русской культуры». 1995. 472 с.
2. Журицкий А. Н. О семантической структуре пространственных прилагательных [Текст] / А. Н. Журицкий // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971.
3. Рахилина Е. В. Семантика размера [Текст] / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. Вып. 34. М.: ВИНТИ: Русс. словари, 1994. С. 58-81.

УДК 81»373.47=112.2

ДОБРЫЕ И НЕДОБРЫЕ ПОЖЕЛАНИЯ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Медведева Н.Ф.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@donnu.ru

1. Современная лингвистика характеризуется повышенным интересом к изучению проблем межкультурной коммуникации, в том числе и к исследованию единиц речевого этикета как базисных средств общения в любой культуре. За последние годы появилось немало исследовательских работ, пособий, справочников и словарей по речевому этикету [1; 3; 4]. В этих и других работах большое внимание уделяется национально-культурной специфике общения, поиску различий в национальном своеобразии употребления речевых формул. Между тем добрые и недобрые пожелания остаются наименее изученной областью речевого этикета и посвященные им работы ограничены в своем количестве.

Актуальность избранной темы обусловлена также необходимостью изучения данных языковых единиц в сопоставительном аспекте. Знание прагмалингвистических особенностей функционирования отдельных речевых актов помогает избежать конфликтов в общении с представителями других лингвистических культур. Важным представляется также изучение различных типов пожеланий в немецком и русском языках и выявление основных сходств и различий в функционировании данных типов речевых актов (РА).

Материалом для сопоставительного изучения названных РА послужили эмпирические данные, полученные из словарей, специальных исследований и различных пособий. Общий объем проанализированных в работе высказываний составил свыше 200 ед.

2. РА доброго пожелания представляет собой речевое действие, которое реализуется говорящим с целью выразить надежду на определенное положение дел в жизни адресата в будущем с тем, чтобы проинформировать

его об оценке говорящим свойств или действий адресата или ситуации в целом. В обобщенном виде РА добрых пожеланий можно представить так:

X (желающий) хочет (в устной/письменной форме), чтобы с Y (адресат) в будущем произошло нечто хорошее Z (желаемое) (например, наступило счастье, благополучие, здоровье и т.д.) [2].

3. Речевой акт недоброго пожелания обозначает в обоих языках речевое действие, в котором говорящий выражает надежду на определенное негативное положение дел в жизни адресата в будущем. Прототипической формулой РА недобрых пожеланий будет схема:

X хочет (в устной/письменной форме), чтобы с Y в будущем произошло нечто плохое Z (нежелаемое) (какая-то неприятность, например, болезнь, несчастье и т.п.) [2].

4. РА добрых и недобрых пожеланий объединяются на основе общей иллокутивной силы пожеланий. Добрые пожелания относятся к этикетному речевому акту, а благословения и недобрые пожелания (проклятия) входят в состав неэтикетных речевых актов.

5. В настоящей работе осуществлена классификация пожелания с учетом следующих критериев: а) временного; б) стилистической характеристики; в) профессиональной занятости коммуникантов. С учетом названных критериев все пожелания были разбиты на три группы:

5.1 распространенные формы пожеланий, ср.:

рус. *Желаю сдать экзамен!//Желаю хорошо отдохнуть! Желаю счастливого пути!*

нем. *Ich wünsche dir (viel) Erfolg bei (in) der Prüfung!//Ich wünsche dir gute Erholung!// Ich wünsche Ihnen gute Reise (Fahrt, guten Flug)*

5.2 профессиональные формы пожеланий, ср.:

нем. *Gut Blatt* (букв. «хорошей карты») – игроки в карты; *Guten Schnitt* (букв. «хорошей кройки») – портные; *Gute Jagd* (букв. «хорошей охоты») – пилоты истребителя; *Gott sieht aufs Herz* (букв. «Бог смотрит в сердце») – утешительная фраза проигравшему картежнику; *Mast- und Schottbruch* (букв. «поломка мачты и переборки») – пожелание в парусном спорте; *Petri, Heil.* (букв. «привет, рыболовам»; «хорошего (богатого) улова) – рыболовы;

рус. *Гвоздь в шину!* – водители; *Улов на рыбу!//Ни чешуйки (ни рыбки), ни хвоста!* – рыбаки.

В отличие от русского языка в немецком языке большее развитие получили профессиональные пожелания, связанные с определенным видом трудовой занятости человека, представляющие собой билексемные высказывание и построенные по модели «Gut + действие адресата».

5.3 Устаревшие формы пожеланий, ср.:

рус. *Бог в помощь!// Благослови Бог! Дай тебе (вам и т.д.) Боже!// Мир дому сему/мир Вашему (твоему, этому) дому!*

6. РА недобрых пожеланий (проклятий) представлены в обоих языках как перформативными, так и неперформативными высказываниями.

6.1 В русском языке типовыми структурами проклятий являются высказывания, состоящие из:

а) глагола *будь* (-те) в форме императива, местоимения второго лица *ты* (*вы*) в имен. п. и краткого причастия *проклят* (-а, -ы):

рус. *Будь проклят тот, кто поджег мой дом! Будь ты проклят!*

б) *Чтоб ты / Чтоб тебя* + глагол на -л.:

рус. *Чтоб тебя черт побрал! Чтоб у тебя руки отсохли!*

6.2 В немецком языке им соответствуют конструкции с использованием форм:

а) презенса или футурума в сочетании с конъюнктивом и модальными глаголами *sollen, mögen* [1]:

нем. *Der Teufel soll dich holen! Der Teufel soll in dich fahren! Du sollst leiden! Du sollst verstummen! Möge der Teufel dich holen! Mögest du gehen und nie wieder kommen!*

б) в составе придаточного предложения с союзом *dass*:

нем. *Ich wünsche dir, dass du leidest und Schmerzen empfindest. Ich wünsche dir außerdem, dass du das Gefühl hast daran zu zerbrechen. Ich wünsche dir, dass dir das Leben ohne mich schlecht und nicht lebenswert erscheint.*

7. Данные высказывания обозначают в обоих языках:

а) отрицательное физическое воздействие на адресата или нежелательное для него состояние;

б) действия, связанные с «чужим» пространством.

8. В сопоставляемых языках отмечены также клятвенные «самопроклятия», выражающие повышенное эмоционально-психическое состояние субъекта:

нем. *Der Teufel soll mich holen! Hol mich der Kuckuck! Verdammt mich, wenn ihr könnt!*

рус. *Ей-Богу! Как Бог свят! Истинный Бог! Накажи Бог!*

Список литературы

1. Блинова Е.А. История средств адресации в немецком и русском языках (на материале формул приветствия и прощания): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. С 15-19.
2. Глушак В.М. Речеповеденческий аспект проклятий в немецкой лингвокультурной общности. // Политическая лингвистика. 2005. №. 16. С. 139–144.
3. Трофимова Н.А. От любви до ненависти: Смысловые узоры экспрессивов . СПб., 2011. С. 316-395.
4. Улиш, Г. Grüßen und Anreden im Deutschen. Приветствие и обращение в немецком языке : учеб – метод. пособие. М., 1998. 234 с.

ПОЛИСЕМИЯ ТЕРМИНОВ РОДСТВА В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Мисько О. А.

Калиущенко В. Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

donnu.fia@mail.ru

1. Данная работа представляет собой исследование, посвященное изучению полисемии одних из наиболее употребительных (частотных) терминов родства (далее ТР) в английском, русском и немецком языках. В работе рассмотрено 2 термина родства, а именно: брат (5), сестра (5) – в скобках указана частотность ТР по словарю [5]. Термины родства важны тем, что они принадлежат к базовой лексике любого языка. Они исследовались на материале многих языков, в том числе в типологическом аспекте [1]. У ТР характерная полисемия, то есть, многозначностью, наличие у слова (единицы языка, термина) двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по смыслу и происхождению [3, с. 35]. Несмотря на большое количество исследований посвященных ТР, недостаточно изученными считаются ТР в сопоставительном аспекте, что безусловно составляет актуальность данной работы. Её цель заключается в определении степени полисемичности английских, русских и немецких ТР. Сопоставление семантики ТР на основе статей из трех толковых словарей [2, 6, 7] позволяют определить степень полисемичности. Различают нулевую степень (1 значение), первую степень (2-4 значения), вторую степень (5-9 значений), третью степень (10-16 значений) [4, с. 98]. ТР разделяют на две группы: 1) по кровному родству (отец – мать); 2) по родству через брак (муж – жена).

2. В данной работе признак кровного родства является основным среди исследуемых ТР. Здесь будет рассмотрена полисемия ТР на примере пары брат – сестра.

2.1 Брат. Существительное с основным значением «брат» обладает второй степенью полисемичности, в английском и русском языках, т.к. имеет по 5 употребляемых значений. В немецком языке термин относится к первой степени полисемичности, т. к. имеет 4 значения. В русском языке отсутствует употребление термина по отношению к мужчинам, которых связывает родство через брак; а также для обозначения, зачастую негативных качеств характерных мужчинам. В английском языке термин не употребляется для обозначения лиц среднего медицинского персонала в лечебных учреждениях; а также для обозначения, зачастую негативных качеств характерных мужчинам. В немецком языке термин не используется при фамильярном или дружеском обращении к мужчине; для обозначения лиц среднего

медицинского персонала в лечебных учреждениях; а также по отношению к мужчинам, которых связывает родство через брак. Общими для всех языков являются следующие употребления термина: сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим детям; человек, близкий другому по духу; член религиозного братства.

2.2 Сестра. Данный термин обладает второй степенью полисемичности. В каждом языке употребляемыми являются 5 значений термина. В русском языке данный термин не используется по отношению к вещи, имеющей близкое родство или отношение к другому предмету, а также по отношению к гомосексуалистам. В английском языке не используется данный термин, при обращении к лицам среднего мед. персонала в лечебных или детских учреждениях, а также по отношению к гомосексуалистам. В немецком языке данный термин не используется по отношению к вещи, имеющей близкое родство или отношение к другому предмету, а также при обращении к женщине. Общими для трёх языков являются такие значения как: дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим детям; единомышленница, товарищ в каком-н. общем деле; монахиня.

3. В данных языках у рассмотренных ТР отмечают практически одинаковое количество эквивалентных значений. Анализ семантики ТР на основе сравнения статей из толковых словарей, позволяет сделать следующие выводы: 1) в русском и английском языках ТР обладают несколько более высокой степенью полисемичности по сравнению с немецкими ТР; 2) ТР, обозначающие кровное родство (брат, сестра) обладают преимущественно второй степенью полисемичности, в отличие от наиболее распространенных терминов родства в группе по кровному родству (отец (12 значений), мать (9 значений)), которые принадлежат к третьей степени полисемичности, но обладают большей степенью полисемичности, чем наиболее распространенные термины родства через брак (муж (5 значений), жена (4 значения)).

Список литературы

1. Николаева Л. Б. Типология терминов родства (Типологічні, зіставні, діяхронічні дослідження. –Т. 3). Донецк ДонНУ, 2006. 264 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
3. Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка Владивосток Издательство Дальневосточного университета 2004.
4. Тулдава Ю. А. Проблемы и методы квантитативно-системного анализа лексики. Таллин: Валгус, 1983. 204 с.
5. Serge Sharoff, Elena Umanskaya, James Wilson A Frequency Dictionary of Russian: Core Vocabulary for Learners, Routledge 2013
6. William Little, H. W. Fowler and J. Coulton The Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles, New York, Oxford University Press 1973
7. Одноязычный толковый словарь немецкого языка. (Duden | Startseite | Duden-online-Wörterbuch): <http://www.duden.de/>

ЗООНИМНАЯ НОМИНАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Молодчинная О.С.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

molodchinnaia@mail.ru

1. Введение. В современном мире роль животных в жизни людей особенно велика, поэтому говорящий часто использует зоонимы в своей речи, часто для номинации людей.

Объектом настоящего исследования выступают зоонимы немецкого языка, а **предметом** – их структура и значения.

Целью данного исследования является выявление зоонимной номинации человека.

Материалом настоящего исследования являются 95 зоонимов для номинации человека, полученные путем сплошной выборки из «Большого немецко-русского словаря» под редакцией профессора О. И. Москальской.

Российский лингвист Н.В.Располюхина считает, что зоонимы – это лексические единицы, являющиеся прямыми наименованиями животных [2].

Под зоонимом в данной работе понимается «лексико-семантический вариант слова, который выступает в качестве родового названия животного, и метафоричное именование при анализе лексики с точки зрения характеристики человека» [1, с.4].

2. Смысловые группы вторичных зоонимов.

Зоонимы могут выполнять различные функции в языке. Они могут характеризовать человека с абсолютно разных сторон, обозначая:

2.1. Интеллектуальные свойства человека, например:

die Gans «гусыня»; «глупая, наивная женщина»; *das Kamel* «дурень»; *der Ochse* «олух», (*blöder Ochse* «остолоп»); *das Rhinzeros* «круглый дурак»; *das Affenvolk* «дурачье»; *der Esel* «глупый, ослиное упрямство»; *die Viper* «гадюка; злая ехидная женщина; отвратительный, подлый человек; кровопийца».

2.2. Внешность человека, например

das Schwein «свинья, неряха; подлый человек»; *die Viper* «гадюка; отвратительный»; *die Angina* «жаба, уродливая женщина; *der Affe* «гримасник; некрасивый человек»; *der Otter* «выдра, некрасивая; худая женщина»; *der Pfau* «чрезмерно пестро одетый».

2.3. Внутренние качества человека, например:

der Hund: *<hundgemein>* «подлый как собака»; *der Wurm* «червь, подлый»; *die Viper* «гадюка; подлый человек, кровопийца»; *der Igel* «колючий как ёж, недружелюбный, замкнутый человек»; *die Viper* «гадюка; злая

ехидная женщина; отвратительный, подлый человек; *die Wanze* «клоп; ничтожный, отвратительный, презираемый всеми человек»; *der Bananenfresser* «обезьяна»; *der Esel* «глупый, ослинное упрямство»; *der Hund*; *das hundgemein* «подлый как собака».

2.4. Оценочные зоонимы

Многие зоонимы носят оценочный характер.

die Hyane, die Kuh, die Ratte, die Schwein, die Sau– эти единицы носят в немецком языке наиболее оскорбительный характер.

В сфере немецкой зоосемии обнаружены также «экзотические» зоонимы, например:

der Elefant «неуклюжий, неловкий человек»; *der Hai* «жадный до прибыли предприниматель»; *der Pfau* «чрезмерно пестро одетый»; *das Kamel* «дурень»; *der Löwe* «отчаянный, герой дня».

3. Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы :

3.1. В немецком языке выявлено 95 зоонимов, обладающих вторичными (переходными) значениями.

3.2. Выявлены и проанализированы четыре группы зоонимов, обозначающих интеллектуальные свойства человека, внешность человека, внутренние качества человека и оценочные зоонимы.

3.3. Среди вторичных зоонимов в немецком языке количественно преобладают больше вторичные наименования с негативной оценкой человека. Данный факт объясняется тем, что человек в первую очередь обращает внимание на недостатки человека, что находит своё закрепление и в языке.

Список литературы

1. Галимова О.В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека. Уфа. 2004. 309 с.
2. Располюхина Н.В. Проблема взаимосвязи разнооформленных знаков прямой и косвенной номинации на материале немецкой зоосемии : дис. канд. филол. наук. М. 1984.194 с.
3. Duden Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de>. (дата обращения 11.09.17).

ГЛАГОЛЫ ХАРАКТЕРИЗОВАННОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Олейникова М.П.

Басыров Ш. Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.com

На сегодняшний день в лингвистике отмечен повышенный интерес к исследованию различных семантических классов глагола. Представляется целесообразным рассматривать глагольную лексику в рамках ее принадлежности к определенным лексико-семантическим группам (ЛСГ), которые в последние десятилетия широко исследуются. Одной из школ, которая исследует вопросы, связанные с отдельными лексико-семантическими группами глагола, является Уральская семантическая школа, сформированная такими известными научными деятелями как Э. В. Кузнецова и Л. Г. Бабенко. Перу этих ученых принадлежит большое количество научных работ, в которых поднимаются проблемы системной организации глагольной лексики. Одной из таких работ является «Толковый словарь русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко [1].

В данном словаре глаголы характеризованной речевой деятельности (ГХРД) выделяются в отдельную ЛСГ.

Объектом исследования выступают ГХРД, а **предмет** исследования - семантика и структура ГХРД в русском и английском языках.

Цель исследования заключается в выявлении общих и отличительных свойств ГХРД в русском и английском языках.

Материалом данного исследования послужили ГХРД русского языка, отобранные из Толкового словаря русских глаголов под редакцией Л. Г. Бабенко, и их эквиваленты из английского языка. Дефиниции английских ГХРД были взяты из толковых словарей Longman, Oxford, Cambridge, Merriam-Webster и Collins. Всего было проанализировано 78 русских и 67 английских ГХРД.

Глаголы данной ЛСГ имеют специфическую семантику, которая связана одновременно с констатацией речевой деятельности и с характеристикой ее протекания, что находит отражение в типовой семантике данной лексико-семантической группы. Также это отражение можно проследить в словарных толкованиях, где базовый глагол (глагол-идентификатор) стоит рядом с обстоятельствами образа действия, которые раскрывают, как протекает речевое действие, т.е. дают ему характеристику, ср.: русс. *бубнить* <говорить что-л. монотонно, тихо, себе под нос, повторяя одно и то же>, англ. *drone* <speaking tediously in a dull monotonous tone>; русс. *лопотать* <говорить что-л. несвязно, произнося слова неясно,

невнятно>, англ. *babble* <to speak quickly in a way that is difficult to understand or sounds silly>.

Специфика семантики ГХРД заключается в том, что они не обладают функциональной эквивалентностью, что характерно для большинства глагольных лексико-семантических групп. Каждый глагол данной ЛСГ имеет специализированную семантику и не может быть взаимозаменяемым в определённом контексте, так как суть этой семантики состоит не просто в констатации речевого процесса, а в характеристике его протекания. Следовательно, данный тип семантики не позволяет ГХРД быть функциональными эквивалентами и заменять в тексте друг друга.

Сопоставительный анализ ГХРД русского и английского языков позволяет сделать следующие предварительные выводы:

1. ГХРД русского и английского языков имеют схожие и отличительные черты в процессе словообразования. Глаголы обоих языков образуются путем аффиксации (русс. – 76 ед.; англ. – 33 ед.), например: русс. *басить* (← бас); англ. *exclaim* (← claim).

2. В русском языке с помощью префиксального и суффиксально-префиксального способа ГХРД образуются исключительно от глаголов, в то время как в английском языке они могут образовываться также и от существительных.

3. Только в английском языке ГХРД образуется путем конверсии, а также путем добавления к ним наречных частиц (послелогов), которые выполняют ту же функцию, что и приставки в сочетании с глаголами в русском языке (3 ед.) (*bark out* «гаркать»).

4. Русский и английский языки в целом имеют 7 сходных семантических групп. Глаголы с семантикой прекращения процесса речи отмечены лишь в русском языке (*молчать, помалкивать*). Сопоставляемые группы ГХРД в обоих языках обнаруживают заметные различия в своей продуктивности, что объясняется, в частности различиями в системе деривации глаголов в русском и английском языках

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М.: АСТ- ПРЕСС, 1999. 704 с.
2. Васильев Л. М. Семантика русского глагола Уфа: Изд-во. Баш. ун-та, 1981, 72 с.
3. Золотарева, Н. В. Семантическое пространство глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Урал. гос. университет, Екатеринбург, 1999. 198 с.
4. Чанунпорн Х. Префиксальные парадигмы дериватов, мотивированных глаголами характеризованной речевой деятельности: дисс. ... канд. филол. наук. Урал. фед. университет, Екатеринбург, 2015.

ВТОРИЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ МУЖА И ЖЕНЫ В АНГЛИЙСКОЙ, НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКЕ

Петрищева Е. И.

Басыров Ш. Р., доктор филологических наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Настоящее исследование посвящено изучению процессов номинации терминов родства (ТР) в английском, немецком и русском разговорном языках.

В работе изучаются механизмы вторичного наименования мужа и жены в названных языках.

Объектом исследования служат лексические единицы (ЛЕ), номинирующие «МУЖА» и «ЖЕНУ» в английском, немецком и русском разговорном языках, а **предметом** – их семантическая структура в сопоставляемых языках.

Материалом для настоящего исследования послужила сплошная выборка наименований мужа и жены, выполненная на базе толковых и переводных словарей разговорной и сленговой лексики английского, немецкого и русского языков (англ. – 145 ЛЕ; нем. – 107 ЛЕ; русск. – 59 ЛЕ).

Метафора – это троп или фигура речи, употребление слова, обозначающее некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для характеристики или номинации другого, сходного с данным классом объектов или индивида [Лакофф 2004: 27].

В проанализированном эмпирическом материале выявлены следующие основные типы переносов:

1. Функциональные свойства артефактов (предметов быта, приборов, деталей, инструментов, транспортных средств) → свойства мужа/жены, сравним следующие модели метафорического переноса:

- «сильное звучание инструмента/шум транспортного средства» – «громкий голос недовольной жены»: англ. *alarm clock* (букв. будильник), нем. *die Trompete* (букв. труба), нем. *der Dampfer* (букв. пароход), русск. *самовар* – «сварливая жена».

Данный тип вторичных наименований является самым продуктивным в сопоставляемых языках (англ. –16 ЛЕ, нем. – 16, русск. –17 ЛЕ).

2. Наименование животных → наименования мужа/жены (англ. –13 ЛЕ, нем. – 11, русск. –17 ЛЕ). Данная модель метафорического переноса строится на различных зоонимных образах (животные, птицы, рыбы, грызуны), ср.: англ. *cow* (букв. корова) «жена», *gander* (букв. гусак) «муж»; нем. *die Ziege/Ziecke* (букв. коза) «жена»; *der Hahn* (букв. петух) «муж» [Басыров 2012]. В исследуемых языках встречаются схожие зоонимные образы, ср.:

русск. *зая/зайчик* «муж/жена» – нем. *das Häuschen* (букв. зайчик) «муж» – англ. *bunny* (букв. кролик/зайчик) «муж»;

русск. *котенок/киска* «муж/жена» – нем. *die Hauskatze* (букв. домашняя кошка) – англ. *spit-cat/spit-kitten* (букв. свирепая кошка/котенок) «жена».

Русские ЛЕ, возникшие на основе анималистической метафоры, в отличие от немецких и английских ЛЕ, чаще имеют положительную коннотацию, ср.: русск. *рыбка* «жена», *голубчик* «муж». В метафорических номинациях они обычно используются для ласкового обращения супругов друг к другу в ходе бытового общения [Резниченко 2010: 39].

3. Наименование мифологических существ → наименования жены (англ. – 2 ЛЕ, нем. – 5 ЛЕ, русск. – 3 ЛЕ). Следует отметить, что в исследуемых языках сварливая жена ассоциируется, в частности, с ведьмой, ср.: русск. *ведьма*, нем. *die Gewitterhexe* (букв. грозовая ведьма), англ. *old hige* (букв. старая ведьма). Лексемы, представленные в этой группе, выражают часто отрицательное отношение к жене (русск. *кикимора* «злая, некрасивая жена», нем. *der Weibsteufel/Hausteufel* «жена», англ. *devil's daughter* «жена»), которой приписываются внешние и/или внутренние сходства с вымышленными персонажами.

4. Функции должностного лица, государственного деятеля или учреждения → функции мужа/жены в семье (англ. – 11 ЛЕ, нем. – 8 ЛЕ, русск. – 4 ЛЕ). В основу вторичных наименований данных ЛЕ положено сходство функций контролирующей (организующей, управляющей) людей и/или государственных учреждений и функций мужа и жены в семье, ср.: англ. *boss-lady/boss-woman* (букв. леди-босс) «властная жена», *gaffer* (букв. главный осветитель) «муж»; нем. *die Vorgesetzte* (букв. начальница) «властная жена», *der Zahlmeister* (букв. казначей) «муж»; русск. *таможня* «властная жена», *хозяин* «муж». Рассматриваемые ЛЕ часто реализуют метонимическую модель, связанную с распределением ролей в семье и иерархией взаимоотношений «главный – подчиненный»:

жена – англ. *mat* (букв. половик/коврик у двери) (занятие хозяйством/роль подчиненного), русск. *кастрюля* (занятие хозяйством);

муж – русск. *зонтик*, англ. *umbrella* (букв. зонтик) (функция защитника), нем. *der Waschlappen* (букв. тряпка) (роль подчиненного).

Подведем некоторые выводы.

Особенности вторичной номинации мужа и жены в английском, немецком и русском разговорных языках тесно связаны с их основными функциями (ведение домашнего хозяйства, материальное состояние, организация досуга и др.) и ролями в семье (иерархические, психологические, инициативные и др.).

Многоплановость и сложность функций, роли жены в семье находят свое разнообразное и доминантное воплощение во всех сопоставляемых языках.

Вторичные ТР образуются в исследованных языках, в целом, по единым метафорическим и метонимическим моделям с использованием артефактов, зоонимов, мифологем, социальных отношений.

Вторичные наименования мужа и жены в английском, немецком и русском разговорных языках, обозначая семейные функции супругов, свойства характера, физические данные, нередко реализуют также аппелятивную функцию.

Данные разговорные лексемы обладают яркой образностью, содержат оценку и экспрессивно-эмоциональную окраску.

Список литературы

1. Басыров Ш.Р. Номинация муж / жена, возлюбленный / возлюбленная в немецком, английском и украинском языках // Филологические чтения. Материалы международной научно-практич. конференции 29-30 ноября 2012 г. С. 35-38.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
3. Резниченко Л. Ю. Специфика диминутивных номинаций лица (на материале английского, немецкого и русского языков) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 2. С. 30-42.

УДК 81»367.625: 81-115: (811.112.2+811.161.1)

СОБСТВЕННО-РЕФЛЕКСИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Писарева В.В.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». г.Донецк

victorija.pisareva@yandex.ru

Вводные замечания. Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка, так как отличается тесной связью с различными явлениями морфологии, синтаксиса, лексики и словообразования, что представляет сложность для её исследователя [2].

Целью настоящего исследования является комплексное и системное изучение собственно-рефлексивных глаголов с позиций теории диатез.

Эмпирическим материалом исследования послужили РГ, извлеченные из одноязычных толковых словарей, а именно Duden Online Wörterbuch, DWDS - Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart и «Словарь современного русского литературного языка в 17 томах» В.И.Чернышева.

Терминологический аппарат и методика исследования собственно-рефлексивных глаголов. Под рефлексивными глаголами (далее – РГ) понимаются глаголы, содержащие в своей структуре рефлексивный элемент (далее – РЭ), а именно: постфикс –ся в русском и украинском языке (рус.

мыться) и рефлексивное местоимение *sich* в винительном падеже в немецком (нем. *sich waschen* «мыться») языке.

В работе, вслед за В.П. Недялковым, различаются формальная и смысловая рефлексивность [3]. Формально рефлексивными являются глаголы, содержащие в своей структуре РЭ, независимо от своего значения; рефлексивными по смыслу являются глаголы, содержащие в своей структуре РЭ и поддающиеся толкованию через основу глагола и смысла «себя.»

Иными словами, рефлексивный смысл подразумевает значение однореферентности двух семантических актантов: субъекта и объекта действия типа рус. *Я моюсь*, т.е. *мою себя*, аналогично укр. *Я моюся*; нем. *Ich wasche mich*, англ. *I wash myself*.

Рефлексивный элемент в структуре глагола рассматривается как словообразовательный элемент, одним из значений которого является значение однореферентности субъекта и объекта действия. Ср.:

(1) рус. *застрелиться*, т.е. застрелить себя; аналогично: нем. *sich erschießen*.

В настоящем исследовании РГ рассматриваются как производные единицы и анализируются в оппозиции к их производящим основам, т.е. к нерефлексивным глаголам (далее – НГ). НГ и РГ исследуются в составе образуемых ими конструкций, т.е. нерефлексивной и рефлексивной конструкции (далее – НК и РК).

В основу описания собственно-рефлексивных РГ положено понятие диатезы, которое понимается как схема отношения между единицами синтаксического и семантического уровней. Согласно теории диатезы, информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова. Набор семантических валентностей глагольной лексемы определяется её словарным толкованием и остается неизменным во всех случаях употребления данного глагола.

Е.В. Падучева отмечает, что диатеза – набор участников ситуации, обозначаемой глаголом, с их семантическими ролями и коммуникативными рангами [4], к последним относятся субъект и объект действия как центр предложения, занимающие наивысший ранг. А.А. Холодович, В.С. Храковский и Б.А. Успенский рассматривают диатезу как соответствие определенных ролей (партиципантов) лексемы и актантов предикативной словоформы, представляющей лексему [6]. Э.Ш. Генюшене выделяет ещё и референтную структуру [1]. Таким образом, это при описании РГ используются трёхуровневые диатезы.

В настоящей работе исследование РГ и их НГ в немецком и русском языках опирается на типологическую классификацию рефлексивов, разработанную известным типологом В.П. Недялковым [3], который выделяет пять семантических классов субъектных РГ.

Собственно-рефлексивные РГ. Собственно-рефлексивные РГ характеризуются полной однореферентностью актантов, обозначающих

субъекта и объекта действия. Иными словами, в собственно-рефлексивных РГ действие производится субъектом, который одновременно является и объектом действия. У собственно-рефлексивных глаголов в немецком и русском языках обнаружена диатеза с элиминацией прямого дополнения НГ/НК в производных РГ/РК. Например:

(2) рус. а. *Он застраховал семью.* → б. *Она требовала рассказать: когда, как и на сколько застраховался* (т.е. застраховал себя) *у Кузнецовой ее муж* (Pers/Ag/Pot), *Ряжков Павел Борисович*. [Петр Акимов. Плата за страх (2000)], где Pers – одушевленный референт, Pot – потент, Ag – агенс, Ob_{вин} – грамматический объект в винительном падеже, Sb – субъект, Pt – пациенс.

(3) а. *Sie konnten seine Kinder* (Pers/Ag/Pot/Ob_{вин}) *versichern.* «Они могли застраховать своих детей». → б. *Sie konnten sich* (Pers/Ag/Pot) *freiwillig versichern, Gagen und Honorare innerhalb dehnbarer Grenzen aushandeln und in nach Sparten gegliederten Verbänden mitwirken.* «Они могли добровольно застраховаться, договориться о пошлинах и сборах в определенных пределах» и принимать участие в союзах объединенных отраслей».

В производной РК (1б) элиминируются синтаксическая валентность исходного прямого дополнения, а одушевленное подлежащее (муж) является инициатором действия.

Список литературы

1. Генюшене Э.Ш. К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках, ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1981. С. 160-184.
2. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: Учебное пособие. Вильнюс, 1983. 168 с.
3. Недялков В.П., Генюшене Э.Д. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин: Изд-во Калининского Ун-та, 1985. С. 3-19.
4. Падучева Е.В. Диатеза как метонимический сдвиг / Храковский В.С., Мальчуков А.Л., Дмитренко С.Ю. (ред). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. 536 с.
5. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. М.: Наука, 1979. 304 с.
6. Храковский В.С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках, ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1981. С. 5-38.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ НАЧАЛЬНИКА В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Поддубная Е.И.

Басыров Ш.Р., д.филол.наук, проф.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Объектом настоящего исследования выступают наименования начальника в английском и немецком языках, а предметом – английские и немецкие лексические единицы, номинирующие начальника.

Цель исследования заключается в выявлении общих и отличительных черт в образовании лексем, номинирующих начальника в английском и немецком языках.

Материалом данного исследования послужило 59 наименований в английском языке и 57 наименований в немецком языке, полученные путем сплошной выборки из толковых словарей английского и немецкого языков [1;4]

В словообразовательном отношении анализируемые лексические единицы образуются следующими способами:

1. Словосложение (англ. – 9 ед., нем. – 10 ед.), ср.:

Англ. *chairperson* (← *chair* «возглавлять» + *person* «человек») / *chairman* (← *chair* «возглавлять» + *man* «мужчина») / *chairwoman* (← *chair* «возглавлять» + *woman* «женщина») «глава (мужчина или женщина)», *foreman* (← *fore* «вперед» + *man* «мужчина») «руководитель»; нем. *der Dienstherr* (← *Dienst* «служба» + *Herr* «господин») «хозяин, патрон», *der Geschäftsinhaber* (← *Geschäft* «дело, занятие» + *Inhaber* «владелец») «владелец предприятия, фирмы», *die Leiterpersönlichkeit* (← *Leiter* «заведующий» + *Persönlichkeit* «индивидуальность») «экон. руководитель».

2. Суффиксация (англ. – 11 ед., нем. – 11 ед.), ср.:

Большинство лексических единиц в английском языке образуется посредством суффиксов *-er*, *-or*, которые присоединяются к глаголам и имеют семантику «тот, кто производит это действие»: *manager* «менеджер, руководитель» (← *to manage* «руководить, управлять»), *leader* «руководитель» (← *to lead* «вести»), *controller* «руководитель финансовой службы» (← *to control* «контролировать»). Суффикс *-ess*, в свою очередь, обозначает лицо женского пола: *manageress* «менеджер, управляющая (женщина, девушка)» (← *to manage* «управлять»).

Для образования немецких лексических единиц, номинирующих начальника, чаще всего используется суффикс *-er*, который имеет разные значения в немецком языке; образуя, в частности, наименования лиц мужского рода (представителей ремесла, специальностей, жителей стран и

городов, деятелей, включая и номинации начальника) [2;3]; например: *der Anführer* (← *anführen* «возглавлять») «разг. начальник, заправила», *der Ausbilder* (← *ausbilden* «подготовить, обучать») «руководитель, также военный, мастер производственного обучения», *der Verwalter* (← *verwalten* «управлять») «управляющий, заведующий, администратор». В анализируемом немецком материале отмечены производные с другими суффиксами:

-*ling*, образующий эмоционально окрашенные номинатемы: *das Häuptling* «глава, предводитель, шеф» (← *das Haupt* «голова»);

интернациональный суффикс лица -*ant*: *der Kommandant* «начальник склада, командир корабля, танка и т.д.» (← *kommandieren* «приказывать, командировать»);

интернациональный суффикс -*eur*: *der Kommandeur* «начальник военно-учебного заведения» (← *kommandieren* «приказывать, командировать»).

3. Семантическая деривация (англ. – 13 ед., нем. – 11 ед.), ср.:

В английском языке обнаружены, в частности, метафорические образования типа *number one* (букв. номер один) «начальник, занимающий высокое положение», *top dog* (букв. собака, победившая в драке) «командир, босс», *big cheese* (букв. большой сыр) «босс, важное лицо», «начальник» а также метонимические производные типа: *head honcho* (букв. голова хозяина) «начальник». В данном примере используется метонимическая модель «целое-часть целого», т.е. вместо наименования человека используется лишь часть его тела (голова). В немецком языке отмечены такие метафоры: *der Bulle* (букв. бык, бульдог) «воен.сл. важная шишка, командир, шеф», *der Gesalbte* (букв. христ. помазанник) «глава», *das/der Grandis* (букв. название птицы) «большая шишка», *der Alte* (букв. старик, старуха) «разг. капитан, командир корабля», *das Haupt* (букв. верхушка, головная часть) «глава, шеф», *der Obere* (букв. верхний) «главный, старший», *der Oberste* (букв. высший) «начальник, начальница».

4. Лексико-синтаксический способ (англ. – 6 ед., нем. – 4 ед.), ср.:

В английском языке видим следующие модели:

1) модель N+N (3 ед.), обозначающая слияние двух слов одной части речи – имени существительного: *head man* «вождь, начальник», *head woman* «начальница», *boss man* «начальник»,

2) модель Adj+N (2 ед.), обозначающая слияние двух слов разных частей речи – прилагательного и имени существительного: *top man* «важная птица, главный на палубе», *top woman* «важная птица (о женщине-начальнике)»;

3) модель Adj+Adj+N (1 ед.), обозначающая слияние трех слов разных частей речи – двух прилагательных и имени существительного: *chief executive officer* «руководитель организации, начальник, первый руководитель, директор предприятия».

А в немецком, в свою очередь, выделяем такие модели:

1) Partizip I +N (2 ед.), обозначающая слияние двух слов – 1 причастия и имени существительного: *ein leitender Angestellter* «руководящий служащий», *leitender Beamte* «руководитель, руководящий сотрудник»;

2) Adj+N (2 ед.), обозначающая слияние двух слов – прилагательного и имени существительного: *grosse Nummer* «жарг. бугор, босс», *obrigkeitliche Person* «начальник».

Сходство в способах образования обусловлено, в частности, их близкородственностью, т.к. английский и немецкий являются германскими языками.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М. Новый большой англо-русский словарь в трех томах. М.: Русский язык, 1993. 828 с.
2. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 378 с.
3. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu bearbeitete Auflage. - Berlin/Boston. 2012. 481 с.
Klappenbach R., Malige-Klappenbach H. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Akademie Verlag Berlin, 1968. 800 S.

УДК 81»373.23:811.11:811.16

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО ПОЛА ПО ПРОФЕССИИ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ, РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Поляруш Е. В.

Калиущенко В.Д., доктор филологических наук, профессор
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
germanistik.dn@mail.ru

1. В данной работе рассматривается номинация лиц мужского (НМ) и женского пола (НЖ) по профессии на материале английского, немецкого, русского и украинского языков, напр.: англ. *administrator* «администратор» – *administratrix* «администратор-женщина», нем. *der Übersetzer* «переводчик» – *die Übersetzerin* «переводчица», рус. продавец – продащица, укр. вчитель – вчителька.

Актуальность заключается в ее сопоставительном подходе, который позволяет не только осуществить описание НМ и НЖ по профессии в отдельных языках, но и выявить изоморфные (общие) и алломорфные (индивидуальные) особенности НМ и НЖ во всех четырех языках.

Объектом исследования является наименования мужчин и женщин по профессии (НМ и НЖ).

Цель работы – структурно-семантическая классификация НМ и НЖ по профессии в английском, немецком, русском и украинском языках.

Основной материал работы был получен из специальных исследований и лексикографических источников (см. список исп. лит.). Количество единиц выборки составило 1025 наименований лиц (НЛ) в английском, немецком, русском и украинском языках. В английском языке количество НМ составило 162 единицу, а НЖ 36 единиц, в немецком языке выборка НМ составила 161 единицу, а НЖ 142 единицу. В русском языке количество НМ составило 163 единицы, а НЖ 104 единицы, в украинском языке количество НМ составило 163 единицы, а НЖП 94 единицы.

2. В результате проведенного исследования среди НМ и НЖ по профессии в немецком, английском, русском и украинском языках было установлено следующее:

1) Всего 24 НП из 171 рассмотренных имеют оба рода в немецком, английском, русском и украинском языках, напр.: waiter – waitress, der Kellner – die Kellnerin, официант – официантка, офіціант – офіціантка; author – authoress, der Schriftsteller – die Schriftstellerin, писатель – писательница, письменник – письменниця; der Masseur – die Masseurin, masseur – masseuse, массажист – массажистка, масажист – масажистка и др.

2) У 13 НП в немецком, английском, русском и украинском языках нет НЖ, напр.: das Image-Berater – image-maker – имиджмейкер – іміджмейкер; der Warensachverständige – goods manager – товаровед – товарознавець; der Historiker – historian – историк – історик и др.

3) У 8 НП в немецком и английском языках отсутствуют НЖ, в то время как в русском и украинском существуют оба рода, напр.: der Reparaturpersonal – repairer – ремонтник, ремонтница – ремонтник, ремонтниця; der Eisenbahner – railwayman – железнодорожник, железнодорожница – залізничник, залізничниця и др.

4) Такие чисто «женские» НП как die Waschfrau – washerwoman – прачка(рус.) – прачка(укр.), die Kinderfrau – nurse-maid – няня – нянька, die Näherin – seamstress – швея – швачка, die Ausnäherin – needle-woman – вышивальница – вишивальниця не имеют мужских соответствий ни в немецком, ни в английском, ни в русском, ни в украинском языках. Но такая профессия как die Ballettänzerin – ballerina – балерина – балерина не имеет производного мужского рода в английском, русском и украинском языках. Для НМ используют описательное словосочетание рус. танцор балета – укр. танцівник балету или разг. балерун (рус.) – балерун (укр.), а в английском ballet dancer, но в немецком он der Ballettänzer.

Более того такая профессия как der Handpfleger, die Handpflegerin – manicurist – мастер маникюра(рус.) – майстер манікюру(укр.) в английском, русском и украинском языках не имеют аналогичного НЖ, однако для данной профессии в русском и украинском языках существует разговорное выражение маникюрша – манікюрниця. В английском языке также имеет тенденцию употребление данной профессии таким наименованием как nail artist.

5) У 43 НП в английском, русском и украинском языках нет формы женского рода, в то время как в немецком она присутствует, напр.: der

Politiker, die Politikerin – politician – политик – політик; der Taucher, die Taucherin – diver – водолаз – водолаз; der Silberschmied, die Silberschmiedin – jeweler – ювелир – ювелір и др.

6) Такие 10 сугубо «мужских» НП как электрик, кузнец, металлург, токарь, сапер, телохранитель и др. в английском, русском и украинском языках не имеют НЖ. Но в немецком языке эти же профессии имеют женские формы, напр.: der Metallurg, die Metallurgin – metallurgist – металлург – металург; der Pionier, die Pionierin – sapper – сапёр – сапер и др.

7) 21 единица «новых» НП (т.е. профессий, которые возникли в результате появления информационных и интернет технологий) не имеют женского рода в английском, русском и украинском языках, в то время как в немецком данная НЖ имеет место. Напр.: der Händler, die Händlerin – trader – трейдер – трейдер; der IT-Systemelektroniker, die IT-Systemelektronikerin – IT system technician – IT-специалист – IT-спеціаліст; der Makler, die Maklerin – real estate broker – риелтор – ріелтор и др. Примечательно то, что данные НП имеют английские корни и транслитерируются в русском и украинском языках, а не переводятся. Данная тенденция широко используется в отдельном бизнесе. Однако в немецком языке наблюдается совершенно иная ситуация.

8) Профессия священнослужителя во всех представленных языках не имеет НЖ. Поскольку в христианской религии, как и в большинстве религий, женщина не имеет права быть священнослужителем.\

Выводы.

1) В немецком языке большинство профессий имеют и женский, и мужской род, в то время как в русском, украинском и английском языках наблюдается совершенно иная тенденция. В русском языке, как и в украинском, предпочтение отдается наименованию лиц обоих полов при помощи НМ, в частности, в официально-деловом стиле. В английском языке большинство профессий имеет только мужской род.

2) Некоторые чисто «женские» профессии не имеют мужских соответствий ни в немецком, ни в английском, ни в русском, ни в украинском языках.

3) исследование показало, что существовавшее и частично сохранившееся неравенство полов отражается в языковой системе номинации лиц мужского и женского пола до сих пор. Во всех четырех языках наблюдается преобладание НМ над НЖ. В меньшей степени это касается немецкого, русского и украинского языков, в большей – английского.

Список литературы

1. Бессонова, О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. Донецьк, ДонНУ, 2002. 362 с.
2. Васильева, Л. И. Суффиксальное словообразование наименований лиц по профессии в русском и украинском языках. М., 1971. 231с.

3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.efremova.info/>
4. Словник української мови. Академічний тлумачний словник (1970—1980) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sum.in.ua/>
5. Спишов, О. А. Номінація осіб у сучасній українській мові (на матеріалі дискурсу ЗМІ) 2012. № 6.
6. Cambridge Dictionaries Online [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/>
7. Duden Online [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.duden.de/>
8. Schoenthal, G. Personenbezeichnungen im Deutschen als Gegenstand feministischer Sprachkritik. Berlin, 1989. S. 296-314.

УДК 81»373:811.112.2:811.161.1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ СРЕДСТВ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ТРАНСПОРТА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Поперечная А.В.

Калиущенко В.Д., д.фил.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

alinaroperechnaya@gmail.com

В речи встречаются две категории слов: значение одних можно уяснить сразу, поскольку мы еще знаем те модели, по которым эти слова образуются; другие имеют традиционное значение, которое не может быть извлечено путем указанного процесса сопоставления. Первый тип слов мы будем называть описательным, второй – номинативным.

Ко второму типу принадлежат, прежде всего, такие слова, которые в силу ряда причин, например, фонетических изменений, исчезновения или изменения значения других слов, с которыми они первоначально были связаны, отошли от первого типа. Сюда же относятся и заимствованные слова, т.е. непосредственно взятые из какого-либо иностранного языка; звукоподражательные слова, искусственно созданные слова, слова специально коммерческого типа, используемые также в других областях, образованные по принципу звуковых или слоговых аббревиатур [4, с. 8].

Для определения происхождения наименований средств передвижения и транспорта (НСПТ) используется как номинативный, так и описательный прием. Выделяют такие типы происхождения и распространения: 1. Общеиндоевропейский тип. 2. Общегерманский/общеславянский тип. 3. НСПТ, которые развивались и распространялись сначала в отдельных группах языков. 4. Заимствования: а) в германских языках; б) в славянских языках [1, с. 265].

Для анализа этимологии НСПТ были взяты десять наиболее частотных лексических единиц в немецком и русском языках:

1. **das Auto (Automobil):** griech. *autos* – «selbst», lat. *mobilis* – «бесподвижно» [8]; **автомобиль:** франц. *automobile* < греч. *autos* «сам» и лат. *mobilis* «подвижной, движущийся» [5, с. 13];

2. **der Bus (Omnibus):** frz. *omnibus* «Wagen für alle», lat. *omnibus* «für alle», *omnes* «alle»; Omnibus – engl. *Bus* (20.Jh.) [8]; **автобус:** англ. *autobus* < греч. *autos* «сам» и англ. *bus* «омнибус; автобус» [5, с. 12];

3. **der Lastkraftwagen (20. Jh.):** **Last** – «etw. Schweres, Beschwerendes», ahd. *hlast, last* »Last, Bedrückung» (9. Jh.), mhd. *last*, auch «Menge, Masse, Fülle», mnd. mnl. nl. *last*, aengl. *hlæst*, engl. *last* sind nur westgerm.; **Kraft** – mhd., ahd. *kraft*, niederl. *kracht*, engl. *craft* «Geschicklichkeit, Fertigkeit, List, Kunst, Handwerk», schwed. *kraft*; **Wagen** – mhd. *wagen*, ahd. *wagan*, verwandt mit *bewegen*, eigentlich = das Sichbewegende, Fahrende [8]; **грузовик** – грузовой < грузовик - общ.-сл.;

4. **die Straßenbahn: Straße** – mhd. *strāze*, ahd. *strāz(3)a* < spätlat. *strata* (via), gepflastert(er Weg)», zu lat. *stratum*, 2. Partizip von: *sternere* = ausbreiten; bedecken; ebenen; **Bahn** – mhd. *ban(e)* «Weg, Bahn», mnd. *bane*, mnl. *bane*, got. *banja* «Schlag, Wunde, Geschwür», anord. *ben*, aengl. *benn* «Wunde», ahd. asächs. *bano* «Totschläger, Mörder», ahd. *bane*, mhd. *bane* «Tod, Verderben» [8]; **трамвай:** франц. *tramway* или непосредственно из англ. *tramway* – то же, tram, ср.-н.-нем. *trame* «брус» [6, с. 93];

5. **das Motorrad: Motor** lat. *motor* »Beweger», zu: *motum*, 2. Partizip von: *movere* «bewegen»; **Rad** mhd. *rat*, ahd. *rad* «das Rollende», lat. *rota* «Rad» [8]; **мотоцикл:** франц. *motocycle* < лат. *mōtor* «двигатель» и < греч. *kyklos* «круг, колесо» [5, с. 212];

6. **das Fahrrad** (Ende 19. Jh.): Verdeutschung für *Veloziped* (frz. *vélocipède*, zu lat. *vēlōx* »schnell» und *pēs* »Fuß»); **велосипед:** франц. *Velocipede*, от лат. *Velox* «быстрый» + *pede(m)* «нога» [6, с. 289];

7. **der Zug:** mhd., ahd. *zuc* «ziehen»= «das Ziehen» [8]; **поезд** – езда < ездить - общ.-сл. с помощью приставки по-;

8. **das Flugzeug:** niederd. *fahrtüg*, älter niederl. *vaartuig* «Schiff» [8]; **самолет:** лететь - укр. летіти, ст.-слав. *летѣти*, *лештж*, болг. *летя*, сербохорв. *lètjeti*, *létim*, словен. *letéti*, *letím*, польск. *lecieć*, *leceć*, в.-луж. *lećeć*, н.-луж. *lešeś*. [6, с. 488];

9. **das Schiff:** mhd. *schif*, ahd. *scif* «ausgehöhlter Stamm, Einbaum» [8]; **корабль:** общ.-сл. < лат. *carabus* < греч. *karabion*, *karabos* «корабль» [5, с. 321];

10. **das Boot:** niederd. < mittelniederd. *bōt* < mengl. *bot* < aengl. *bat* «ausgehauener Stamm» [8]; **лодка:** общ.-сл. *oldъ* < *лодь* «челн, лодка» [5, с. 510].

Анализ происхождения рассматриваемых НСПТ позволяет сделать вывод о том, что единиц, созданных на латинской, греческой или германской основе, больше наблюдается в русском языке: *автомобиль*, *автобус*, *велосипед*, *мотоцикл*, *трамвай*. В немецком языке найдены только два заимствования: *das Automobil*, *der Bus (Omnibus)*. Это связано в немецком языке с активным противостоянием «пуризмом» такому явлению, как заимствование, консервативно ограждая его от засилья иностранной лексики

[3]. Ярким примером пуризма в немецком языке может послужить слово нем. «*das Fahrrad*» букв. основа *ехать* + *колесо* рус. «*велосипед*».

Также стоит указать на то, что семь из десяти слов в немецком языке являются композитами, т.е. искусственно созданными словами и поэтому сложно определить их общую этимологию. Эту группу слов можно отнести к интернационализмам. Интернациональными словами мы называем слова, являющиеся общими для самых различных языков мира, выражающие главным образом научные, политические и культурные термины и свидетельствующие об интернациональном характере современной науки и культуры. Они в большинстве своем образованы от латинских и греческих корней [2, с. 319].

Анализ происхождения НСПТ показал, что в русском языке половина рассматриваемых единиц являются заимствованными из французского и английского языков. Вторая половина русских НСПТ возникла на славянской основе. В немецком языке непосредственных заимствований НСПТ только два. Из описанной выше этимологии НСПТ можно утверждать, что в немецком языке для НСПТ не встречаются лексические единицы, заимствованные из славянских языков. Точно так же для русского языка не характерны лексические единицы, заимствованные из германских языков для НСПТ. Следует отметить, что основу многих НСПТ в русском языке составляют слова, восходящие к корням из греческого и латинского языков, а в немецком – из латинского, греческого, германских.

Список литературы

1. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. 696 с.
2. Зиндер Л.Р. Строева-Сокольская Т.В. Современный немецкий язык. Ленинград: Учпедгиз, 1941. 360 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 сл. и фразеол. выражений. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.
4. Пизани В. Этимология: история, проблемы, метод. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956. 186 с.
5. Свиридова М.Н. Этимологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 2. 672 с.
8. Duden - Deutsches Universal Wörterbuch [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 15.09.2017).

ТИПЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ, АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ, И ИХ РОЛЬ В ТЕКСТЕ

Потрахова Д.Е.,

Калиущенко В.Д., д.филол.наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Вводные замечания. В данной работе рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ), используемые в текстах статей интернет изданий немецко-, англо- и русскоязычных язычных СМИ и место, которое они в них занимают. Целью работы является определение типов фразеологизмов, которые используются в текстах интернет-изданий СМИ, а также сравнение полученных количественных данные для русского, английского и немецкого языков.

Объектом исследования стали фразеологизмы в немецко-, англо- и русскоязычной прессе, а предметом – типы фразеологизмов, а также их роль в текстах статей СМИ.

Актуальность работы заключается в определении степени семантической слитности фразеологизмов, используемых в текстах статей СМИ, что позволит рассмотреть и сравнить образность и эмоциональную насыщенность текстов статей русскоязычных интернет-изданий СМИ с интернет-изданиями СМИ Германии и Англии(Америки).

1. Типы фразеологизмов, используемых в немецкоязычных, англоязычных и русскоязычных СМИ.

Для классификации фразеологизмов, составивших корпус выборки для данной работы, за основу была взята классификация В.Н. Шанского, где ФЕ делятся на четыре типа по семантической слитности: фразеологические сращения, единства, сочетания и выражения. В настоящее время данная классификация является общепринятой. Фразеологическое сращение – это оборот, который является семантически неделимым, а его общее значение абсолютно несоотносительно с отдельным значением его компонентов, например: to kick the bucket «сыграть в ящик», сломя голову «очень быстро», бить баклуши «ничего не делать», живота не пожалеть «пожертвовать жизнью». Фразеологическое единство – это фразеологический оборот, возникающий на основе семантического переосмысления или сдвига переменных словосочетаний. Во фразеологическом единстве поглощается и теряется индивидуальный смысл слов-компонентов. Значения всех слов во фразеологическом единстве сливаются, и возникает иное, новое переносное значение, например: закинуть удочку, первый блин комом, keinen Finger

krümmen «и пальцем не пошевелить, палец о палец не ударить», etwas auf Eis legen «не давать ходу, заморозить». Фразеологическое сочетание – это фразеологизмы, возникающие в результате единичного сцепления одного семантически преобразованного компонента, например: кромешный ад, скалить зубы, трескучий мороз, dark horse «темная лошадка», die silberne Hochzeit «серебряная свадьба». Фразеологическое выражение – это единицы, которые по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями слов и предложениями [Чернышева, 1970 : 46].

Однако, принимая во внимание недавние исследования фразеологии, общепринятые традиционные рамки стираются и теперь кооперируют с разными теоретическими направлениями. Согласно Д.О. Добровольскому [Dobrovolskij, 1995 : 12], когнитивный аспект играет значимую роль для проблематики лексикона и привносит достаточно большое количество альтернативных решений при его структурировании. Фразеологический фонд языка рассматривается как открытое нечеткое множество семантических комплексов; при этом содержание каждого такого комплекса опирается на особые аспекты значений слов и на индивидуальные семантические отношения между ними [Городецкий, 1969:195]. Высокая степень фразеологичности обуславливает закрепление лексико-семантического комплекса в языковой памяти адресата и его речевую воспроизводимость. Когнитивно-лингвистическая перспектива позволяет поставить под сомнение ряд вопросов и определенные постулаты, имеющие силу аксиом, и по возможности их переформулировать.

Основными критериями фразеологичности являются идиоматизация и лексикализация, например: blood runs cold «кровь стынет в жилах», kurz und gut ,короче говоря, одним словом», im Nu vergehen «пролететь в мгновение ока». Из фразеологизма невозможно убрать или заменить один из его компонентов, так как смысл передается не каждым словом отдельно, а именно: во фразеологизмах по типу mit Kind und Kegel «со всей семьей, со всем скарбом» нельзя заменять один из компонентов другим словом, например nach Kind und Kegel или mit Mut und Kegel, так как значение всего фразеологизма не может быть истолковано из отдельных значений его компонентов.

Однако существует другая концепция, которую поддерживают многие ученые. Она заключается в том, что, вместе с непосредственно фразеологическими оборотами, к фразеологизмам относят пословично-поговорочные выражения, цитаты, ставшие крылатыми выражениями, сложные термины. Обороты такого типа называют фразеологическими выражениями. Объект фразеологии расширяется сторонниками данной концепции за счет семантически преобразованных сочетаний, которые можно соотнести не только со словом, но и с предложением. Таким образом, во фразеологию, кроме номинативных, включают и коммуникативные единицы, такие как unter Druck setzen, nach Plan laufen.

Тексты СМИ являются интересным и актуальным материалом для изучения фразеологизмов, так как они играют важную роль в статьях СМИ, поскольку их язык насквозь фразеологизирован и его характерной особенностью является использование стандартных выражений и клише [Винокур, 1990: 118], однако важным остается определение степени фразеологичности для единиц, используемых авторами в статьях текстов СМИ, а также сравнение степени фразеологичности немецкоязычных и русскоязычных СМИ.

2. Основные выводы. Анализ материала исследования позволил сделать следующие выводы о том, что степень фразеологичности выражений, используемых в текстах русскоязычных СМИ выше, чем в текстах СМИ Германии. Так, 73% выборки фразеологизмов из текстов СМИ России составляют фразеологизмы, которые можно отнести к фразеологическим сращениям, единствам, сочетаниям и выражениям, а 27% к устойчивым воспроизводимым сочетаниям выражениям. В текстах интернет-изданий немецкоязычных СМИ на устойчивые воспроизводимые сочетания, чей смысл можно извлечь из их компонентов, приходится 48%, что показывает меньшую образность и эмоциональность языка СМИ Германии в сравнении с русскоязычными СМИ, ту же самую картину мы наблюдаем также и в СМИ Англии(Америки), так на единства, сочетания, сращения и выражения приходится 56%. Языку СМИ Германии и Англии свойственны стандартизированные клишированные выражения с меньшей семантической слитностью компонентов, в то время, как фразеологизмы, используемые в текстах русскоязычных СМИ часто состоят из семантически неделимых или переосмысленных выражений.

Список литературы

1. Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Изд-во Наука, 1990. 451 с.
2. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. М.: МГУ, 1969. 564 с.
3. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1970. 199 с.
4. Dobrovolskij D.O.: Kognitive Aspekte der Idiom-Semantik. Tübingen: Günter Narr Verlag, 1995. 12 с.

КОНВЕРСИВНЫЕ РЕФЛЕКСИВНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СФЕРЕ ПСИХО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Растарасова Е.К.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». г. Донецк

donnu.pk@mail.ru

1. Введение.

Объектом настоящего исследования являются лексические конверсивы, выраженные немецкими рефлексивными глаголами (РГ), содержащими в своей структуре местоимение *sich* в Акк., и их производящими нереплексивными глаголами (НГ).

Предмет исследования составляют семантические и синтаксические свойства немецких конверсивных РГ со значением психо-эмоционального состояния человека.

Целью работы является изучение механизмов конверсии в сфере немецких РГ со значением психо-эмоционального состояния человека.

Материалом исследования послужили РГ и их рефлексивные конструкции (РК) и соответственно их НГ и нереплексивные конструкции (НК), отобранные из Duden Universalwörterbuch (всего 40 РГ/РК и НГ/НК).

2. Семантика конверсивных рефлексивных глаголов

Под конверсивом здесь понимается РГ, который называет то же самое явление, что и его исходный НГ, но в другом направлении, т.е. с перестановкой тех же участников ситуации на другие позиции [Мельчук 1999: 83]. Конверсивные РГ образуются от различных лексико-семантических групп НГ, обозначающих явления природы (7%), умственную деятельность человека (10%), накопление/истощение, распространение/увеличение чего-либо (14%), воздействие на человека или на его психо-эмоциональное состояние (44% выборки), прочие действия (20%).

Семантико-синтаксический анализ НГ и РГ, а также их конструкций (НК/РК), свидетельствует о том, что конверсия происходит посредством актантной трансформации, т.е. путем изменения соотношения между семантическими и синтаксическими актантами, другими словами, меной позиции субъекта и объекта в актантной структуре НК и РК. Например:

(1) а *Der Brief hat sie sehr betrübt* «Письмо ее сильно опечалило». – б. *Sie hat sich über den Brief sehr betrübt* «Она опечалилась письмом».

НК (1а) и её РК (1б) описывают денотативно сходную ситуацию, но с изменением в них неодушевленным существительным *der Brief* и одушевлённым местоимением *sie* своих синтаксических позиций: в исходных НГ/НК (1а) неодушевленное имя *der Brief*, выступающее в семантической функции субъекта-агенса, стоит в позиции подлежащего, а в производных

РГ/РК (1б) преобразуется в предложное дополнение *über den Brief*. Мена позиции в структуре (1а), (1б) наблюдается и у актанта *sie*: объект-дополнение НК в роли экспериенцера (1а) повышается в ранге в РК (1б) и становится субъектом-подлежащим в РК (1б). РК (1б) описывает ту же ситуацию, что и исходная НК (1а), но из перспективы второго актанта, переводимого в коммуникативно главную позицию подлежащего [Мельчук 1999: 50, 51].

Анализ референтных свойств конвертируемых имен существительных позволяет заключить, что в позициях подлежащего и дополнения в НК и РК в основном появляются имена, называющие:

1) неодушевленные предметы, например:

(2) а. *Dieser Brief erregte sie* «Это письмо взволновало её». – б. *Sie erregte sich über diesen Brief* «Она взволновалась этим письмом»;

2) человека, его состояние, например:

(3) а. *Das Zweifeln quält sie* «Сомнение мучает её» – б. *Sie quält sich mit Zweifeln* «Она мучается сомнениями»;

3) абстрактные понятия, например:

(4) а. *Schreckliche Träume marterten sie* «Ужасные сны мучали её» – б. *Sie marterte sich mit schrecklichen Träumen* «Она мучилась ужасными снами».

У конверсивных РГ обнаруживаются различные типы психо-эмоционального состояния субъекта, которые можно упорядочить так:

1) отрицательное психо-эмоциональное состояние (18 РГ), например:

(5) а. *Mein Zustand bekümmerte ihn* «Моё состояние его огорчало» – б. *Er bekümmerte sich über meinen Zustand* «Он огорчился моим состоянием»;

2) положительное психо-эмоциональное состояние (2 РГ), например:

(6) а. *Der Ausflug freute uns* «Поездка радовала нас» – б. *Wir freuten uns über den Ausflug* «Мы радовались поездке»;

3) нейтральное психо-эмоциональное состояние (2 РГ), например:

(7) а. *Sein Verhalten wunderte sie sehr* «Его поведение ее сильно удивляло» – б. *Sie wunderte sich sehr über sein Verhalten* «Она удивлялась его поведением».

3. Выводы.

3.1. Конверсив – это слово, которое называет то же самое отношение, что и ключевое слово, но взятое в ином направлении», т.е. с перестановкой тех же актантов на другие места.

3.2. Высокую продуктивность среди немецких конверсивных РГ обнаруживают глаголы, обозначающие каузацию психо-эмоционального состояния человека.

3.3. В НК и РК в позициях подлежащего и дополнения чаще появляются неодушевленные имена (вещества, абстрактные понятия), реже – одушевленные (человек, его состояние).

3.4. Среди конверсивных РГ выделяются различные типы психо-эмоционального состояния субъекта: отрицательное психо-эмоциональное

состояние, положительное психо-эмоциональное состояние, нейтральное психо-эмоциональное состояние.

3.5. Наиболее продуктивной группой среди них является группа с отрицательным психо-эмоциональным состоянием.

Список литературы

1. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс, 1983. 168 с.
2. Мельчук И.А. Опыт теорий лингвистических моделей «Смысл-текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.
3. Duden Universalwörterbuch [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duden.de>. (дата обращения: 09.09.17).

УДК 81»362:811.11:811.161.1

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ/НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рябец А. В.

Калиущенко В. Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

germanistik.dn@mail.ru

1. Многие лингвисты считают, что русскому языку не свойственна категория определенности/неопределенности (КОН). Подобное мнение аргументируется отсутствием формального грамматического показателя, который проявляется в английском и немецком языках в виде артикля. [4, С.6-7] Долгое время исследование КОН производилось исключительно вместе с изучением артиклей, таким образом, не являясь объектом особого анализа в языках, в которых нет артиклей. В разное время способы выражения определенности/неопределенности (ОН) в русском языке рассматривали такие ученые, как С.А.Крылов, А. Мейе, Л.П. Якубинский. Исследования ученых-лингвистов свидетельствуют о наличии в русском языке КОН.

2. Актуальность данного исследования обуславливает недостаточная изученность специфики функционирования категории определенности/неопределенности в текстах литературного жанра.

Семантическая категория определенности/неопределенности является универсальной и находит выражение во всех языках с помощью различных языковых средств: грамматических, лексических, фонетических, морфологических, синтаксических (например, в татарском языке средством маркирования неопределённости имени является числительное *бер* «один», а

определенность представлена указательными местоимениями, посессивами и аффиксами принадлежности).

3. Специализированным средством выражения определенности/неопределенности является грамматическая категория артикля, которая не является универсальной (среди сопоставляемых языков в русском артикль отсутствует).

Артикль является особой разновидностью служебного слова, выражающего значение определенности/неопределенности, которое сопровождает существительное и образует с ним аналитическую форму. [4, С.8]. В функционировании артиклей сравниваемых языков можно выделить общие черты:

Неопределённый артикль (напр., англ. a, an, нем. ein(e)) указывает на то, что упомянутый предмет является новой информацией для собеседника и не выделяет его из массы других таких же предметов.

Определённый артикль – это «артикль индивидуализирующий и конкретизирующий; он характеризует предмет, как отличный от других, единичный, индивидуальный или особенный» [1, с. 48-49].

4. Что касается русского языка, то там КОН выражается «лексически, грамматически и фонетически» [2, с.151]. В. В. Гуревич считает, что в русском языке нет единообразного способа выражения ОН, но существует ряд средств для выражения таких различий. [3, с.138-140]

Синтаксический способ – с помощью порядка слов. Так, например, подлежащее в начальной позиции в предложении обычно указывает на известность, определенность объекта (например, «Учитель вошел в класс»). А подлежащее в конечной позиции, при инверсивном порядке слов указывает на неопределенность объекта («В класс вошел учитель»).

Лексический способ – сочетание существительного с неопределенным или указательным местоимением: *какой-то, какой-нибудь, один, этот, тот* и т.д. Известно, что такой способ существует и в английском языке, однако важно отметить, что в русском языке наблюдается употребление слов «один», «этот» в качестве элементов, подобных артиклям [2, с.151].

Способ, близкий к аффиксации – присоединение к существительному постпозитивной частицы *-то* для выражения значения определенности. Исторически эта частица восходит к местоимению *тот*, употреблявшемуся постпозитивно и вследствие безударности утратившему конечный согласный *t*. Таким образом, здесь мы видим некоторый аналог постпозитивного определенного артикля [2, с.151].

5. Основной задачей данной работы является изучение способов выражения КОН в немецком, английском и русском языках. Поскольку немецкий и английский языки являются артиклевыми, можно предположить, что при переводе с немецкого на английский выбор рассматриваемых средств не представляет проблемы, скорее всего они могут быть идентичны. Более сложной может выглядеть ситуация при переводе на русский язык.

Материалом исследования послужил роман Г. Грасса «Beim Häuten der Zwiebel» на немецком языке – язык оригинала, а также его переводы на английский и русский языки. Рассмотрим случаи передачи значения КОН.

Нем. «*Sogar die Uhrzeit wollte unvergeßlich sein.*»

Англ. «*Even the time of day sticks in my mind.*»

Русск. «*Незабываемо даже точное время суток.*»

Данные примеры демонстрируют тот случай, когда в немецком и английском языках категориальное значение определенности выражается соответствующим артиклем, в то время как в русском языке это значение передается с помощью лексического элемента «точное» (хотя, как было отмечено выше, в безартиклевых языках значение определенности обычно передается с помощью указательных местоимений). Таким образом, следует отметить, что в данном примере в немецком и английском языках значение определенности передается морфологически, а в русском – лексически.

Нем. «*Und auch dieser Grund sei genannt: weil ich das letzte Wort haben will.*»

Англ. «*And let this, too, be said: because I want to have the last word.*»

Русск. «*И еще одна причина: я хочу сохранить за собой последнее слово.*»

В данных примерах категориальное значение определенности выражено дважды. В первом случае и в немецком, и в английском языках – с помощью указательного местоимения *dieser/this*, что на русский язык передали лексемой «еще». Во втором случае определенность, выраженная артиклями в иностранных языках, никак не передается на русский язык.

Нем. «*Sogar die Uhrzeit wollte unvergeßlich sein.*»

Англ. «*Even the time of day sticks in my mind.*»

Русск. «*Незабываемо даже точное время суток.*»

На основе проведенного сопоставления можно сформировать следующее обобщение:

КОН является важнейшей коммуникативной категорией. В разных языках она выражается различными средствами. Одним из наиболее распространенных средств выражения является артикль.

6. В ходе исследования было определено, что способы выражения КОН могут иметь ряд особенностей:

– Наличие морфологического оформления в немецком и английском языках и его отсутствие в русском.

– Способность артикля в немецком и английском языках выполнять различные функции и наличие в его семантической структуре целого набора компонентов значения, любой из которых может доминировать в том или ином случае употребления артикля.

– Возможность выражения категориального значения ОН не только посредством артикля, но и при помощи других морфологических и лексических единиц, а также посредством порядка слов в русском языке.

– Связь КОН с актуальным членением предложения. Расхождение традиций выделения данной и новой информации вследствие различия грамматических структур трёх языков.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. М., 1973. 424с.
2. Буров В.Г. ЛИ ЦИНЬ. Категория не-/определенности в русском языке: языковые средства и их функции в речи / В.Г. Буров, Б.Ю. Городецкий, А.Л. Семенов // Вопросы языкознания. 2000. №4. С.150-155.
3. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учебное пособие. М., 2003. 168с.
4. Ларина О. А. Универсальное и национальное в функционально-семантической категории определенности/неопределенности: В сфере имени: диссертация ... кандидата филологических наук. Орел, 2006. 223с.

УДК 81'367.622:811.112.2:811.161.1

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Садовская О.Г.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Данная работа посвящена исследованию глаголов физиологического состояния (ГФС) в немецком и русском языках, например: нем. *atmen* «дышать»; рус. глотать.

Под ГФС понимаются глаголы, обозначающие действия, связанные с физиологическими процессами живого организма. Данные лексические единицы описывают разные стороны человеческой жизни, поэтому являются часто употребляемыми.

Актуальность избранной темы заключается в сопоставительном исследовании ГФС в немецком и русском языках, что, по нашим наблюдениям, до сегодняшнего дня не было предметом специального изучения.

Цель работы состоит в выявлении общих и специфических черт в структуре ГФС в немецком и русском языках.

Материалом данного исследования послужили ГФС, отобранные путем сплошной выборки из толковых словарей названных языков. [1,2,3,4]. Общий объем ГФС составил в немецком языке 76 единиц, а в русском – 103 единицы.

В словообразовательном отношении анализируемые лексические единицы образуются в обоих языках префиксальным способом (нем. – 16 ед; рус. – 9 ед.), ср.: нем. *abnagen* (← *nagen*); рус. *прогрызть* (← *грызть*).

Только в немецком языке имеются ГФС, образованные при помощи рефлексивного местоимения *sich* (7 ед.) типа *sich sättigen* 'насытиться» (← *sättigen*), *sich schneuzen* 'сморкаться» (← *schneuzen*).

Кроме того, в немецком и русском языках выявлены также корневые (непроизводные) ГФС (нем. – 6 ед; рус. – 4 ед.), ср.: нем. *atmen* 'дышать», *trinken* 'пить»; рус. *пить, есть*.

Только в русском языке обнаружены ГФС, образованные с помощью следующих способов:

1) суффиксального способа (37 ед.): *допивать* (← *допить*), *зевать* (← *зевок*), *плевать* (← *плевок*), *обедать* (← *обед*);

2) постфиксального способа (18 ед.): *слезиться* (← *слезить*), *щуриться* (← *щурить*), *жмуриться* (← *жмурить*), *кормиться* (← *кормить*);

3) префиксально-суффиксального способа (37 ед.): *вздрагивать* (← *дрожать*), *выкуривать* (← *курить*), *выпивать* (← *пить*), *допивать* (← *пить*), *обкусывать* (← *кусать*), *отхлебывать* (← *хлепать*).

Глаголы *вздрагивать* и *отхлебывать* могли образоваться от префиксальных глаголов совершенного вида с помощью суффикса, т.е. соответственно от производящих глаголов *вздрагнуть* и *отхлебнуть* и являются в таком случае суффиксальными ГФС.

Список литературы

1. Бабенко Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М., 1999. С. 704.
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 1536.
3. Deutsches Wörterbuch von J. Grimm und W.Grimm [Электронный ресурс]. URL:<http://woerterbuchnetz.de/DWB/?sigle=DWB&mode=Vernetzung&lemid=GT11119#XGT11119> (дата обращения: 11.09.2017)
4. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1986. С. 1728.

МЕТАФОРИЗАЦИЯ И МЕТОНИМИЗАЦИЯ В КОМПЬЮТЕРНОМ ЖАРГОНЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Смирнов Я.Ю.

Басыров Ш.Р., д.филол.наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

syi@list.ru

Метафора является одним из главных и эффективных путей формирования компьютерного жаргона в русском и английском языках [1–4]. Семантическая классификация метафоры по вспомогательному субъекту даёт возможность показать, что пути формирования жаргонного компьютерного подъязыка в русском и английском языках на основе метафоры универсальны, и происходят по следующим основным моделям: человек – компьютер, животное – компьютер, механизм – компьютер, растение – компьютер, еда – компьютер, части тела человека – компьютер, одежда – компьютер, рукотворные объекты – компьютер, меры веса, длины – компьютер, имена собственные – компьютер.

Эмпирический материал для настоящей статьи был получен из словарей и Интернет-источников и составил в русском языке 129 единиц, в английском – 69 единиц.

Некоторые метафоры (5 ед.) заимствованы в русский язык компьютерных пользователей из английского или являются интернациональными, при этом в русском языке иногда происходит уточнение значения. Например: англ. *bible* «подробное руководство по конкретному языку программирования» и рус. *коран* «руководство, поставляемое вместе с программным обеспечением», англ. *worm* «вирус, который трудно обнаружить» и рус. *червь* ««тройный» вирус», англ. *iron* «большие, дорогие, сверхскоростные компьютеры» и рус. железо «основные запчасти компьютера».

В английском компьютерном жаргоне отмечена адъективная метафора *catatonic* «кататонический», так говорят о зависшей программе. В русском жаргоне обнаружена аналогичная именная метафора *кататония* «состояние полного зависания». Сходными в обоих языках оказались также: рус. *вкусность* «очень удобная или полезная программа» и англ. *flavor, taste* (аромат, привкус) «свойство или атрибут, придающий программе удобный и красивый пользовательский интерфейс и делающий ее удобной в использовании».

Благодаря метафорическим переносам в английском компьютерном жаргоне развились новые лексико-семантические варианты, построенные по следующим типам:

а) перенос по форме: *mouse* (мышь) »манипулятор «мышь»», *worm* (червь) »тире», *spike* (шип) »вертикальная черта»;

б) перенос по цвету: *salt* (соль) «помехи в виде ошибочно белых элементов изображения»;

в) перенос по функции: *bridge* (мост) «устройство, соединяющее две сети», *finger* (палец) »программа, отображающая какую-либо информацию»;

г) перенос по характеру движений: *zip* (застёжка типа «молния») »перебрасывать курсор».

Среди семантических инноваций встречаются также случаи метонимического переноса, построенные по единой модели «часть вместо целого» (*pars pro toto*): *packet* (группа, пакет, сверток) »количество информации, посылаемое через компьютерную сеть», *hack* (топорная работа) »«кусок» работы, тонкая ювелирная работа».

Семантическая адаптация заимствований в компьютерном жаргоне русского языка заключается в расширении или сужении семантической структуры общеупотребительных слов и появлении у них специального значения. Благодаря полисемии — значения слов расширяются. Многозначность определяется действием двух ассоциативных механизмов. В одном случае образование производного значения обуславливается действием парадигматического механизма ассоциаций по сходству. Таким образом возникают следующие русские метафоры: *блин* «диск», *лапша* «провода», *палка* «джойстик», *пласт* «дискета», *рояль* «клавиатура», *зерно* «пиксель», *жучок* «микросхема», *глаз* «порт» и многие другие. В ряде случаев образование производной семантемы объясняется действием синтагматического механизма ассоциаций по смежности. Таким образом, возникают русские метонимии: *кишки* «внутреннее устройство компьютера», *цвет сборки* «место сборки», *вес* «объем носителей информации», *дрова* «плохой компьютер» и многие другие [3].

Итак, в компьютерном жаргоне русского и английского языков обнаружены жаргонные слова с метафорическим переносом («Животные – компьютер», «Механизм – компьютер», «Еда – компьютер», «Материалы – компьютер», «Меры веса, длины, количество», «Болезни, физические состояния», «Части тела – компьютер», «Рукотворные объекты – компьютер», «Одежда – компьютер»), а также с метонимическим («Выдуманные персонажи и существа – компьютер», «Имена – компьютер», «Человек – компьютер», «Механизм – компьютер», «Рукотворные объекты – компьютер»).

Наиболее продуктивной среди моделей с метонимическим переносом в русском компьютерном жаргоне является модель «Рукотворные объекты – компьютер» (27 %), а в английском – «человек – компьютер» (19 %).

В русском и английском языках более продуктивной является метафорическая модель «Животное – компьютер» (23 % и 26 % в русском и английском компьютерных жаргонах соответственно).

Компьютерные жаргонные существительные этой модели имеют негативный оттенок, и часто употребляются для создания каламбурного эффекта.

Список литературы

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. №3.1. С. 32-41.
2. Виноградова Н.В. Русский компьютерный сленг // Энергия, 2003, №9. С. 65-68.
3. Гридина Т.А. Словообразовательный контекст как база семантизации наименования в процессах языковой игры / Т.А. Гридина // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1994. С. 37-45.
4. Лушникова Е.В. Компьютерный сленг как явление субкультуры // Синергия культуры: Труды Всероссийской конференции / Под ред. проф. А.В. Волошинова. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2002. С. 207-212.

УДК 811.111:811.161.1»25

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ «ПРОИСХОДИТЬ», «СЛУЧАТЬСЯ» + НАИМЕНОВАНИЕ СОБЫТИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Тарасюк В. А.

Калиущенко В. Д. д.фил.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

1. Работа посвящена сопоставительному исследованию структуры и семантики конструкций с глаголами «происходить», «случаться», обозначающие наименование событий, напр.: *an accident happened* «произошла авария», *a miracle happened* «случилось чудо».

Актуальность работы обусловлена тем, что, несмотря на неослабевающий интерес и всесторонний подход в изучении семантики и структуры словосочетаний, многие связанные с ними проблемы еще не решены. **Объектом** исследования в данной работе являются конструкции с глаголами, обозначающие события в английском и русском языках, отобранные методом сплошной выборки из переводных двуязычных, толковых, синонимических словарей стандартного языка, напр.: англ. *happen* «происходить», русск.: *происходить, случаться*. [3]. **Предметом** исследования выступает семантика и структура конструкций с глаголами «происходить», «случаться». **Цель** – провести семантическую классификацию конструкций с учетом их стилистических особенностей.

2. Глаголы «происходить» и «случаться» близки по значению в русском языке. Использование данных глаголов зависит от контекста, а также стиля речи. Эти глаголы сочетаются со словами типа «несчастье», «беда» и т.п. или с местоименными существительными типа «что-то», «что-нибудь». [2]. В некоторых контекстах эти глаголы взаимозаменяемые. В данном случае, нет

разницы между ними, напр.: *произошла ошибка* и *случилась ошибка*, так как ошибка – это непреднамеренное действие, которую невозможно рассчитать и предсказать заранее. Однако, используя глаголы «происходить» и «случаться» в конструкциях с существительным «взрыв», можно заметить различия в семантике данных глаголов. В этом случае, глагол «случаться», зависит от имени существительного, в комбинации с которым он выступает. Данный глагол имеет смысл случайности, а также наименования несчастного случая и воспринимается как мгновенное стихийное бедствие [1]. Глагол «происходить» выступает в этом смысле более нейтральным, он может обозначать запланированное действие, напр.: *произошел взрыв* и *случился взрыв*. Эти конструкции имеют разное значение, однако им также присущи общие черты. Обе конструкции выражают наименование события, его негативность, но конструкция с глаголом «происходить» может обозначать как случайное, так и запланированное событие. Общим значением глаголов как в русском, так и в английском языке является наименование событий. Между глаголами «происходить», и «случаться» различным признаком является сема случайности, «случаться» выступает в значении действия, которое неожиданно появляется, обнаруживается. [4]. На английский язык конструкции переводятся глаголами «happen», «occur», «materialize», «arise» и «appear». Глаголы «occur» и «arise» употребляются в более формальной речи. [5]. Данные глаголы наряду с «materialize» и «appear» обозначают начало совершения действия, а также им присуща визуальность [5], напр.: *произошла вспышка* переводится как англ.: «a lightning appeared». Визуальность глагола – факт того, что это действие может быть замечено кем-то. Выбранные конструкции были разделены на три группы, а именно на конструкции, имеющие равное количество эквивалентов в русском и английском языках (составляет 25), конструкции, имеющие больше эквивалентов в английском языке (11) и имеющие больше эквивалентов в русском языке (1). Это значит, что сочетаемость английских глаголов с именами существительными равна или выше, чем сочетаемость глаголов с именами существительными в русском языке.

3. В результате исследования было исследовано значение 37 конструкций с глаголами «происходить», «случаться», а также установлены сходства и различия по признакам в обоих языках. Исследуемые конструкции с глаголами «происходить», «случаться» несут в себе не только значение наименования события, но также могут указывать на случайность действия. В большинстве случаев значение подобных конструкций зависит от семантики имени существительного, употребленного в конструкции.

Список литературы

1. Селиверстова О. Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.
2. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Парадигматика. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 568 с.

3. Мюллер В. К. Большой русско-английский словарь. / В. К. Мюллер. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2009. – 608 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1209 с.
5. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. A S Hornby. Sixth edition. Edited by Sally Wehmeier. Phonetics Editor Michael Ashby. – OXFORD.

УДК 81»367»37:811.111=161.2

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТАФОР ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И АНГЛО-АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Фатьянова И. В., канд.филол.наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

irafatianova@mail.ru

Микроконцептосфера **TERRORISM** – иерархически организованный конгломерат концептов, который воспроизводит политическую сферу бытия социума в конкретный отрезок исторической реальности, получает свое воплощение в семантическом пространстве национального языка. Рассматриваемая микроконцептосфера, ее структурные единицы – домены, выступают базой для воплощения и интерпретации отдельных концептов, стоящих за физическим телом языковых знаков, применяемых в коммуникации [2].

В данной работе метафорические модели мы выделяем на основе общей сферы-цели метафорической экспансии [1]. Это обратное направление анализа базируется на конкретных текстовых реализациях метафор, которые рассматриваются как исходные для определения структуры метафорической модели. На этом основании установлено метафорическую реализацию ключевой как для русского, так и для англо-американского политического дискурса микроконцептосферы **ТЕРРОРИЗМ**.

Микроконцептосфера **ТЕРРОРИЗМ** актуализируется онтологическими метафорами терроризма со следующими коррелятами: «человек», «природа», «растительный мир», «животный мир»:

(1) *It is changing the face of terrorism. It is basically bringing it to the United States, to our great citizens. We know the terrorists are barbaric and murderers that attack innocent civilians, as they did in this case* [4].

(2) *The centre of the storm was South Asia, and the epicenter of the storm Pakistan* [3].

(3) *We must find out where the roots of terrorism lie* [4].

(4) *To defeat the beast, don't feed the beast.” This fanaticism is what feeds terrorism* [4],

структурными («терроризм – война», «терроризм – бизнес», «терроризм – зло», «терроризм – театр», «терроризм – спорт», «терроризм – азартная игра», «терроризм – религия», «терроризм – болезнь»):

(5) *This is not a battle between the United States of America and terrorism, but between the free and democratic world and terrorism [4].*

(6) *Those who can sell violence can, in effect, become contract insurers and enforcers. It is only a short step to becoming licensers of business activities [4].*

(7) *We're living in a fearful time. Since 9/11 people have become more afraid than before, because of terrorism. There's a lot of confusion about evil, where it's all coming from [4].*

(8) *Former foreign minister Jaswant Singh has rightly described the operation as a forerunner for the 9/11 plot because it involved the same cast of characters brewing the stew; Pakistan-based terrorists, al Qaeda, the Afghan Taliban and the ISIS [3].*

Представленная средствами современного русского языка микроконцептосфера ТЕРРОРИЗМ является одной из ключевых и в русской картине мира. Набор метафор, образно эксплицирующих терроризм, фиксирует результаты взаимодействия общественности с объективной реальностью, определяя «воплощенность» природы метафоры терроризма в русской картине мира. Метафора терроризма располагается преимущественно в отрицательно ассоциативной зоне русской картины мира и представлена такими метафорическими моделями, как «терроризм – преступление», «терроризм – война», «терроризм – бизнес», «терроризм – театр», «терроризм – религия», «терроризм – азартная игра», «терроризм – спорт», «терроризм – болезнь», «терроризм – зло» (структурные метафоры), «терроризм – животный мир», «терроризм – растительный мир», «терроризм – живое существо», «терроризм – артефакт» (онтологические метафоры):

(9) *Последнего террориста уничтожат только тогда, когда у власти не останется бандитов.*

(10) *Терроризм – религия ненависти.*

(11) *Терроризм, как и любая другая агрессия – стихийные бедствия, возвращенные зашедшей в тупик политикой.*

(12) *Терроризм – не персонифицированное зло, а следствие пороков огромного числа людей [5].*

Анализ метафорических моделей в русском политическом дискурсе показал, что наиболее частотными, в отличие от англо-американского, являются «терроризм – преступление» (33 %), «терроризм – бизнес» (22 %), «терроризм – болезнь» (15 %).

Таким образом, сопоставительный анализ актуализации метафорических моделей в современном русском и англо-американском политическом дискурсе показал, что метафоры *терроризма* представляют понятия о феномене, которые оказались в общественно значимом контексте, подверглись осмыслению и переосмыслению, вошли в сознание наций, стали

составной частью их концептосферы и, имея языковое выражение, включились в семантическое пространство языка.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю.Н. Караулов ; Российская акад. наук, Ин-т русского яз. М. : Помовский и партнеры, 1994. 351 с. 288 с.
2. Фатьянова І. В. Мікроконцептосфера **TERRORISM** у сучасному англо-американському політичному дискурсі: дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Фатьянова Ірина Валеріївна. Одеса, 2013. 275 с.
3. *Riedel B.* The Grave New World: Terrorism in the 21st Century / B. Riedel // [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.brookings.edu/research/articles/2011/12/terrorism-riedel> (12.12.2011)
4. Terrorism Quotes – Brainy Quote [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.brainyquote.com/quotes/keywords/terrorism.html>
5. Афоризмы и цитаты на тему Терроризм и Террористы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aphorism.ru/700.shtml>

УДК 81»37»276.6:811.11:811.161.1

НОМИНАЦИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Хлисту́н К.В.

Басыров Ш. Р., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Данная работа посвящена анализу существительных, номинирующих родителей и детей в немецком, английском и русском разговорном языках.

Объектом исследования являются существительные со значением *РОДИТЕЛИ* и их *ДЕТИ*, а предметом – семантика и способы образования данных существительных в немецком, английском и русском разговорном языках.

Целью работы является выявление общего и отличительного в семантике данных существительных в сопоставляемых языках.

Материалом исследования послужили 134 лексические единицы (ЛЕ) в немецком языке, 118 ЛЕ в английском и 171 ЛЕ в русском языке, собранные путем сплошной выборки из лексикографических источников.

В тематическом плане анализируемые ЛЕ распадаются на 2 группы:

1. ЛЕ, называющие родителей;
2. ЛЕ, называющие детей.

Данные тематические группы разделяются, в свою очередь, на 6 подгрупп:

1. отец, ср.: нем. *der Erzeuger*, англ. *begetter*, рус. *воспитатель*;

2. мать, ср.: нем. *die Gebälerin*, англ. *female parent*, рус. *мамуся*;
3. родители, ср.: нем. *die Alten, olds*, рус. *предки*;
4. дети, ср.: нем. *der Nachwuchs*, англ. *offspring*, рус. *отпрыск*;
5. сын, ср.: нем. *der Kleiner*, англ. *sonny*, рус. *сынуля*;
6. дочь, ср.: нем. *das Mädchen*, англ. *girl*, рус. *доця*.

В целом, лексико-семантические группы, а также их подгруппы в сопоставляемых языках совпадают. Сходство в структуре понятийных полей «Дети» и «Родители» сопоставляемых языков объясняется биологической природой человека и традиционным укладом семьи у германских и славянских народов.

Вместе с тем, анализируемые ЛЕ обнаруживают некоторые различия, связанные, частности, различной продуктивностью выявленных тематических подгрупп.

В сопоставляемых языках наиболее продуктивной является семантическая подгруппа ЛЕ со значением *ДЕТИ* (нем. – 44 ед., англ. – 43 ед., рус. – 57 ЛЕ), а наименее продуктивной – подгруппа со значением *ДОЧЬ* (нем.– 9 ЛЕ, англ. – 4 ЛЕ, рус. – 12 ЛЕ).

В русском и немецком языках отмечено большее количество существительных со значением *РОДИТЕЛИ, ДЕТИ*, чем в английском, так как в них более развито аффиксальное словообразование. Кроме того, в немецком языке высокую продуктивность обнаруживает и словосложение (31 единица).

В стилистическом отношении лексемы понятийных полей «*РОДИТЕЛИ/ДЕТИ*» эмоционально и экспрессивно окрашены, а также выражают округленную оценку. В зависимости от эмоционально-экспрессивной окраски и стилового употребления у анализируемых ЛЕ сопоставляемых языков установлен реестр из 12-ти стилистических помет: **ласкательные слова** (нем. *das Würmchen*; англ. *weeny*; рус. *батенька*), **шутливые** (нем. *der Senior*; англ. *nipper*; рус. *выводок*), **фамильярные** (нем. *die Mama*; англ. *rara*; рус. *па*), **высокопарные** (нем. *die Lebensspenderin*; англ. *matron*; рус. *чадо*), **официальные** (нем. *der Erzeuger*; англ. *materfamilias*; рус. *наследник*), **грубые** (нем. *die Milchtüte*; англ. *sprog*; рус. *папаша*) и другие.

Хотя в лексикографических источниках имеет место различная стилистическая паспортизация одной и той же лексемы, и данный стилистический реестр является в определенной мере субъективным, тем не менее, в целом эмоционально-экспрессивная окраска и оценочное значение большинства ЛЕ «*РОДИТЕЛЕЙ/ДЕТЕЙ*» в каждом языке совпадает и носит поэтому узуальный характер.

В английском языке в понятийном поле «*ДЕТИ*» отмечено большое количество существительных со стилистической окраской «фамильярно», в особенности у фонетических вариантов одной и той же лексемы. Данный факт, очевидно, объясняется речевым поведением, т.е. отсутствием у говорящего должной речевой культуры, уважительного отношения к собеседнику, стремлением к неуместной (необоснованной) близости в общении и т.п.

В русском языке наблюдается высокая продуктивность существительных со стилистической окраской «ласкательно», так как в нем имеется большее количество диминутивных суффиксов, в то время как в германских языках они обладают слабой продуктивностью.

В сопоставительных языках выявлены вторичные (переносные) наименования терминов родства, образованные путем переноса названия с одного объекта на другой. Номинация *РОДИТЕЛЕЙ* и *ДЕТЕЙ* в сопоставляемых языках часто метафорически связывается с различными явлениями, предметами, имеющими отношение к человеку, в частности:

1) с **возрастом человека**, ср.: нем. *alter Herr* (букв. «старый господин») «предок», *der Junior* (букв. «младший») «сын»; англ. *old lady* (букв. «старая госпожа») «мать», *junior* (букв. «младший») «сын»; рус. *старики, старцы*.

2) с **одеждой/атрибутами одежды**, ср.: нем. *das Wickelkind* (букв. «еще в пелёнках») «карапуз», *der Knopf* (букв. «пуговица») «малыш»; рус. *пеленашка*.

3) с **едой**, ср.: нем. *die Milchtüte* (букв. «пакет для молока») «молокосос», *der Krümel* (букв. «крошка хлеба») «кроха» рус. *батон*;

4) с **органами человека**, рус. *грудничок, грудняк*.

В некоторых случаях наблюдается метафорическое использование наименований флоры и фауны, а именно:

1) **животных, птиц, микроорганизмов**, ср.: нем. *der Spatz* (букв. «воробей») «малыш»; англ. *monkey* (букв. «обезьяна») «малыш», *nestling* (букв. «птенчик») «малыш», *tiddler* (букв. «мелкая рыбёшка») «кроха»; рус. *кони, клоп*.

2) **растений/частей растений**, ср.: нем. *der Ableger* (букв. «саженец») «потомок»; англ. *sprout* (букв. «отросток») «потомок»; рус. *первоцвет, цветы*.

Интересным является тот факт, что вторичная номинация многих ЛЕ строится по принципу «целое(родители)» – «часть целого(дети)».

Существуют ЛЕ, называющие *ДЕТЕЙ* по их характерному действию (нем. *der Säugling* букв. «сосунок»; англ. *sucker* букв. «сосунок»; рус. *пукёныш, молокосос, ерзунок*), а родителей по их роли/функции, которую они обычно выполняют в семье (нем. *der Erzieher, der Ernäher, das Familienoberhaupt*; англ. *governor, procreator, sire*; рус. *кормилец, воспитатель, начальник*).

Итак, количественный анализ эмпирического материала свидетельствует о том, что в языковом сознании немцев *отец* чаще ассоциируется с кормильцем, добытчиком, главой семьи, у англичан – с производителем, в русском языке подобные ассоциации четко не просматриваются из-за низкой продуктивности ЛЕ со значением «*ОТЕЦ*».

Интересным представляется разное восприятие детьми своих родителей в сопоставляемых языках. В языковом сознании немецких детей родители выступают поставщиками денег, опорой (*die Kohlenbeschaffer, die Supporter*),

у английских детей родители шутливо ассоциируются с «мафией» (*clan, tribe*), а у русских – с начальством (*хан, начальник*).

Список литературы

1. Никитина Т. Г. Так говорит молодёжь. Словарь сленга. По материалам 70-90-х годов. М.: Из глубин, 1996. 281 с.
2. Ehemann Hermann. Endgeil. Das vollkorrekte Lexikon der Jugendsprache. München : Verlag C.H.beck., 2005. 178 S.
3. Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Stuttgart : Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung GgmbH., 1987. 989 S.
4. Longman Dictionary of American English. 1997. 321 P.
5. McCrindle Word up: a lexicon and guide to communication in the 21 st century. 2007. 543 P.

УДК 81»367.625=112.2=161.1

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЯМИ «СМОТРЕТЬ», «ВИДЕТЬ» В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Чайковская М.В.

Калиущенко В.Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@donnu.ru

Вводные замечания. Исследование посвящено рассмотрению семантических ролей глаголов зрительного восприятия (далее ГЗВ), в немецком и русском языках: нем. *sehen, anschauen* и рус. *видеть, смотреть*.

В классификации Е.В. Падучевой [2] глаголы восприятия выделены в отдельную группу, группу глаголов восприятия. Ю.Д. Апресян [1] включает ГЗВ в состав группы глаголов действия (напр. нем. *schauen* «смотреть», рус. *смотреть*), проявления (напр. нем. *blitzen* «блестеть», рус. *блестеть*), способности (напр. нем. *sehen* «видеть», рус. *видеть*). На материале английского и немецкого языка Р. Уитт выделяет два основных типа перцептивных глаголов: глаголы, ориентированные на субъект (анг. «subject-orientated verbs»), и глаголы, ориентированные на объект (анг. «object-orientated verbs») [4, с. 21-22]. Глаголы нем. *sehen, anschauen* и рус. *видеть, смотреть* содержат общую для всех единиц данной группы сему «воспринимать зрением к.-л., ч.-л.» нецеленаправленно или целенаправленно [3]. Соответственно все ГЗВ можно разделить на две группы: глаголы со значением «видеть» и глаголы со значением «смотреть».

Анализ семантических ролей глаголов со значением «смотреть». В данной группе рассматриваются глагольные лексемы *anschauen* и *смотреть*.

В ходе анализа предложений из DWDS и НКРЯ установлены следующие роли: 1) Реципиент в ситуациях целенаправленного зрительного восприятия, напр.: (1а) *Das Kind schaute ihn und die anderen Leute ratlos an und hob ein wenig die Schultern.* «Ребенок растерянно посмотрел на него и других людей и приподнял плечи».; (1б) *Klüsterer schaut auf die andere Seite des Tisches mit Entsetzen.* «Клюстерер смотрит на другую сторону стола с ужасом, она не понимает, что происходит – а счёт уже 5:5. 2) Объект целенаправленного зрительного восприятия, напр.: (2а) *Gerda schaut Eduard mit unschuldiger Begeisterung an.* «Герда смотрит на Эдуарда с невинным восхищением».; (2б) *Очень давно, с выхода самого первого номера журнала «Ландшафтный дизайн», с удовольствием читаем и смотрим фотографии чужих садов и в других ваших изданиях, подсматриваем идеи и узнаём что-то новое.* 3) Инструмент – предмет, с помощью которого осуществляется зрительное восприятие, напр.: (3а) *Ada und Nils schauen in den großen Spiegel vor dem Bett an.* «Ада и Нильс смотрят в большое зеркало перед кроватью».; (3б) *Он взял лупу и долго смотрел через неё на монету...* 4) Глаголы со значениями «смотреть» содержат в своей семантике скрытую семантическую роль – глаза. Таким образом, можно говорить о том, что данный тип глаголов обладает семантической ролью инструмент, но он выражает характеристику и может быть скорее обозначен как квазиинструмент, напр.: (4а) *Dabei schaute sie den anderen mit ihren großen, dunklen Augen an und der Betreffende fühlte, wie in ihm auf einmal Gedanken auftauchten, von denen er nie geahnt hatte, dass sie in ihm steckten* «При этом она смотрела на собеседника своими большими темными глазами, и говоривший чувствовал, что ему вдруг приходят в голову мысли, которых он раньше в себе не подозревал».; (4б) *Они смотрели на гурманов немигающими глазами и время от времени обнажали впечатляющие зубы.* 5) Характеристика процесса зрительного восприятия, т. е. выражение сопутствующего действия (как правило, ментальное состояние), напр.: (5а) *Ich schaue sie bewundernd an; sie ist ein Feldherr mit mobilen Einheiten.* «Я смотрю на нее с восхищением; она как полководец, командующий подвижными частями».; (5б) *Напротив, Басилашвили рассуждал очень разумно, а на Донцова смотрел с крайним подозрением.* 6) Место и время, с которого и в течение которого осуществляется зрительное восприятие, являются факультативными характеристиками, напр.: (6а) *In diesem Augenblick schaut mich ein Gesicht vom Boden an.* «В это мгновение на меня с пола смотрит чье-то лицо».; (6б) *В конце концов, он очутился на самом верху угловой башни, на которую недавно ещё смотрел с лужайки.*

Анализ семантических ролей глаголов со значением «видеть». Данная группа анализируется на примере глагольных лексем *sehen* и *видеть*. Для данной группы характерны следующие признаки: 1) Реципиент, напр.: (1а) *Ich sah die beiden erst im letzten Augenblick ...* «Я увидел обоих только в последнюю секунду...».; (1б) *Животное видит предмет как бы с двух сторон – слева и справа.* 2) Объект восприятия. Для группы глаголов «видеть», обозначающей акт нецеленаправленного зрительного восприятия, характерен

обычный объект восприятия, напр.: (2a) *Ich kam aus der Schule, überquerte die Kölner Strasse und sah Henriette in der Straßenbahn sitzen...* «Я возвращался из школы, перешел через Кельнерштрассе и увидел Генриэтту в трамвае...»; (2б) *Болельщик всегда видит лицо на фоне флага*. 3) Характеристика процесса зрительного восприятия, напр.: (3a) *Voller Entsetzen sah ich ... , wie ein gewaltiger Riß mitten durch die jetzt völlig vegetationsfreie Insel ging.* «Исполненный ужаса я видел ..., как по острову, на котором уже не было ни травинки, прямо посередине пошла огромная трещина»; (3б) *Предметы мы хорошо видим на разных расстояниях*. 4) Предмет, помогающий осуществить протекание процесса зрительного восприятия, или инструмент, напр.: (4a) *Sie sah im Spiegel, dass er sie im Hinüberblicken zur Schwester ohne Milde belächelte.* «Она видела в зеркале, что он потешается над ней без тени какой-либо доброты, глядя мимо нее на сестру»; (4б) *И как резко они меняются, когда начинают шить вместе с нами косоклиный сарафан, примеряют его, видят себя в зеркале такими красивыми и говорят, что хотели бы такой сарафан*. 5) Место, в котором (вблизи которого) располагается объект, напр.: (5a) *Gleichzeitig sehe ich vor dem zweiten Bürofenster, das nach dem Hof geht, wie eine geisterhafte Melone den kahlen Schädel meines Arbeitgebers vorübergleiten.* «В то же время я вижу, как мимо второго окна нашей конторы, выходящего во двор, скользит, словно призрачная дыня, лысая голова моего работодателя»; (5б) *Многие многолетние растения, которые мы привыкли видеть на клумбах, прекрасно чувствуют себя в горшках и вполне пригодны для оформления такого уголка*.

Выводы

1. Группа ГЗВ включает глаголы со значениями «смотреть» и «видеть». Базовыми лексемами для формирования групп ГЗВ являются глаголы *sehen* и *anschauen* в немецком языке и *видеть* и *смотреть* – в русском языке.

2. В материале исследования глаголов со значением «смотреть» были отмечены следующие семантические роли: 1) реципиент; 2) квазиинструмент и его характеристика; 3) объект; 4) характеристика процесса зрительного восприятия; 5) инструмент; 6) место и время.

3. У глаголов со значением «видеть» были выделены такие роли: 1) реципиент; 2) характеристика процесса зрительного восприятия; 3) инструмент; 4) место. Однако для глаголов со значением «видеть» характерен объект восприятия, который воспринимается нецеленаправленно. Также отсутствует такая семантическая роль, как квазиинструмент.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
2. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Studia philologica, 2004. 608 с.
3. Толковый словарь Ожегова // Словари и Энциклопедии. 2015. URL: <http://www.endic.ru/ozhegov/> (дата обращения: 11.09.17)
4. Whitt R.J. Evidentiality and Perception Verbs in English and German. Bern: Peter Lang, 2010. 247 p.

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ БЫТА И ДЕКОРА В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Экстрина В. А.

Калиущенко В. Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Введение. Данная работа посвящена этимологическому анализу наименований предметов быта и декора (НПБД) в немецком и русском языках.

Актуальность работы обусловлена необходимостью проведения системных межъязыковых исследований в области этимологии.

Целью настоящего исследования является этимологический анализ НПБД в немецком и русском языках.

Этимология — это раздел языкознания, в рамках которого на основании сравнительно-исторического метода восстанавливаются наиболее древняя словообразовательная структура слова и элементы его значения, которые в результате действия различных внутриязыковых, культурно-социальных, межъязыковых и территориально-временных процессов оказались нарушенными, смещенными, утраченными или контаминированными [1: 528].

Материал исследования составили 10 наиболее частотных НПБД, извлеченные из частотного словаря немецкого языка, и их русские эквиваленты: *das Messer* – нож, *der Teller* – тарелка, *der Topf* – кастрюля, *die Tasse* – чашка, *die Steckdose* – розетка, *der Backofen* – духовка, *die Lampe* – лампа, *der Kühlschrank* – холодильник, *der Deckel* – крышка, *die Schüssel* – миска.

Для решения поставленных в работе задач использовался сопоставительный метод, а также количественный анализ полученных данных.

Этимологический анализ НПБД. Для получения этимологических данных о НПБД в немецком языке использовались этимологические словари немецкого языка Ф. Клуге, Ф. Пфайфера и электронный ресурс Duden online. В русском языке использовался этимологический словарь М. Фасмера.

Выделяются такие типы происхождения и распространения НПБД [2: 265].

2.1. Общеиндоевропейский тип. К нему принадлежат немецкие лексемы *die Tasse* и *die Schüssel*. Они имеют соответствия как внутри германской группы, так и за ее пределами. В русском языке данный тип представлен лексемами *тарелка*, *духовка*, *холодильник*, *крышка* и *миска*.

2.2. Общегерманский и общеславянский тип. В немецком языке — это НПБД *der Topf*, *der Backofen*, *der Kühlschrank* и *der Deckel*. Среди русских НПБД к общеславянскому типу происхождения принадлежат слова *нож* и *чашка*.

2.3. Среди немецких НПБД можно выделить лексему, которая появилась и распространялась сначала в западноевропейских языках (немецкий, английский, нидерландский, фризский). Такой лексемой оказалось слово *das Messer*.

2.4. Во всех языках в процессе исторического развития устанавливались определенные контакты, поэтому, как результат экономических, политических, военных и культурных связей народов, и среди немецких, и среди русских НПБД существуют заимствования. Группа заимствований в немецком представлена тремя НПБД — это слова *der Teller* (из латинского), *die Steckdose* (из греческого) и *die Lampe* (из греческого). В русском языке к данному типу относятся лексемы *кастрюля* (из французского), *розетка* (из французского) и *лампа* (из латинского).

Выводы. В результате проведенного исследования было установлено, что из 20 исследуемых лексических единиц:

1) 7 принадлежат к общеиндоевропейскому типу происхождения, из них 2 в немецком языке, 5 – в русском;

2) Общегерманский тип представлен 4-мя немецкими НПБД, а общеславянский — 2-мя русскими.

3) Среди немецких НПБД была выделена 1 лексема, которая появилась и распространялась сначала в западноевропейских языках;

4) К заимствованным НПБД относятся 3 немецких лексемы, из которых 2 заимствованы из греческого языка, и 3 русских, 2 из которых заимствованы из французского;

5) Большинство русских лексем (50%) принадлежат к общеиндоевропейскому типу происхождения, немецким НПБД в основном присущ общегерманский тип (40%).

Список литературы

1. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. М : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Жирмунский, В. М. Общее и германское языкознание. М.: Книга по Требованию, 2013. 694 с.

УДК 81»25»373.46:811.111:811.161.1

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ
АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ С АНГЛИЙСКОГО
НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

Бевзюк Д. Р.

Басыров Ш. Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

ktrp@mail.ru

Объектом исследования выступает терминологическая лексика автомобилестроения.

Предметом исследования выступают проблемы перевод, возникающие при переводе терминов автомобилестроения с английского на русский язык.

Цель настоящего исследования заключается в изучении проблем перевода, связанных с достижением адекватности передачи терминологии автомобилестроения при переводе с английского на русский язык.

Материалом исследования послужили источники научной литературы, справочные и лексикографические источники. В данном исследовании рассмотрено 3 источника научной литературы.

Данная работа представляет собой исследование, посвященное изучению особенностей перевода терминологии автомобилестроения с английского на русский язык. Одной из сложностей перевода термина в текстах по автомобилестроению с английского языка на русский является многозначность термина. В большинстве случаев из-за структурных расхождений, а также из-за лексико-синтаксических трудностей текста оригинала, переводчику приходится заниматься лексико-грамматическим анализом «отдельных мест» текста-источника, определением текстуальных значений языковых единиц и поиском адекватных им соответствий в языке перевода, т.е. в этих случаях «прямой перевод» оказывается невозможным и переводчик обращается к различному роду преобразований [1]. Применительно к переводу научно-технических терминов в автомобилестроении и общетехнических словах эти положения о лексической трансформации проявляют себя несколько ограниченно [3].

При переводе текстов тематики автомобилестроения можно столкнуться с четырьмя основными проблемами:

1. Синонимия термина. Например:

«коробка передач» – *gearbox/ transmission*; «датчик» – *pickoff/ pickup/ sensor/ transducer/ detecting element/ sensing element*.

2. Многозначность термина. Например:

nut «гайка; муфта»; *pulley* «ролик; шкив»; *joint* «стык; шов; шарнир; прокладка».

3. Выбор способа перевода термина.

Наиболее распространенными способами перевода терминов являются:

а) Выявление в языке перевода эквивалента термина языка оригинала (*heater* «обогреватель»; *flywheel* «маховик»);

б) Транскрипция, транслитерация (*diesel* «дизель»; *automobile* «автомобиль»);

в) Калькирование (*direct digital control* «прямое цифровое управление»; *gearbox* «коробка передач»; *horsepower* «лошадиные силы»);

г) Описательный перевод (*overhaulperiod* «интервал между переборками двигателя»).

4. Перевод сокращений и аббревиатур. Например:

A/C – «система кондиционирования воздуха»; *EGR* – «рециркуляция выхлопных газов»; *NVH* – «шум; вибрации; неплавность движения».

Классификация терминов также различается у разных авторов. В данном исследовании заимствована классификация, представленная Лейчик В.М.[2]. Термины классифицировались на однословные (однокомпонентные) и многословные (многокомпонентные). В свою очередь, однословные делятся на:

1. простые или производные (однокорневые): *wheel* «колесо»; *fuel* «топливо»; *clutch* «сцепление»;

2. производные, образованные от однокорневых слов и аффиксов: *ventilation* – «система вентиляции» (←*ventilating* »вентилирование/ проветривание»); *heater* «обогреватель»(←*heat* «тепло»);

3. сложные, имеющие в своём составе не менее двух корней: *crankshaft* «коленчатый вал»; *gearbox* «коробка передач»; *automobile* «автомобиль».

Выводы:

1. В ходе исследования выявлено, что основными проблемами перевода терминологии в текстах по автомобилестроению с английского языка на русский являются многозначность термина и выбор способа перевода. Из вышеперечисленных способов перевода наиболее распространенным считается выявление термина эквивалента в языке оригинала.

2. Существуют термины, содержащие производные слова, образованные от однокорневых слов и аффиксов, а также сложные слова с наличием двух корней и более;

3. Перевод терминов требует от переводчика не только навыка поиска в профильных словарях и на узкопрофильных сайтах, но и понимания сути описываемых процессов, а также творческого подхода.

Список литературы

1. Позднышева И.Н. Сопоставительный анализ автомобильных терминосистем в английском, французском и русском языках: автореф.дис. ...канд. филол. наук/ МПГУ, М.: МПГУ, 2007. 23 с.

2. Лейчик В.М., Шелов С.Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод. М.,1990. 62с.
3. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. М.: Наука, 2005. 232 с.

УДК 811.112.2:81 '37

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В РОМАНЕ ПАТРИКА ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР»

Боловина А.А.

Карасенко Е.А., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

1. Вводные замечания. Данная работа посвящена проблеме перевода безэквивалентной лексики (далее – БЭЛ) с немецкого языка на русский язык в романе П. Зюскинда «Парфюмер». Проблема перевода БЭЛ по-прежнему волнует современных лингвистов [1, 2], поэтому **актуальность** данного исследования является очевидной. **Предметом** исследования являются лексемы, относящиеся к БЭЛ в романе П. Зюскинда «Парфюмер». Общее количество проанализированных лексем составляет 50 лексических единиц. **Объектом** исследования являются особенности функционирования БЭЛ и особенности ее перевода с немецкого языка на русский язык. В качестве официального перевода на русский язык послужил перевод Э. Венгеровой.

2. Изложение основного материала исследования.

2.1. По определению Л. С. Бархударова [2, 94-95] под безэквивалентной лексикой подразумеваются лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка, напр.: *der Troll, Procopé*. По классификации ученого такими являются имена собственные, географические наименования, названия организаций, газет, видов техники и др. [2, с.95-96]. В свою очередь исследовательница Л. П. Велидиская отмечает, что безэквивалентная лексика является проблемой в теории перевода. Она является лексикой, которая чужда определенному народу и не имеет аналогов, из-за различия традиций, условий жизни и быта определенного народа [1, с.140]. Безусловно, ученые выделяют следующие способы перевода БЭЛ как переводческая транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод и приближенный перевод.

2.2. В ходе данного исследования было установлено, что БЭЛ в официальном переводе Э. Венгеровой переводится 4 способами, такими как транскрипция, транслитерация, приближенный перевод и описательный перевод.

Наиболее частотным способом перевода БЭЛ является транскрипция (28 лексем), напр.: *Jean-Baptiste Grenouille* Жан-Батист Гренуй, *Sades* Сада. Вторую позицию занимает такой способ перевода как транслитерация (17 лексем), напр.: *Rue Geoffroi L'Anier* 'улица Жоффруа Л'Анье', *Pont Marie* 'мост Мари'. С помощью приближенного перевода переводятся 3 лексем, напр.: *Duziduzi* 'ютю-тю-тю', описательным переводом – 2 лексем, напр.: *Brillantduftfeuerwerk* 'гигантские фейерверки, пахнущие бриллиантами', *Schlaraffenland* 'сказочная страна с молочными реками и кисельными берегами'.

Исследование БЭЛ из романа «Парфюмер» выявило, что данные лексические единицы можно распределить на следующие лексико-семантические группы:

- имена собственные (18 лексем): *Procopé, Bonapartes*;
- названия улиц (10 лексем): *Rue de la Mortellerie, Rue Geoffroi L'Anier* ;
- наименования парфюма (6 лексем): «*Amor und Psyche*», «*Nuit Napolitaine*»;
- названия организаций (5 лексем): «*Journal de Suavans*», «*Courier de l'Europe*»;
- названия цветов (3 лексем): *Tuberosa, Joncquille*;
- названия явлений (2 лексем): *Brillantduftfeuerwerk*;
- название строения (1 лексема): *Faubourg*;
- название реки (1 лексема): *Riou*;
- название моста (1 лексема): *Pont Marie*;
- разговорно-ласкательное слово (1 лексема): *Duziduzi*;
- название сказочной страны (1 лексема): *Schlaraffenland*;
- название вымышленного города (1 лексема): *Cayenne*.

3. Выводы и перспективы исследования. Данное исследование показало, что слова, относящиеся к БЭЛ по своему значению и функциональности можно разделить на определенные лексико-семантические группы, обозначающие имена собственные, названия улиц и т.д. и они переводятся такими способами перевода как транскрипция, транслитерация, приближенный перевод и описательный перевод. Перспективным направлением в данном случае является сопоставление переводов БЭЛ в романе «Парфюмер», сделанных разными переводчиками.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : «Международ. отношения», 1975. 240 с.
2. Велидинская С. Б. Курс общей теории перевода. М. : Томский политехнический университет, 2010. 230 с.

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ С АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»)**

Варламова В.А.

Подгайская И. М., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

vika311119@mail.ru

1. В данной работе исследуются различные способы перевода метафоры с английского языка на русский. Материалом для данного исследования послужил роман американского писателя Ф.С. Фицджеральда и тексты его переводов, выполненные такими переводчиками как Е. Д. Калашникова и Н. Н. Лавров. Общее количество примеров метафоры, отобранных путем сплошной выборки, составляет 117 единиц.

2. Актуальность проблемы перевода метафоры обусловлена ее частым использованием в разнообразных художественных текстах. Переводчики могут столкнуться с определенными трудностями, возникающими при попытках передать эмоциональную окраску данного явления при помощи лексических средств языка перевода. Также трудность представляют образы, используемые в метафоре, т.к. во многих случаях в русском и английском языках они не совпадают.

Объектом настоящего исследования является метафора – перенос названия по сходству, а так же само переносное значение, в основе которого лежит сходство [3, с. 37].

Предмет исследования составляют способы перевода метафоры с английского языка на русский.

Цель работы заключается в изучении различных способов воссоздания метафорического значения в процессе перевода с английского языка на русский.

3. На сегодняшний день в переводоведении выделяются следующие способы перевода метафоры:

- перевод, в основе которого лежит один и тот же образ,
- создание дословного эквивалента,
- описательный перевод,
- перевод, в основе которого лежит другой образ,
- перевод при помощи сравнения,
- деметафоризация [1; 6].

В данном исследовании рассматриваются пять способов перевода метафоры, т.к. способ создания дословного эквивалента не характерен для данного произведения и не используется переводчиками при передаче значения метафоры с английского языка на русский.

3.1. Перевод, в основе которого лежит один и тот же образ. Данный способ перевода заключается в подборе русских соответствий, которые имеют в своей основе не отличающийся от языка оригинала образ, а также аналогичное значение:

Gleamofhope (букв. проблеск надежды) – *ответ надежды* (перевод Е.Д. Калашниковой), *проблеск надежды* (перевод Н.Н. Лавров)[5, с. 26; 3;4].

В данном примере сочетаются два способа перевода метафоры: перевод, в основе которого лежит один и тот же образ и создание дословного эквивалента. Оба переводчика предпочитают эти способы перевода, т.к. в русском языке существует метафорическое выражение, имеющее в своей основе тот же образ, что и в английском языке.

3.2. Описательный перевод. Этот способ перевода заключается в описании метафоры. Он используется тогда, когда переводчик не может передать ту или иную метафору при помощи какого-либо эквивалента на языке перевода, т.к. смысл метафорического выражения не будет ясен читателю либо если выражение на языке перевода не в полной мере передает ту эмоциональную окраску, которой обладает метафора на языке оригинала:

Turbulentemotions (букв. бурные эмоции) – *волнение, с которым она не в силах была совладать* (перевод Е. Д. Калашниковой), *эмоции, с которыми не в силах совладать* (перевод Н.Н. Лаврова) [5, с. 19;3;4].

В данном примере оба переводчика применяют прием описательного перевода.

3.3. Перевод, в основе которого лежит другой образ. Данный прием основан на замене образа языка оригинала другим образом на языке перевода:

Sankintoachair – *повалилась в кресло* (перевод Е.Д. Калашниковой), *рухнула в кресло* (перевод Н.Н. Лаврова) [5, с. 51;3;4].

Буквально данная метафора означает «утонула в кресле», но авторы предпочитают заменить образ «погружение на дно» на образ падения, в большей степени соответствующий нормам сочетаемости русского языка.

3.4. Перевод при помощи сравнения. Данный прием основывается на переводе метафоры с помощью другого стилистического приема, а именно сравнения:

Frosted wedding cake of the ceiling (букв. глазированный свадебный торт потолка) – *потолок, похожий на свадебный пирог* (перевод Е.Д. Калашниковой), *потолок, напоминавший украшенный глазурью свадебный торт* (перевод Н.Н. Лаврова) [5, с. 11;3;4].

В данном примере переводчики используют прием перевода при помощи сравнения, т.к. буквальный перевод не соответствует нормам русского языка, а способ перевода, используемый в этом случае, наиболее удачно подчеркивает сходство потолка и свадебного торта.

3.5. Деметафоризация. Этот способ перевода заключается в передаче метафоры при помощи словосочетания, не имеющего стилистической и эмоциональной окраски:

stood at the head of the marble steps (букв. стояла на верхней части мраморной лестницы) – *остановилась на верхней ступеньке мраморной*

лестницы (перевод Е.Д. Калашниковой), *стояла на верхней ступеньке мраморной лестницы* (перевод Н.Н. Лаврова) [5, с. 42;3;4].

Здесь переводчики заменяют метафору *theadofthemarblesteps* на нейтральное выражение, в котором все слова используются в прямом значении, т.к. русское слово *голова*, представляющее собой словарное соответствие слова *head*, не имеет данного переносного значения.

4. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что при переводе метафоры в художественных произведениях, в частности романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби», используются различные способы передачи переносного значения с языка оригинала на язык перевода. В работе рассмотрены пять способов перевода метафоры. В зависимости от контекста, возможности перевода и адекватности такого перевода переводчики пользуются тем или иным способом интерпретации метафоры.

Список литературы

1. Комиссаров В.Н., Коралова А.Л. Практикум по переводу с английского языка на русский: Учеб.пособие для ин-тов и фак-товиностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 127 с.
2. Рахманова Л. И., Суздальцева В. Н. Современный русский язык: Лексика. Фразеология. Морфология: Учебник для вузов / Л. И. Рахманова, В. Н. Суздальцева М.: Аспект Прогресс, 2010. 464 с.
3. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби (пер. Калашниковой Е.Д.). [Электронный ресурс] // : [сайт]. [1996]. URL: <http://online-knigi.com/kniga/8743/velikii-getsbi-perevod-kalashikovoi-ed>(дата обращения: 09.09.2017).
4. Фицджеральд Ф.С. Великий Гэтсби (пер. Лаврова Н.Н.) [Электронный ресурс] // : [сайт]. [2000]. URL: <http://readli.net/velikiy-getsby-perevod-lavrova-n-n>(дата обращения: 09.09.2017).
5. F.S. Fitzgerald. The Great Gatsby. К. 2015. P. 174
6. Newmark P.A. Textbook of Translation. Harlow.: Pearson Education Limited, 2008. P. 33-37.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Вишневская Е. А.

Басыров Ш. Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Данная работа посвящена исследованию способов перевода английских глаголов говорения (ГГ) на русский язык.

Объектом исследования являются ГГ, а предметом исследования – способы перевода ГГ.

Внимание лингвистов к глаголам, которые выражают процесс говорения, объясняется их коммуникативной значимостью. Данная лексико-семантическая группа глаголов характеризуется высокой частотой употребления, т.к. эти языковые единицы выражают важнейшую сторону деятельности человека, то есть речь, опосредующую другие виды его деятельности. Таким образом, исследования данной группы единиц сохраняют свою актуальность.

Целью работы является выявление способов перевода английских ГГ в русском языке.

Материалом исследования послужили 152 ГГ в английском языке и 282 ГГ в русском языке, отобранные путем сплошной выборки из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова [2] и из толкового словаря Longman Dictionary of Contemporary English [3].

При переводе английских ГГ на русский язык могут быть использованы разные приемы. Основными способами перевода английских глаголов говорения на русский язык являются:

1) калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов их лексическими соответствиями в языке перевода [1]. При этом создается новое слово или устойчивое сочетание в языке перевода, копирующее структуру исходной лексической единицы. Например: *agree* «соглашаться», *beg* «просить, умолять»;

2) транслитерация, при которой воссоздается графическая форма лексической единицы с помощью букв языка перевода: *announce* «анонсировать», *appeal* «апелировать»;

3) описательный перевод, при котором лексическая единица иностранного языка заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на языке перевода: *accent* «произносить выразительно,

выговаривать», *asseverate* «торжественно заявлять, клятвенно утверждать», *convey* «сообщать, передавать (ощущения)»;

4) конкретизация, которая подразумевает собой замену слова в иностранном языке с более широким предметно-логическим значением словом языка перевода с более узким значением. При переводе глаголов говорения широкой семантики, таких как *to say* и *to tell* широко применяется конкретизация, поскольку указанные глаголы могут переводиться на русский язык не только как «говорить» или «сказать», но и более конкретными «промолвить, повторить, заметить, утверждать, сообщить, просить, возразить, велеть» и т.п.

5) В некоторых случаях возможно применение комбинации двух способов перевода. Например, калькирование и грамматическая замена используются при передаче значения глаголов *mispronounce* «произносить неправильно», *misstate* «ошибочно утверждать».

Список литературы

1. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/>
3. Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <http://www.ldoceonline.com/>

УДК 81»367.626.3»255.4: 811.111»161.1

КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ: НА МАТЕРИАЛЕ КОНСТРУКЦИИ *THAT* + *N* В ПОВЕСТИ Э. ХЭМИНГУЭЯ «THE OLD MAN AND THE SEA»

Грибань Т. А.

Ягунова Л. Н., д. филол. наук., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

gtagribantatiana@gmail.com

1. Доклад посвящён исследованию конструкции *that* + *N* (*N* = имя существительное) со значением определённости в повести Э. Хэмингуэя «The Old Man and the Sea» [5] и способов её передачи при переводе на русский язык. Категория определённости относится к языковым универсалиям [3, с. 79], получая, наряду с лексическим, свое морфологическое оформление, когда речь идёт, например, об имени существительном в германских и романских языках, а из славянских – в болгарском и македонском [2, с. 70]. В английском языке вышеупомянутая категория носит грамматикализованный характер [1, с. 123].

2. Наличие класса артиклей является отличительной особенностью английской грамматической системы, так как определённый артикль в

большинстве случаев передает определённую. Однако существуют и другие способы выражения определённости, в частности, указательное местоимение *that* в сочетании с именем существительным.

Конструкция *that + N* встречается в анализируемой повести 12 раз, при этом *that* выполняет ту же функцию, что и определённый артикль *the*. В переводе на русский язык, выполненном М. Мироновой [4], исследуемая конструкция передаётся различными способами, которые и будут рассмотрены в докладе.

2.1 Чаще всего при переводе конструкции *that + N* на русский язык переводчик использует аналогичную конструкцию с указательным местоимением, однако варьируется (с учётом особенностей русского языка) как грамматический род эквивалента, так и сам набор указательных местоимений: *это, этот, такой, тот, такие*, напр.:

(1) *The successful fishermen of that day were already in...*

(1a) *Те, кому в этом день повезло, находились тут же...*

Из приведённых примеров видно, что в данном случае речь идёт о полной эквивалентности перевода соответствующей конструкции.

2.2 В единичном случае конструкция *that + N* со значением определённости в английском языке передаётся при переводе конструкцией *какой-то + N* со значением неопределённости, то есть в данном случае категория определённости не просто утрачивается, а переходит в свою оппозицию, напр.:

(2) *At that moment he felt him stop moving...*

(2a) *На какой-то миг движение прекратилось...*

2.3 В ходе анализа повести Э. Хэмингуэя также один раз отмечена в качестве эквивалента конструкции *that + N* модель $\text{Pron}_{\text{poss}} + N$, в которой под $\text{Pron}_{\text{poss}}$ понимается притяжательное местоимение *свой*.

(3) *Perhaps it was my fault in not training that hand properly.*

(3a). *Может, это я виноват, что вовремя не научил свою левую руку работать как следует.*

Пример (3a) свидетельствует о том, что притяжательные местоимения в конкретном контексте могут выражать определённую, следовательно, можно прийти к выводу, что в данном случае переводчику удалось сохранить исходное значение определённости, свойственное конструкции *that + N*, используя не указательное, а притяжательное местоимение, что демонстрирует разнообразие средств передачи категории определённости в русском языке.

2.4 Довольно часто переводчик опускает указательное местоимение, оставляя его без перевода, однако при этом определённую не утрачивается, её подразумевает контекст, ср.:

(4) *In the turtle boats I was in the cross-trees of the mast-head and even at that height ...*

(4a) *Когда мы на черепашью лодку ходили, я раз на верхушку мачты забрался...*

3. Конструкция *that + N* не является частотной в исследуемой повести, наиболее типичным средством выражения определённости остаётся и в произведении Э. Хэмингуэя определённый артикль *the*, который чаще всего конкретизирует соответствующее имя существительное. Важно отметить, что при переводе указательное местоимение *that*, выражающее определённую, может не просто опускаться, но и переходить в свою оппозицию. Тем не менее, существуют разнообразные способы передачи конструкции *that + N* при переводе, которые сохраняют значение определённости в языке перевода (русском), тем самым показывая, что между английским и русским языками существуют также и сходства.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие для ин-тов пед. специальности. Л.: Просвещение, 1979. 259 с.
2. Аракин В. Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования: учеб. пособие для студентов и преп. пед. вузов. М.: Высш. шк., 1989. 158 с.
3. Полякова С. Ю. Семантическое поле неопределённости: лингвометодический аспект // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. 2011. Вып. 4 (610): Языкознание: Язык в мире дискурсов. Лингвистика. Лингводидактика. Методика. С. 79-90.
4. Хэмингуэй Э. Старик и море / пер. с англ. М. Мироновой. М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1980. 103 с.
5. Hemingway E. The Old Man and the Sea СПб.: Изд-во «КАРО», 2010. 95 с.

УДК 81»255»373:811.161.1»111

УМЕНЬШИТЕЛЬНО – ЛАСКАТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Грядова А.С.

Кобзев Н.В., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

Перевод уменьшительно – ласкательной лексики является одной из актуальных тем. В лексике русского языка широко используются уменьшительно – ласкательные суффиксы, как в художественной, так и в разговорной речи. Данная тема не изучена глубоко, и на данный момент не существует определенной методологии, специализирующейся на переводе уменьшительно – ласкательной лексики. Представляется интересным проанализировать перевод уменьшительно – ласкательной лексики с русского на английский язык. Например, рассматривается перевод такой лексики: *a little mouse* «мышонок», *poor girl* «бедняжка», *hamlet* «деревушка», *kitty* «котенок» и т.д.

Объектом исследования является уменьшительно – ласкательная лексика, а **предметом** – способы и методы ее передачи с русского на английский язык.

Целью настоящего исследования является изучение и выявление особенностей уменьшительно – ласкательной лексики в русском и английском языках.

Для достижения следующей цели, необходимо решить такие **задачи**:

- изучить уменьшительно – ласкательную лексику русского и английского языков;
- изучить особенности перевода уменьшительно – ласкательной лексики;
- выделить группы способов перевода уменьшительно ласкательной – лексики с русского на английский язык.

Материалом исследования послужила выборка уменьшительно – ласкательной лексики 20 эквивалентов.

Характерной особенностью русского языка является наличие большого количества уменьшительно – ласкательных слов. Уменьшительно – ласкательная форма в русском языке чаще всего образуется при помощи специальных суффиксов. Суффиксальная система чрезвычайно хорошо развита в русском языке, как ни в каком другом. При помощи различных суффиксов человек может выразить различные эмоции и оценки, такие как: ласка, нежность, восхищение, умиление и т.д.

Н. С. Валыгина [1] придерживается такого мнения. Уменьшительно – ласкательные суффиксы – это суффиксы субъективной оценки. От большей части слов с конкретным значением с помощью особых суффиксов субъективной оценки образуются существительные с различными дополнительными эмоциональными оттенками значений уменьшительности, ласкательности, увеличения и т.п. Она выделяет такие суффиксы: *-оньк, -еньк, -ык, -ешк, -ышк, -ушк, -юшк, -иц, -иц.*

Земская Е.А. [3] добавляет такие суффиксы как: *-ин(а), -инк(а), -онок, -оньки.*

Уменьшительно – ласкательная лексика английского языка прежде всего связана с диминутивом. Диминутив (уменьшительная форма) – форма, ли форма слова, передающая субъективно – оценочное значение маленького размера, объема и т.д. образования с суффиксами субъективной оценки характерны для разговорной и эмоционально окрашенной речи. Уменьшительно – ласкательные формы часто используются для передачи близких отношений, особенно при общении с маленькими детьми.

Следует отметить, что диминутивность проявляется в именах собственных (англ. – *Johnnie*; русск. – *Катенька*). Это представляется вполне логичным, так как имена собственные при общении выполняют прагматическую функцию интимизации речи, добавляя оттенки ласкательности.

Линн Виссон утверждает, что иногда носители английского языка не создают уменьшительно – ласкательных форм, так как не испытывают в этом необходимости. Если для русских друзей *Мария* может быть *Машей, Машенькой, Машуткой, Марусей* или *Мусей*, то для большинства

американцев она будет *Mary*. В английском языке у этого имени нет устоявшихся уменьшительных форм, они отсутствуют у большинства имен собственных, а попытки их придумать нечасто удаются удачно [2].

Добавление второго слова. Довольно часто одно русское слово *обаяшка* передается на английский с помощью второй морфемы *charming girl*, *бедняжка – poor girl*.

Заимствованные суффиксы в именах собственных и нарицательных (среднеанглийские суффиксы *sock*, *kin*, а позднее *ie*, *y*), например: *Hamel*, *Hamelin*, *Hamelet*.

Описательный перевод основан на том, что в любом языке существуют слова, обозначающие по своему лексическому значению эмоциональное отношение говорящего к предмету или человеку. Сюда относятся такие слова как *darling*, *dear* и др.

Транскрипция и транслитерация передают особый слой соответствий, которые представляют собой уменьшительные имена *Юлечка – Yulechka*.

В английском языке есть свои уменьшительно – ласкательные суффиксы *-ie*, *-ling*, *-let*, *-kin*, *-ich*, *-et*, *-roo*. Проблема состоит лишь в том, что они используются с ограниченным количеством слов и не являются продуктивными.

Собачка – doggie, *котёнок – kitty*, *лошадка – horsie*, но использование таких слов требует особой осторожности, большинство таких существительных употребляется детьми, а взрослыми – в отношении к любимым домашним животным. Такие слова, как *книжица – booklet*, *капелька – droplet*, *поросёнок – piglet* можно так же отнести к этой категории.

Использование маркированных слов. Например: *Русалочка – A little Mermaid*, *Мышонок – A little Mouse* и т.д.

Для имен собственных добавления ласкательности можно добиться сокращением по первому слогу. Например: *Peter – Pete*, *Anthony – Tony*, *Ant*.

Добавление димунитивного суффикса *-ie* или *-y* несет окраску уменьшительности и ласкательности. Обычно применяется в отношении маленьких детей, в семье, среди друзей или близких знакомых *Anne – Annie*, *Alixander*, *Alexandra – Sandy* и др.

20 эквивалентов уменьшительно – ласкательной лексики показали наглядный пример того, что перевод данной лексики является затруднительным. Так как присутствует разница эмоциональности двух сравниваемых языков.

Особенность перевода уменьшительно – ласкательной лексики с русского на английский язык – это передача смыслового и эмоционального значения.

Список литературы

1. Вальгина Н.С., Розендаль Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык. Логос, 2002. 528 с.
2. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух времен. М.: ТЕЗАРИУС, 2005. 193 с.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Флинта, 2009. 328 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода. М.: Высш.шк., 1990. 250 с.

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛИЙСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Лицоева А.П.

Удинская А. Г., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

aliczoeva@mail.ru

1. Язык, находясь в постоянном движении, непрерывно развивается, совершенствуется, имея свое настоящее, прошлое и будущее. Обогащение словаря – это один из важнейших факторов развития языка, свидетельство его динамичного характера. С развитием общества появляются новые предметы, явления, реалии, которые отражаются в новых словах и новых значениях, в виду чего лексика языка находится в состоянии непрерывного изменения, что обуславливает *актуальность* данного исследования.

Новые слова возникают на базе уже существующих в языке слов и морфем. Принимая во внимание структуру новой лексической единицы, переводчик значительно облегчает для себя процесс перевода с английского языка на русский, следовательно, их структурный анализ может оказать существенную помощь в понимании значения неологизма и определении подходящего способа его перевода [2].

Материал исследования составляет 229 неологизмов в английском языке и их переводы на русский язык. Источником языкового материала послужили on-line версии англоязычных газет *The New York Times, The Globe and Mail, The Associated Press, The Sunday Times* и др.

2. Анализ структурных особенностей неологизмов в исследуемом материале позволяет выделить пять способов образования неологизмов: 1) словосложение (113 ед., 49,3%), 2) сокращение (89 ед., 38,7%), 3) аффиксация (13 ед., 5,8%), 4) обратная деривация (реверсия) (9 ед., 3,9%), 5) конверсия (5 ед., 2,3%).

2.1.Словосложение является наиболее древним, универсальным и распространенным способом словообразования [1]. В настоящее время данный способ образования не теряет своей активности и составляет 49,3% от общего количества неологизмов в исследуемом материале. Анализ этого способа словообразования с точки зрения способов перевода показывает, что исследуемые неологизмы могут быть переведены при помощи калькирования, напр.: *hyperdating* «энергичное свидание» (56 ед., 55,4%); описательного перевода, например: *memorybook* «книга, содержащая воспоминания, письма, фотографии, часто преподносящаяся в качестве подарка любимому человеку» (43 ед., 39,8%) и приема прямого включения, напр.: *VIP-guest* «VIP-гость» (14 ед., 4,8%).

2.2. В средствах массовой информации довольно часто встречаются слова-сокращения. Они привлекают внимание читателя своей свежестью и неожиданностью формы. Слова-сокращения играют важную роль в современном газетно-публицистическом стиле, поскольку он стремится к четкому и оперативному изложению информации [3]. Для данных неологизмов в разной степени характерны стандартные приемы перевода: описательный перевод, напр.: *camouflanguage* (*camouflage + language*) «язык, в котором используют жаргон и эвфемизмы для того, чтоб скрыть истинный смысл сказанного» (58 ед., 65,8%), калькирование: *marketecture* (*market + architecture*) «архитектурный рынок» (29 ед., 31,5%), транслитерация/транскрипция: *actorvist* (*actor + activist*) «актервист». (2 ед., 2,7%).

2.3. Аффиксальные новообразования создаются, как правило, в русле английских словообразовательных традиций, их морфологическая структура и характер мотивации укладываются в сложившееся у носителей английского языка представление об обычном, стандартном слове. По результатам проведенного исследования аффиксальные единицы составляют 5,8% от всех рассмотренных неологизмов и в значительной степени уступают сложным словам в количественном соотношении; они могут быть переведены при помощи калькирования, напр.: *rescandal* «повторный скандал» (7 ед., 53,8%) и описательного перевода: *dysrationalia* «склонность к нерациональным поступкам» (6 ед., 46,2%).

2.4. Процесс образования глаголов путем усечения суффикса от коррелятивных имен существительных называется обратной деривацией или реверсией [1]. Проведенный анализ свидетельствует о том, что для данной модели словообразования практически в равной степени свойственны описательный перевод, напр.: *to wife* «оставить карьеру ради исполнения долга жены и матери» (5 ед., 55,6%) и калькирование: *to racebend* «нанимать актеров» (4 ед., 44,4%).

2.5. Неологизмы, образованные путем конверсии, представлены в исследуемом материале наименьшим количеством единиц. Для новообразований этой группы характерными способами перевода являются калькирование, напр.: *auto-buy* «автопокупка» (3 ед., 60%) и описательный перевод: *rejuvenile* «взрослый человек, который “молодеет” в кругу детей, вникая в их виды деятельности и проблемы» (2 ед., 40%).

3. На основе проведенного исследования можно сделать следующие обобщения.

3.1. Наиболее продуктивными способами словообразования английских неологизмов являются словосложение, сокращение и заимствование, в то время как аффикация, обратная деривация (реверсия) и конверсия представлены значительно меньшим количеством единиц.

3.2. Неологизмы английского языка демонстрируют корреляцию между способами образования новых лексических единиц и способами их перевода. Так, калькирование наиболее характерно для неологизмов, образованных путем словосложения, аффикации и конверсии, а

описательный перевод чаще применяется для передачи английских слов-сокращений и обратной деривации. Транскрипция, транслитерация и прием прямого включения редко используются при переводе англоязычных неологизмов, так как их частое использование приводит к смысловой нагрузке и влечет за собой переизбыток иностранных слов в тексте перевода.

Список литературы

1. Гаджиева О.В., Магомедова Г.А. Особенности образования сложных неологизмов в современном английском языке. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/5172> (дата обращения: 10.09.2017).
2. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960. 176 с.
3. Макарова М.Е. Лексико-грамматические проблемы перевода с английского языка на русский язык на примере газетного лексикона // Вестн. Самар. гос. экон. акад. 2003. № 2. С. 348-355.
4. McFedries P. The Word Lover's Guide to New Words. URL: <http://www.wordspy.com> (дата обращения: 08.09.2017).

УДК 651.926:81»25

ПЕРЕВОД СЛОВ-РЕАЛИЙ

Пансенко К.В., Зуйкова О.В., Омельченко Е.М.

Донецкий национальный медицинский университет им. М.Горького, г. Донецк

Перевод художественного текста является достаточно сложной задачей. Выполняя перевод, мы не только трансформируем слова одного языка в другой, но и проводим связь между двумя культурами, совершаем обмен мыслями, эмоциями, идеями. Переводчику следует обратить внимание на культурно-социальные особенности текста, или как это называет А.Д. Райхштейн на «национально-культурный аспект текста», и как можно точнее передать их в переводе. Этот аспект предусматривает отображение национально-специфических элементов текста оригинала, одним из которых и есть реалия национальной культуры.

Исследованию реалий посвящены многие работы специалистов переводоведения, таких как А.В. Федоров, В.С. Виноградов, С. Влахов и С. Флорин, в своих работах они глубоко и точно исследуют реалии. Также изучению реалий посвящены работы Р.П. Зоривчак, Л.Н. Соболева, В.Россельса, и др.

Первым слово «реалия» употребил А.В. Федоров в своей работе «О художественном переводе». Существует несколько определений понятия «реалия». С. Влахов и С. Флорин в своей работе «Непереводимое в

переводе» дают следующее определение: «реалии – это слова (и словосочетания), которые называют объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и непонятные для другого; они становятся носителями национального и/или исторического колорита, такие слова, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а значит не поддаются переводу «по общим правилам», и поэтому требуют особого подхода» [1, с. 47]. Л. Н. Соболев считает, что «реалии – это бытовые и специфические слова и обороты, которые не имеют эквивалентов в быту, а, следовательно, и в языках других народов» [4, с. 290]. В. Россельс считает, что «реалия – это предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, быта и жизни того или иного народа, страны, которое не встречается у других народов» [3, с. 169]. Р.П. Зоривчак дает определение реалий как «моно-и полилексемные единицы, основное лексическое значение которых вмещает (в плане бинарного сопоставления) традиционно закрепленный за ними комплекс этнокультурной информации, чужой для объективной действительности языка-реципиента» [2, с. 69]. Так, все они сходятся во мнении, что слова-реалии, как объект исследования в переводоведении, требуют особого подхода и детального изучения.

Проанализировав существующие определения реалии, можно выделить два основных подхода понимания этого явления – лингвистический и экстралингвистический. Приверженцы первого основным критерием выделения реалий считают выраженный ею национально-культурный колорит, соотношение с объективной реальностью, которая отражена в сознании того или иного лингвокультурного сообщества, и, как следствие, отсутствие соответствий в других языках. Поклонники экстралингвистического подхода рассматривают реалии исключительно как внеязыковое явление, факты, которые отражают общественно-культурные аспекты жизни, государственное устройство страны, историю народа.

Многие исследователи пытались разработать классификацию реалий. Самая известная – классификация С.Влахова и С.Флорина, которые выделяли слова-реалии по нескольким определениям:

- I. Предметное разделение
 - Географические реалии
 - Этнографические реалии
 - Общественно-политические реалии
- II. Разделение по местности
 - В масштабе одного языка
 - В масштабе двух языков
- III. Разделение по времени
 - Современные
 - Исторические

Перевод реалий становится сложной задачей по двум причинам: во-первых – отсутствие какого-либо аналога или эквивалента в языке перевода, а во-вторых – необходимость передать не только лексическое значение слова, но и его коннотацию, колорит, национально-культурный и исторический оттенки.

Большинство специалистов выделяют те самые способы передачи реалий в переводе. По С. Влахову и С.Флорину это:

- I. Транскрипция (транслитерация)
- II. Перевод реалий (или замена, субституция):

1. Введение неологизма
2. Приблизительный перевод
3. Контекстуальный перевод

При переводе реалий переводчику следует руководствоваться не только теоретическими положениями и правилами перевода, но и, и достаточно часто, опираться на собственный опыт, чутье и контекстуальные особенности текста. Способ перевода реалий зависит от многих факторов, таких как характер текста, контекст, характер самой реалии, ее роль и мера освещения в тексте. Еще одним важным фактором при выборе способа передачи реалий является целевая аудитория, важно чтобы впечатления от текста, который вмещает в себя перевод реалий, было точно таким же, как и у носителей языка текста оригинала.

Список литературы

1. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С. П. Флорин. – М.: Р. Валент, 2009
2. Зорівчак Р.П. Реалія і переклад (на матеріалі англомовних перекладів укр. прози) / Р.П. Зорівчак. – Львів : Видавництво при Львів. Держуніверситеті, 1989. – 216 с.
3. Россельс В. Перевод и национальное своеобразие подлинника / В. Россельс // Вопросы художественного перевода. – М.: Советский писатель, 1955.
4. Соболев Л.Н. О переводе образа образом / Л.Н. Соболев // Вопросы художественного перевода. – М.: Советский писатель, 1955.
5. Федоров А.В. Введение в теорию перевода / А.В. Федоров. – М.: Изд-во на иностр. Яз., 1958.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ДОГОВОРОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Парахина О. Л.

Калиущенко В. Д., д.филол.н. профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

1. Данная работа посвящена изучению лексических особенностей переводов текстов договоров с английского языка на русский.

Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли юридического перевода, а также необходимостью более глубокого изучения правовой лингвистики.

Объектом исследования являются тексты договоров на английском и русском языках.

Предметом исследования выступают лексические особенности текстов договоров.

Цель работы заключается в выявлении лексических особенностей перевода текстов договоров на английском и русском языках в сопоставительном аспекте.

Материалом исследования послужили образцы текстов договоров на английском языке, взятые из интернет-ресурсов [4; 6].

В рамках данной тематики изучаются специальная лексика [2], безэквивалентная лексика [2], особенности официально-делового стиля [1; 5].

Юридический перевод, т.е. перевод текстов, относящихся к области права и используемых для обмена юридической информацией между людьми, говорящими на разных языках, является особой отраслью перевода. Анализируя юридический перевод, исследователи отмечают особую важность соблюдения точности словоупотребления, единства формы и содержания, однозначности толкования, типизированности и «штампованности» средств выражения, что характерно для официально-делового стиля [1].

2. Договор, как один из видов частноправовых документов, может разделяться по своей функции, сложности, содержанию. Несмотря на это, все виды договоров имеют одинаковую структуру и правила оформления. В ходе исследования было установлено, что общими для всех видов договоров являются следующие разделы: *heading* – «название»; *date of the agreement* – «дата заключения договора»; *exordium* – «вводная часть», то есть имена и адреса сторон; *operative provisions* – «основная часть»; *testimonium* – «заключительная часть»; *signature, date and execution* – «подпись, дата, выполнение» [5, с.6]. Проведённый анализ текстов договоров о купле-продаже позволил выявить, что основная часть включает в себя следующие

пункты: *subject matter* – «предмет договора»; *price and payment procedures* – «стоимость услуг и порядок расчётов»; *rights, obligations and liabilities of the parties* – «права, обязанности и ответственность сторон»; *breach and remedies* – «нарушение договора и средства судебной защиты при нарушении»; *force majeure* – «обстоятельства непреодолимой силы»; *warranty and exclusion* – «гарантии и исключение»; *other terms and conditions* – «другие условия договора»; *bank details of the parties* – «реквизиты сторон» [6]. Специфика перевода договора заключается в том, что в процессе работы переводчик может столкнуться с трудностями, связанными с недостатком знаний в области юриспруденции.

3. Лексические переводческие преобразования направлены на максимально точную передачу смысла, структуры и стиля исходного текста. Необходимость в лексических трансформациях прежде всего возникает в следствие того, что язык права наполнен особой терминологической лексикой. Юридические термины разделяются на отраслевые: *beneficiary* – «бенефициар», *emphyteusis* – «эмфитевзис»; межотраслевые: *sanction* – «санкция», *sanity* – «вменяемость»; и общеправовые: *law* – «закон», *agreement* – «договор», *legal relation* – «правоотношения». Передача английских терминов на русский язык возможна путём аппроксимации (*agreement, contract* – «договор»), транскрибирования и транслитерации (*superficies* – «суперфиций», *servitude* – «сервитут», *dealer* – «дилер») [5, с.113]. Замена специальных терминов описательными выражениями является нежелательной, поскольку это может привести к неточности и размытости формулировок. Помимо терминологической лексики для текстов договоров характерно использование общеупотребительной и специальной лексики, при этом специальная лексика оформляет фон документа, разговорная и эмоционально окрашенная лексика для таких текстов неприемлема.

4. Для упрощения изложенного материала, а также для лучшего восприятия полученной информации реципиентом в договорах часто используются аббревиатуры (*COD (Collect on delivery)* – «наложенный платёж», *FOB (free on board)* – «франко борт, буквально – бесплатно на борт судна» (в договорах на поставку), *M&A (mergers and acquisitions)* – «сделка по слиянию и поглощению»). Определённый набор аббревиатур предназначен для обозначения названий организаций и должностей. Например, *CCP (court of common pleas)* – «суд общей юрисдикции», *CJ (Chief Judge)* – «главный судья», *DJ (District Judge)* – «федеральный окружной судья» [3, с.128].

5. При переводе договоров традиционно принято пользоваться стандартными языковыми шаблонами и клишированными фразами, так как существует ряд слов и выражений, фактически присутствующий в каждом договоре. Например, обращения (*Ms, Mr, Dr, etc.*), местоимённые наречия (*whereby* – «в силу чего», *hereof* – «из этого», *therein* – «в вышеуказанном»), обороты официально-канцелярского стиля (*terms and conditions* – «условия», *under and pursuant to this agreement* – «в рамках и на основании данного

договора», *on behalf of* – «от имени»), временные рамки (*as of the date* – «начиная с даты», *on or after* – «начиная с», *not less than* – «не менее, чем») дуплеты и триплеты синонимов (*terms and conditions* – «условия»; *nominate, constitute and appoint* – «именовать, назначать и уполномочивать») [4]. В современном русском языке устоявшихся языковых шаблонов меньше, чем в английском, поэтому для сохранений лексических конструкций подлинника используется дословный перевод языковых клише.

6. Материал исследования позволил сделать следующие выводы:

1) Юридический перевод представляет собой один из видов специального перевода и является одним из актуальных аспектов взаимодействия языка и права.

2) Понятие договора рассматривается исследователями в широком смысле. Структура текстов договоров идентична, их специфика определяется связью с юриспруденцией.

3) Применение переводческих трансформаций возникает в следствие необходимости адекватной передачи информации, содержащейся в оригинале текста. Методы аппроксимации, транскрибирования и транслитерации являются основными способами передачи юридических терминов на русский язык.

4) Тексты договоров насыщены сокращениями и аббревиатурами, которые расширяются и переводятся согласно общим правилам.

5) Несмотря на то, что в текстах юридической направленности обычные слова могут употребляться в необычном значении, лексика договора в целом довольно устойчива и характеризуется применением устоявшихся фраз и выражений, для передачи которых используется дословный перевод.

Список литературы

1. Алонцева Н. В. Текстовые и языковые нормы официально-деловых документов // Вестник Российского университета дружбы народов. 2012. № 1. С. 33–37.
2. Барабаш О. В. Юридический текст: проблема интерпретации перевода // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (27). С. 152–161
3. Black H. C. Black's Law Dictionary. St. Paul: «Thomson/West», 2004. 1810 p.
4. Lectric Law Library [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lectlaw.com>_(дата обращения: 12.09.2017).
5. Popov E. B. English courses for Law students: curriculum development for the supplemental training course «Translator in the professional communication» // Оренбург: ОИМГЮА, 2009. 105 p.
6. Sample Business contracts [Электронный ресурс]. URL: <http://contracts.onecle.com>_(дата обращения: 12.09.2017).

НАИМЕНОВАНИЯ СУДОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Рекунова Е.Н.

Карасенко Е.А. к. филол. наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

donnu.fia@mail.ru

Вводные замечания. Данная работа представляет собой исследование морской терминологии, в частности определение особенностей перевода английских лексем, обозначающих суда, на русский язык и их толкования. *Объектом* исследования являются английские слова, номинирующие суда торгового флота и их русские эквиваленты. *Предметом* исследования являются структурные и семантические особенности английских лексем, а также особенности их перевода на русский язык. В данной работе были подробно рассмотрены 50 английских наименований судов торгового флота (далее – НСТФ), выбранных из словаря морских терминов К.М. Станюкевича [4], проанализированы их структурные и семантические характеристики, а также особенности перевода на русский язык.

1. В современной лингвистике наблюдается повышенный интерес к изучению того или иного терминологического аппарата на материале разных языков. Так, проблемой перевода терминов занимались такие ученые как Е.С. Кубрякова, В.В. Белый, С.В. Гринев, О.М. Акхомова, О.Г. Козловская, И.В. Арнольд. Морские термины также представляют определенный интерес для лингвистов [1], поскольку морская деятельность имеет историческую значимость в экономической и стратегической деятельности любого государства. Поэтому данное исследование является *актуальным* на сегодняшний день.

1.1. Рассматривая структурные особенности английских НСТФ, можно отметить, что формально они являются простыми словами, производными, а также композитами со структурой сложного слова и словосочетания. Наиболее частотными являются НСТФ со структурой словосочетания (60 %), напр.: *whale factory* «китобойная база», *survey vessel* «спасательное судно», *mooring boat* «швартовый катер», *passenger vessel* «пассажирское судно». Многочисленность НСТФ со структурой словосочетания можно объяснить скорее тем, что данные термины уже несут в себе широкую характеристику судна, дополнительно указывая на его функциональность. Вторую позицию занимают производные слова (22 %), напр.: *bulker* «балкер», *whaler* «китобойное судно», *trawler* «траулер». Третью позицию занимают простые НСТФ (16 %), напр.: *barge* «баржа», *cargo* «сухогруз», *cable* «кабелеукладчик», *ferry* «паром», *tug* «тягач».

Четвертую позицию занимают НСТФ со структурой сложного слова (2 %), напр.: *icebreaker* «ледокол».

Данные термины имеют различные структурные модели, а именно: существительное+существительное (*cattle carrier* «скотовоз», *containership* «контейнеровоз», *gas carrier* «газовоз», *passenger vessel* «пассажирское судно»), прилагательное+существительное (*fire-fighting vessel* «пожарное судно», *fishing boat* «рыболовное судно», *floating crane* «плавкран», *mooring boat* «швартовый катер», *chemical tanker* «химовоз»).

2.2 Семантический анализ НСТФ выявил, что в русском языке изначально следует разграничивать термины «*корабль*» и «*судно*». Слово «*корабль*» применяется только в военном флоте, в то время как «*судно*» – термин с широкой семантикой, используемый как в военном, так и в торговом флоте [2]. Такая особенность русских лексем отличается от употребления английских лексем «*ship*» и «*vessel*», между которыми нет семантической разницы. Оба слова широко используются в морской терминологии как военного, так и торгового флота.

3. Анализ особенностей перевода НСТФ показывает, что наиболее проблематичным для перевода являются НСТФ со структурой словосочетания. Их можно переводить несколькими способами: описательным переводом (*whale vessel* «судно для промысла кита»), одним словом композитом (*container ships* «контейнеровоз»), дословным переводом (*diving support vessel* «водолазное спасательное судно»).

Как видно из примеров, при переводе НСТФ со структурой словосочетания вначале раскрывается значение основного компонента (последнего), а затем переводится его первый компонент, который имеет описательную функцию.

Перевод простых НСТФ и дериватов состоит в поиске их эквивалентов в языке перевода, а НСТФ со структурой сложного слова зачастую переводится с помощью калькирования.

Таким образом, данная проблема является актуальной и перспективной на сегодняшний день. Морская терминология требует особого внимания со стороны переводчиков, т. к. термины не переводятся одним способом, поэтому выявление их семантических и структурных особенностей позволяет раскрыть их значение и применение более глубоко.

Список литературы

1. Козловская О.Г. Когнитивные и структурно-семантические особенности морской терминологии (на материале английского и русского языков). М.: 2005. 471 с.
2. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь . М.: 2003. 320 с.
3. Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка Владивосток Издательство Дальневосточного университета 2004. 250 с.
4. Станюкевич К.М. Словарь морских терминов. Наука, 1988. 237 с.

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО ЯВЛЕНИЯ “UNDERSTATEMENT” В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИЧНОСТИ

Роговая Ю.С.

Кишко С.Н. к.филол.наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Проблема анализа различных речевых средств, использование которых направлено на достижение эффективной межкультурной коммуникации, привлекает внимание как зарубежных, так и отечественных ученых, и по настоящее время является актуальной. Цель данной статьи - анализ средств выражения феномена understatement, который является характерным для коммуникативного поведения англоязычной личности.

Термин understatement на русский язык часто переводится как «языковая сдержанность», «недоговоренность», «сдержанное высказывание», «недооценка», «преуменьшение», «смягчение», «недосказание», «умолчание». (Ball, 2002), (Ивушкина, 2005), (Ларина 2005: 150-160), (Власова, 2005), (Кишко, 2011) (Иванова, 2015).

К изучению явления Understatement лингвисты применяли различные подходы: лингвистическое направление (Ball, 2002), (Иванова, 2015); социолингвистическое направление исследования (Болдырев, 2000), (Ивушкина, 2005), (Гюббенет, 1971); лингвокультурологическое направление (Ball, 2002:203-208), (Ларина 2005: 150-160); лингвопрагматическое (Кишко, 2011).

Understatement рассматривается нами как недоговоренность / недосказанность, которая выражает отношение/ оценку предмета недостаточно однозначно, конкретно или полно, что производит эффект несоответствия между пропозициональным содержанием и реальным положением вещей в действительности (Кишко, 2011).

Данный феномен может быть выражен целым спектром лексических, лексико-грамматических и синтаксических средств. К лексическим средствам выражения недоговоренности / недосказанности (understatement) относятся квалификаторы, модальные глаголы и модальные слова со значением предположительности, глаголы выражающие «кажущность», эвфемизмы. Исходя из количественного анализа, лексические средства выражения недосказанности / недоговоренности (understatement) являются самой многочисленной группой. На лексическом уровне недосказанность / недоговоренность (understatement) может реализовываться посредством подмены лексической единицы или выражением количественной недооценки, благодаря чему говорящий приуменьшает важность каких-либо событий и явлений и снижает категоричность своих высказываний, например:

“*It isn't very serious*” (Webb, 2011:33) – пациент находится в коме уже третий день, но чтобы не расстраивать родных врач смягчает диагноз.

“*I do a bit of sport*” (Ishiguro, 2006:65), – “A bit of” – главный герой занимался спортом, чтобы не сойти с ума от безделья и очень преуспел в этом. Когда нужно было оказать сопротивление, он скромно заявил, что немного занимается спортом.

“*Well, you had a little fun while I was gone.*” (Burgess, 2003:156), – ситуация в семье вышла из-под контроля, пока отец был на задании и теперь он скрывает свои чувства негодования и возмущения.

“*I am just going outside and may be some time.*” (Hornby, 2005:91), – главный герой скрывает свое горе, которое убивает его изнутри.

В группу лексико-грамматических средств выражения недосказанности / недоговоренности (understatement) относятся структуры сослагательного наклонения со значением гипотетической модальности.

–*Shewasbeautiful? –Well, not reallywhat you'd call beautiful* (Christie, 1989, p.316). В данном примере говорящий использует структуру с глаголом в сослагательном наклонении, которая имплицитно указывает, что девушка была некрасивой.

К синтаксическим средствам репрезентации недоговоренности / недосказанности (understatement) относятся структуры литоты и мейозиса, речевые стереотипы выражения сожаления/извинения, речевые стереотипы модуса полагания, и перифрастическо-эвфемистические структуры.

My dear Colonel Melchett. You know what young women are nowadays. Not ashamed to show exactly how the creator made them (Christie, 1977, p. 231). В данном примере говорящий использует перифрастическую номинацию (*showing exactly how the creator made them*), которая имплицитно указывает «ходить голый». Подобная недоговоренность помогает адресату косвенно выразить свое неодобрение манер, присущих «современным молодым женщинам».

“*She entered and daddy said: “I beg your pardon. I am afraid, I'm not a very good host”*” (Garland, 2007 : 54). В данном случае эффект преуменьшения достигается с помощью структуры литоты и мейозиса *not a very good host* (actually meaning bad), речевого стереотипа выражения сожаления/извинения *I'm afraid*, смягчающего высказывание.

Все приведенные выше примеры демонстрируют стремление героев сдерживать свои негативные эмоции даже в критических ситуациях, смягчать критику, сглаживать возникшие острые углы, что и достигается с помощью различных языковых средств.

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что understatement является одной из ключевых лингвокультурных особенностей языковой британской картины мира, имеющее языковое выражение и отмеченное этнокультурной спецификой.

Перспективой дальнейшего исследования недоговоренности является более детальный анализ прагматических функций этого речевого явления.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н., Когнитивная семантика : Курс лекций по английской филологии./Н.Н. Болдырев – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. – 123с.
2. Власова, Е.В. Социолингвистический аспект изучения недооценки и переоценки в речи современного англичанина: на материале художественных произведений начала XXI века. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Власова, Екатерина Викторовна. – Волгоград, 2005. – 169 с
3. Гюббенет, И.В. Проблема словесной реакции на ситуацию (на материале прилагательных) [Текст] / И.В. Гюббенет // Современные проблемы английской филологии. Сборник научных трудов. – № 570. – Ташкент, 1978. – С. 179-190
4. Гюббенет И.В., Слово, значение и реакция на ситуацию [Текст]/ И.В. Гюббенет // Проблемы неидеологической фразеологии. – М.:Изд-во МГУ, 1971. – с. 179-185
5. Иванова В.Г. «Лингвокультурологические особенности понятия “understatement” в современном английском языке: дис...канд.филол.наук/ 10.02.04 – М., 2015. -246с.
6. Ивушкина Т.А. Лингвокультурный типаж «английский аристократ»/Т.А. Ивушкина//Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр.; под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса – М.: Гнозис, 2002. – 333с.
8. Кишко С.М. Комуникативний феномен модерації в сучасному англomовному художньому дискурсі: дис. ...канд.філол.наук: 10.02.04. / Кишко С.М. – Донецьк, 2011. – 204с.
9. Ларина Т. В. Английский стиль фатической коммуникации // Жанры речи. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4. С. 251–262.
10. Ларина Т. В. Фатические эмотивы и их роль в коммуникации // Эмоции в языке и речи: Сб. ст. / Под ред. И. А. Шаронова. М., 2005. С. 150–160
11. Ball W.J. “Understatement and Overstatement in English” // English Language Teaching, 2002. V.XXIV. №3. P.203–208

УДК 811.111

ВНУТРИОТРАСЛЕВАЯ АНТОНИМИЯ АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Рочняк Е. В.

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка
lero1981@yandex.ru

Антонимия – одна из языковых универсалий и, одновременно, проявлений системности специальной лексики. Исследования физиологов, психологов и психолингвистов подтверждают, что антонимические оппозиции являются наиболее первыми и естественными ассоциациями, соответственно, характерны для любого здорового человеческого мышления.

Вопрос о терминологических антонимах, в отличие от антонимов общелитературной речи, является более сложным, хотя и не настолько, как вопросы терминологической синонимии и полисемии.

Согласно одному из подходов, представителями которого являются В.П. Даниленко, А.С. Герд, Л.А. Капанадзе, Л.Ю. Максимов, С.М. Бурдин, Е.Д. Коновалова, термины, как особые единицы языка с иной семиотической природой чем другие языковые знаки, априори не могут иметь способности к антонимическим связям. С их точки зрения такие термины как, например, органическая – неорганическая химия, представляют собой отграничительное терминологическое противопоставления, а не контрадикторную противоположность, так как прилагательные здесь выступают не в качественном смысле, а в качестве простого дихотомического деления.

Кроме того, в отличие от синонимов, которые могут быть у слов самых разных семантических типов, антонимы могут иметься лишь у некоторых классов слов. Так, не только не существуют, но и теоретически невозможны антонимы для таких слов как *насыпь, дефектоскоп, карбюратор, дрезина*.

Однако большинство учёных (В.В. Виноградов, В.Н. Комиссаров, В.А. Новиков, М.А. Исаев, И.В. Соколова, Л.Л. Кутина, М.Д. Лесник, О.Д. Митрофанова), исходя из философских, логических и психологических основ этого языкового явления, приходят к мысли об естественности антонимических связей внутри терминологического аппарата. Язык науки, который фиксирует мыслительную деятельность человека в процессе познания, не может не обладать средствами, характерными для общелитературного языка. Как общелитературный язык в целом, так и его подсистема – терминология, базируется на единой основе – характере человеческого мышления. Соответственно, антонимия находит своё отображение в подсистеме языка науки также, как и в системе языка в целом, фиксируя наличие противоположных понятий и представлений.

Однако, в отличие от общелитературного языка, термины-антонимы в подавляющем большинстве случаев не служат для усиления эмоциональность речи. Как отмечает В.М. Лейчик, дело здесь «в важности более точного выражения противоположности, таких её видов, как объект и его отрицание, наличие и отсутствие некоторого признака у предмета [2, с. 109]».

Кроме того, по мысли С. В. Гринёва, «предрасположенность терминологии к выражению антонимических отношений согласуется с некоторыми свойственными ей особенностями языкового плана. В силу требований, предъявляемых к единицам терминосистемы, они должны обладать неизменным и ясно осознаваемым вне контекста значением, что является также благоприятным условием для проявления антонимии в терминологии [1, с. 126]».

Антонимия как и синонимия тесно связана с полисемией, это значит, что с разным значениям полисеманта можно составить разные антонимические пары. Например: *легкий вагон* (не гружёный) – *тяжелый* (с грузом), *легкая дистанция* (прямая) – *сложная, трудная* (много поворотов и наклонов).

Может быть и так, что в прямом значении слово не имеет антонимов, а в переносных приобретает эту способность. Например, в прямом значении слово *зеленый* (цвет) не вступает в антонимические отношения, а переносное значение антоним имеет: *зеленый* (свет семафора) «проезд открыт» – *красный* «проезд зарыт».

Также, как и в общелитературном языке, терминологическая антонимия наиболее часто проявляется через имена прилагательные: *absolute block system / non-absolute block system, direct current / alternating current, single wire system / multiple wire system*.

Антонимами всегда признаются пары, указывающие на начало и прекращение какого-то действия или состояния: *close / release, accelerate / brake, connect / disconnect, attach / detach*.

Аналогичные значения противоположности и контраста могут выражать имена существительные. При этом в английском языке существительные, состоящие в оппозиционной связи, достаточно часто не являются однокорневыми: *formation / dissolution, snapping / breaking*.

Однокоренные антонимы образуются за счет противоположного значения приставок или суффиксов, поэтому их называют словообразовательными. В английском языке наиболее продуктивными являются приставки **un**, **de** и **dis**:

*loading / unloading, locking / unlocking, couple / uncouple
coding / decoding, clutching / declutching, composition / decomposition,
compression / decompression*

arrangement / disarrangement, charge / discharge, placement / displacement

Следует отметить такую специфику железнодорожных терминологических антонимов, как значительное проявление их контекстуальности, то есть проявление оппозиционных отношений только в определённом контексте, ситуации: *one-armature relay / two-armature relay, motor train unit / driver's cab, motor nose / motor tail, multi-aspect system / mono-aspect system, head lamp / wagon lantern, sortingyard / marshallingyard*.

Следует отметить, что понятие «контекстуальная антонимия» часто критикуется, так как антонимия предполагает регулярность противопоставления слов с противоположными значениями, а контексте могут противопоставляться любые слова, иногда даже очень близкие по значению или, наоборот, связанные между собой лишь тематически:

Также в подавляющем большинстве случаев железнодорожные термины-антонимы представляют собой неградуальные оппозиции, то есть они взаимоисключают друг друга, не имея определённого промежуточного звена между двумя крайними точками соответствующих понятий: *voie double / monorail, contactor / breaker, standard way / narrow-gauge railway*

Однако градуальные оппозиции всё же также встречаются: *high-frequency / midrange communication / low-frequency connection*.

Таким образом, мы видим, что антонимические отношения в железнодорожной терминосистеме английского языка имеют широкое

распространение. Термины-антонимы могут быть одно- и разнокорневыми, системными и контекстуальными, представлять собой монологемы и целые словосочетания.

Список литературы

1. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
2. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 256 с.

УДК 81»25»373.2:811.111:811.161.1

ОСНОВНЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ ФИЛЬМОНИМОВ

Рылова В.В.

Басыров Ш.Р. д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

vlada-rylova@yandex.ru

Знакомство с кинематографическим произведением, независимо от того, является ли оно шедевром индустрии кино или продуктом для широкого круга зрителей, начинается с его названия. Оно несёт в себе определенную информацию о содержании кинофильма, подогревает интерес зрителя и привлекает его внимание. Создание яркого и запоминающегося названия – одна из основных задач кинопроизводства. Но, говоря о прокате и релизе иностранных кинофильмов в нашем пространстве, нельзя оставить без внимания их перевод, в частности, перевод названия фильма. Правильная передача названия давно стала отдельной переводческой проблемой, от решения которой непосредственно зависит успех киноленты, кассовые сборы и признание кинематографического произведения.

Данная работа посвящена анализу переводческих стратегий при передаче фильмонимов.

Целью работы является выявление основных переводческих стратегий при передаче названий кинофильмов с английского на русский язык.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- выделить основные стратегии перевода названий кинофильмов;
- выявить самую распространенную переводческую стратегию.

Объектом исследования являются названия английских и американских фильмов. Предмет исследования – основные переводческие стратегии при передаче англоязычных фильмонимов на русский язык.

Материалом исследования послужили 420 названий иностранных фильмов на английском языке.

При работе с названием кинопроизведения, переводчик должен четко выделить основные стратегии, проанализировать разные варианты, и выбрать наилучший. Российские переводчики для передачи фильмонимов используют следующие переводческие стратегии:

1. Буквальный перевод – самая простая переводческая стратегия. Такой способ перевода представляет собой прямой или дословный перевод названия фильма с языка оригинала на язык перевода. Он применяется при простых для передачи конструкциях названий или при отсутствии непереводаемых или труднопереводимых социокультурных реалий и конфликта между формой и содержанием. Ср.: *It – Оно; Madame – Мадам; My name is Khan – Меня зовут Кхан; The Devil's Advocate – Адвокат дьявола; Casino – Казино; The Terminal – Терминал.*

2. Следующий способ передачи – модуляция. Под модуляцией понимают опущение или добавление новых единиц, которые способствуют лучшему пониманию смысла кинокартины и могут привлечь большую аудиторию зрителей. Ср.: *Ocean's Eleven – Одиннадцать друзей Оушена; The Meaning of Life – Смысл жизни по Монти Пайтону; The Other Boleyn Girl – Ещё одна из рода Болейн; My Left Foot: The Story of Christy Brown – Моя левая нога; Jurassic Park – Парк Юрского Периода; Thirty Two Short Films About Glenn Gould – Тридцать две истории о Гленне Гульде.*

3. Смысловой перевод – самая сложная и широко используемая переводческая стратегия. Смысловой перевод используется в тех случаях, когда переводчик не может передать название таким, каким оно представлено в языке оригинала, в силу различных моральных, этических и идеологических соображений, или когда название фильма в языке оригинала утрачивает прагматический эффект в целевом языке. Ср.: *Lawless – Самый пьяный округ в мире; Me Before You – До встречи с тобой; Eight Below – Белый плен; Hachi: A Dog's Tale – Хатико: Самый верный друг; The Usual Suspects – Подозрительные лица; Inside I'm Dancing – А в душе я танцую; The Theory of Everything – Вселенная Стивена Хокинга; The Hurt Locker – Повелитель бури.*

Итак, изложенные выше основные способы передачи названий кинематографических произведений свидетельствуют о разнообразии способов перевода, которые переводчик может использовать при работе с заглавиями. Вместе с тем следует учитывать и тот факт, что использование определенного способа ограничено рядом факторов (культура страны, целевая аудитория, определенные моральные и этические соображения). Поэтому, при передаче названий на русский язык, переводчик всегда должен помнить о важности адекватного перевода и сохранении взаимосвязи сюжета кинофильма и его заглавия.

Список литературы

1. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводаемое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. С. 104-116
2. Милевич И.Г. Стратегии перевода названий фильмов // Русский язык за рубежом. 2007. № 5. С. 65-71.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ НЕМЕЦКИХ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Сапрыкин А. А.

Карасенко Е. А., к.филол.н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Вводные замечания. Настоящая работа посвящена переводу названий населенных пунктов Федеральной Земли Тюрингия (Германия) с немецкого языка на русский язык. Наименования населённых пунктов относятся к биоэквивалентной лексике, к топонимам, т.е. географическим наименованиям. Среди топонимов отдельную группу образуют ойконимы – названия населенных пунктов, поэтому в работе используется последний термин.

Актуальность данного исследования состоит в том, что данная лексика всегда привлекала внимание лингвистов, как российских (И.С. Карабулатова, Л.А.Введенская, Н.И. Колесников), так и зарубежных (Г.Т. Омарова, К. Джейкоб, Э. Эквол), однако ещё многие вопросы относительно адекватности перевода данных лексических единиц требуют тщательного исследования. **Целью** работы является исследование проблемы перевода ойконимов с немецкого языка на русский на примере ойконимов Федеральной Земли Тюрингия. **Предметом** работы является особенности перевода ойконимов этого региона с немецкого языка на русский. **Материалом** исследования послужили 100 ойконимов Федеральной Земли Тюрингия, которые были выбраны методом сплошной выборки из официального списка населенных пунктов данного региона на официальных сайтах городов и медиаресурсов Тюрингии. Выбор лексических единиц осуществлялся методом сплошной выборки, согласно количеству населения по ниспадающей шкале.

Изложение основного материала. Поскольку любой топоним, неразрывно связан с культурой народа-носителя языка и обозначает уникальное явление объективной действительности, его стоит относить к словам-реалиям, и соответственно к проблеме перевода названий населенных пунктов стоит подходить как к проблеме перевода именно слов-реалий (далее - СР). СР и особенности их перевода являются объектом исследования таких лингвистов как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. С. Виноградов, О.С. Ахманова, Г.Д. Томахин, А.В.Федоров, С.И. Влахов и С.П. Флорин.

Так, В. С. Виноградов [1, с. 35] называет реалиями все специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы быта прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, относя их к классу безэквивалентной лексики. Наиболее распространенными

способами перевода СР, согласно В. С. Виноградову, являются: 1. транскрипция и транслитерация; 2. калькирование; 3. перевод с использованием функционального аналога; 4. описательный перевод; 5. трансформационный перевод; 6. опущение реалии в переводе [1, с. 123]. Так как ойконимы являются имена-собственные, к ним недопустимы такие приемы, как калькирование, описательный перевод, перевод с использованием функционального аналога и трансформационный перевод. Тем более недопустим к ойконимам такой прием, как опущение реалии в переводе, потому что таким образом населенные пункты лишались бы своих названий. В соответствии с особенностями этого вида слов-реалий к ним возможно применение только транскрипции и транслитерации. Транскрипция - это формальное воссоздание первоначальной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова. Транслитерация - есть так же формальное воссоздание первоначальной лексической единицы с помощью алфавита языка перевода. При обоих приемах исходное слово в переводном тексте представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка, напр.: *Jena* «Йена», *Kindelbrück* «Киндельбрюк», *Ilmenau* «Ильменау», *Altenburg* «Альтенбург», *Bad Frankenhausen* «Бад-Франкенхаузен», и т.д.

К приемам транслитерации и транскрипции переводчики прибегают тогда, когда хотят отразить в языке перевода национальный колорит, и/или данная реалия является основной темой высказывания.

Выводы и перспективы исследования. Таким образом, можно утверждать, что перевод слов-реалий в целом возможен несколькими способами, однако ойконимы, как часть слов-реалий, могут переводиться только двумя – с помощью транскрипции или транслитерации.

Список литературы

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Лингвистический Энциклопедический Словарь (ЛЭС) / Под ред. В. Н. Ярцевой. Институт языкознания АН СССР. М. : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
3. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М. : Просвещение, 1976. 544 с.
4. Словарь русской ономастической терминологии (под ред. Подольской Н. В.) М.Рус. яз., 1988. 467 с.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ВОЗРАСТА ЖЕНЩИНЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Степанова М.А

Басыров Ш. Р., д.филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Данная работа посвящена исследованию способов перевода английских и немецких наименований возраста женщины на русский язык, а также путям преодоления трудностей возникающие при переводе данных лексических единиц (ЛЕ).

Актуальность избранной темы обусловлено важностью изучения проблем перевода наименований возраста женщины в разговорных языках, а также необходимостью исследования трудностей и их причин при переводе иностранных наименований на родной язык.

Цель работы заключается в выявлении общих и отличительных способов перевода разговорных наименований возраста женщины в перечисленных языках.

Материалом для настоящего исследования послужила словарная выборка данных лексем. Общий объем лексем, номинирующих возраст женщины, составляет в английском языке 96 единиц, а в немецком языке 91 единица.

В процессе работы было установлено, что для преодоления трудностей при переводе иностранных наименований возраста женщины можно использовать различные способы перевода, в частности: калькирование, лексическое добавление, конкретизация, транслитерация, целостное преобразование.

Анализ способов перевода лексем, называющих возраст женщины в английском и немецком языках, позволил установить общие и отличительные способы перевода английских и немецких лексем названной семантики на русский язык.

Общими способами перевода анализируемых являются следующие:

1) калькирование, при котором происходит буквальный перевод ЛЕ с сохранением их прямого значения, ср.: англ. *old tab* «старая дева», нем. *alte Fummel* «старая карга»;

2) лексическое добавление, т.е. способ добавления или компенсации дополнительных лексических единиц в оригинале для передачи более понятного и правильного исходного материала, ср.: англ. *dinky* «молодая, физически привлекательная женщина или девушка», нем. *das Auslaufmodell* «женщина средних лет от 35-45 лет»;

3) конкретизация, результатом данного способа является замена слова или словосочетания исходного языка с более узким значением на слово или

словосочетание переводимого языка с более широким значением, ср.: англ. *gamine* «молодая девушка, девочка-подросток (8-19 лет)», нем. *die Girlie* «молодая, наивная, бойкая девушка, бабенка 18-25 лет»;

4) целостное преобразование, при котором осуществляется всеобъемлющее преобразование как отдельных слов, так и предложения в целом, ср.: англ. *to waste away* «состариться, зачахнуть», нем. *altes Mütterchen* «старуха».

Выявлен также отличительный способ перевода, а именно транслитерация, т.е. формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова, ср.: англ. *missy* «мисси».

Список литературы

1. Арзамасцева И. В. Практика перевода по немецкому языку/ Р. А. Арзамасцева.– Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 123 с.
2. Бархударов, Л. С. «Язык и Перевод» / Л. С. Бархударов. –М.: Издательство «Международные Отношения»,1975.– 240 с.
3. Комиссаров, В. Н. Пособие по переводу с английского языка на русский / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 2001. – 127 с.

УДК 811.111»25:81»373»42

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОВ-РЕАЛИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКТЕ

Твердохлеб Е.А.

Карасенко Е.А. к.филол.наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

ktrp@mail.ru

Вводные замечания. Языку принадлежит очень важная роль в жизни людей. Он являлся одним из необходимых условий формирования человека и его мышления [2]. Для обмена предметами и понятиями, а вместе с ними словами, обозначающими эти предметы и понятия, народы вступают в различные контакты. Однако эти контакты были редкими, особенно между народами, живущими на разных континентах. Собственно, это оказало влияние на то, что многие предметы и понятия известны лишь в пределах одной страны или региона. Так появились специфические лексические единицы – слова-реалии (далее СР), перевод которых требует значительных усилий со стороны переводчика [1].

СР относятся к безэквивалентной лексике, т.е. представляют собой лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из

языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка [2]. Функционирование и перевод СР рассматривали многие лингвисты – Е.М. Верещагин, Л.С. Костомаров, С. Флахов, С. Флорин, А.Д. Швейцер.

Они сходны во мнении, что переводчик очень часто сталкивается с проблемой перевода реалий и это вызывает определенный интерес, поскольку реалии относятся к несовпадающим элементам языка и обозначают понятия, чуждые для других культур. С этой точки зрения **актуальность** данного исследования является очевидной [1].

Целью данной работы является выявление СР в английском художественном тексте и анализ их способов перевода.

Теоретической базой для данной работы послужили исследования таких известных переводоведов, как В.Н. Комиссаров, С. Влахов, С. Флорин, А.В. Федоров, Л.С. Бархударов, Е.М. Верещагин, В.С. Виноградов, Я.И. Рецкер.

Изложение основного материала исследования.

2.1. Поскольку СР относятся к безэквивалентной лексике, то данное исследование опирается на классификацию безэквивалентной лексики Л.С. Бархударова.

Ученый делит СР на имена собственные, названия учреждений, организаций, газет, пароходов, и пр., не имеющих постоянных соответствий в лексиконе другого языка, географические заимствования, лексические единицы, которые можно назвать случайными лакунами.

Основными способами перевода безэквивалентной лексики является транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный, приближенный и трансформационные преобразования.

Следует отметить, что понятия «безэквивалентная лексика» и «слова реалии» тесно связаны между собой и не многие лингвисты проводят четкую грань между ними. Так, анализ теоретических источников показывает, что болгарские лингвисты С. Влахов и С. Флорин, выделяют среди безэквивалентной лексики отдельную группу слов, содержащих социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации, освоенные ее представителями и отраженные в языке данной национальности [3]. Основной чертой таких слов является их колорит и поэтому передача колорита при переводе текста с одного языка на другой составляет главную проблему переводчика.

Лингвисты разделяют их по предметной классификации (географические, этнографические и общественно-политические реалии), временному делению (современные и исторические реалии), и по местному делению. Относительно способов перевода СР лингвисты утверждают, что таковыми являются транскрипция, описательный перевод, калькирование, введение неологизма, приблизительный перевод и контекстуальный перевод [3].

2.2. Следует отметить, что проблема исследования способов перевода СР до сих пор остается открытой. Это связано не только с различными

взглядами ученых на данный вопрос, но и от обилия факторов и нюансов, влияющих на его решение. При выборе способа перевода большую роль играет не только замысел автора текста, но и точка зрения автора перевода. Каждый переводчик выбирает тот или иной прием, полагаясь на свой переводческий инстинкт, опираясь на полученные знания и накопленный в процессе работы опыт, поэтому окончательное слово, независимо от теоретических исследований, в большинстве случаев, остается за переводчиком-практиком [3].

Выводы. Проблема перевода СР представляет собой благодатное поле для исследования, поскольку дать полный и абсолютный перечень способов перевода СР, указаний и пояснений к ним практически невозможно.

В современном мире каждый день возникают новые слова, которые обозначают трудности для переводчиков, поэтому изучение особенностей перевода СР на материале художественных текстов является актуальным и перспективным.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : «Международные отношения», 1975. 240 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М. : «Русский язык», 1980. 320с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М. : «Международные отношения», 1980. 341 с.

УДК 81»373.23:811.111»161.1

НОМИНАЦИЯ ЛИЦА В АНГЛИЙСКОЙ МОРСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Фазельянов О.В

Карасенко Е.А., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

ktpp@mail.ru

Морская терминология ведущих европейских языков развивается в тесном контакте друг с другом, в связи с этим важное значение приобретает сопоставительное исследование возникновения и развития морской терминологии, особенно в тех случаях, когда речь идет о языках крупнейших морских держав – России, Великобритании и США.

Актуальность исследования номинации морских терминов в английском и русском языках является неоспоримым, поскольку позволяет выявить специфические черты соответствующих лексических систем, а также корреляции между концептуальными моделями носителей английского и

русского языков в рамках исследуемой области знаний. В современном мире происходит стремительное развитие морского флота, как гражданского, так и военного. Возрастает количество судов, их тоннаж, а значит, увеличивается потребность специалистов в данной области, поэтому актуальность данного исследования является очевидным.

Целью настоящей работы является выявление и изучение специфики функционирования лексических единиц, номинирующих моряков в английской морской терминологии. Материалом для данной работы послужили 13 английских лексем, именующих моряков – членов экипажа современного торгового судна (*Captain* «капитан», *Chief officer* «старший помощник капитана», *Boatswain* «боцман», *Able Bodied seaman* «матрос первого класса», *cook* «повар» и т.д.).

Английский и русский языки имеют свои собственные реалии, которые связанные с морем. Развитие Англии сопровождалось экономическим развитием и процветанием Великобритании, завоевывавшей все больше колоний и распространившей свою власть почти на весь земной шар. Благодаря этому всё, что связано с флотом и морем, являются одними из самых важных аспектов в истории Британской Империи. Однако стоит отметить, что в русском языке морская терминология занимает не менее весомое место.

Точно известно, что в картине мира народов, которые населяют Британские острова, концепты, которые отождествляются с морем и флотом занимают одно из самых важных мест. Но не менее важное место морская терминология занимает и в лексиконе русскоязычного человека. В связи с этим исследование и сопоставление этого фрагмента картины мира носителей английского и русского языков, его национально-культурных особенностей может привести к лучшей интерпретации менталитета жителей «туманного Альбиона» и его специфики в сравнении с менталитетом человека, который живёт в России [3, с. 117].

Термины, использованные в данной работе, как и большинство других слов относятся к непосредственно конкретным сферам знаний, они являются словами и словосочетаниями особого языка, употребляемые для идентификации логически правильно сформулированных понятий конкретной сферы знаний. В лингвистическом отношении термины являются лексико-грамматическими единицами языка, работающие как в системе общелитературного национального языка, так и в системе морской науки. Как лексико-грамматическая единица языка, то есть термин имеет признаки характерные для лексических единиц литературного языка, а именно: семантики и смысла. Термин имеет все функции, которые присущи слову: номинативную, сигнификативную, коммуникативную и прагматическую. Главными особенностями морского термина как единицы научного знания являются: однозначность, точность, систематичность и отсутствие синонимов.

В настоящее время морская терминология находится в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов, ср.: В.А. Аверин, Б.Л. Богородский, В.В. Вахтин, В.В. Дмитриева, Ф.П. Сороколетов, А.А. Чернышёв и др. которые рассматривают её в разных аспектах и на материалах разных языков.

Практический материал исследования составляет 13 лексем, которые номинируют моряков – членов экипажа современного судна торгового флота: *able bodied seaman* «матрос первого класса», *boatswain* «боцман», *captain or master* «капитан», *cook* «повар», *chief officer* «старший помощник капитана», *electrical officer* «электромеханик», *engineer officer* «старший механик», *ordinary seaman* «матрос второго класса», *second officer* «второй помощник капитана», *second engineering officer* «второй механик», *ship's doctor* «судовой врач», *skipper* «шкипер», *third officer* «третий помощник капитана». Данные лексемы были выбраны из словаря морской терминологии В.В. Дмитриевой [2].

Структурный анализ показывает, что среди данных лексем, которые связаны с морской терминологией, встречаются симплексы, т.е. простые односложные слова (*cook* «повар»), дериваты (производные слова), образованные с помощью суффиксации (*skipper* «шкипер»), наименования, со структурой сложного слова (*boatswain* «боцман») и наименования со структурой словосочетания, т.е. такие, которые образованы вследствие соединения двух или больше самостоятельных элементов речи (*chief officer* «старший помощник капитана») [1, с. 59].

В данной работе, большим количеством представлены сложные наименования моряков со структурой словосочетания, это подтверждает продуктивность данного способа словообразования в английском языке и отражает специфику словообразования наименований лица, а именно то, что с помощью такого способа можно дать наиболее полную информацию, полную характеристику данного человека – кто он по рангу.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 199 с.
2. Дмитриева В. В. Морской энциклопедический словарь: В трёх томах. Том 1/ Судостроение, 1991. 504 с.
3. Орлова Н. М. Функционирование морской лексики в тексте художественной литературы (XIX-XX вв.). М., 2001. 207 с.

КОМПЛИМЕНТ В РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Чунина Т.О.

Рочняк Е. В. к.филос.н., доцент

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка

sunga96j@gmail.com

Сферы межличностных отношений, коммуникации, принадлежат к первоосновам человеческого мира. Особенную остроту эти проблемы приобретают с нарастанием в современных обстоятельствах цивилизации уединения, индивидуализма, постоянных попыток манипулирования человеком, его сознанием и психическим состоянием, в целом, стереотипизацией человеческих взаимоотношений.

Комплимент является неотъемлемой частью языкового этикета, который используется в разных речевых ситуациях: во время встреч, прощаний, поздравлений, и т.п. Такие формы языкового общения национально предопределены, имеют гендерные особенности и вписываются в актуальные проблемы современной лингвистики. Комплимент входит в класс экспрессивов и принадлежат к неинформативным языковым действиям, поэтому имеет регулятивный, индексальный и эмоционально-оценивающее содержание [1, с. 183].

Комплимент – это любезное доброжелательное высказывание в адрес другого человека, в котором нужно отметить какое-либо положительное качество. В немецком варианте: *Ein Kompliment ist eine freundliche, wohlwollende Äußerung gegenüber einer anderen Person, an der etwas positiv hervorgehoben werden soll.*

Речевой акт комплимента является двухходовым образованием: комплимент – ответ на комплимент. Типы таких языковых актов принципиально отличаются в зависимости от дистанции между участниками общения. Формальным знаком принятия комплимента обычно является улыбка, благодарность, кивок. Подозрительный взгляд и пауза свидетельствуют о попытке адресата определить причину комплимента.

Основная функция комплимента заключается в создании или поддержке солидарности между адресантом и адресатом [4].

Как разновидность речевого акта, комплимент имеет ряд характеристик: является условием успеваемости; отмечается иллокутивной силой и перлокутивным влиянием на собеседника; речевой акт комплимента может быть как распространенным, так и нераспространенным предложением; выражается вербально и невербально; подразумевать взаимодействие как минимум двух субъектов – адресанта и адресата.

Существуют различные классификации комплиментов. По коммуникативной направленности выделяют:

- 1) прямой комплимент, направленный непосредственно в адрес собеседника;
- 2) непрямой комплимент, направленный в адрес собеседника опосредствовано или на человека, который не принимает участия в коммуникации;
- 3) взаимонаправленный комплимент предусматривает наличие двух субъектов в коммуникации и направленный непосредственно в адрес коммуниканта. Его особенность заключается в том, что оба коммуниканта делают друг другу комплимент, то есть каждый из них выступает и адресантом, и адресатом;
- 4) комплимент себе самому, направленный на адресанта, то есть адресантом и адресатом этого вида комплимента становится один и тот же человек.

По количеству адресатов комплименты бывают: 1) комплимент одному адресату; 2) комплимент коллективному адресату.

Комплименты можно разделить по тематическим группам: внутренние качества адресата, внешние качества адресата, комплименты, которые выражают отношение адресанта к адресату, комплименты в адрес семьи и близких собеседника.

Проанализировав различные статьи из немецкоязычных журналов (Welt N24, Zeit Magazin, Focus, Süddeutsche Zeitung, Meine Familie und ich, Kulturspiegel, Bild, Deutschland), немецкоязычные радиопередачи (DW) и блоги стоит отметить, что представители немецкоязычной культуры прибегают к использованию комплиментов гораздо реже, чем представители других культур, например славяне, или англичане. Это связано с этнокультурными особенностями. Так, немцы предпочитают не делать комплимент незнакомому человеку из боязни быть непонятым или попасть в неловкое положение. В производственной ситуации излишние комплименты также не будут уместны, как правило, они используются лишь в неформальном общении и характеризуются подчеркиванием отдельных достоинства партнера, но при этом немцы избегают откровенной лести, которая воспринимается крайне негативно. Например, комплимент начальнику, как правило, трактуется как заискивание, в то время как хорошо выполненная работа сотрудника заслуживает похвалы.

Главным критерием для представителей немецкоязычной культуры остается искренность, об этом в своей статье говорит американка Courtney Tenz: «Честность немцев стала для меня своего рода культурным шоком. Кажется, никто не замечал моего нового платья, красивой улыбки или глаз. Лишь однажды один из моих студентов заметил, что я слишком худа для американки, после чего мне пришлось сделать замечание: в Америке Вас сочли бы невеждой. Тогда он мне сказал, что считает американцев неискренними, ведь они делают слишком много преувеличенных комплиментов, их словам нельзя доверять. Этот случай доказал, что лучший комплимент для немцев – честность...» [3].

Немецкие комплименты достаточно краткие, использованы в простой, невычурной форме и в настоящем времени, например: *Sie (du) sehen (siehst) sehr gut aus!* (Вы (ты) хорошо выглядите (выглядишь)!), *Sie (du) verändern sich (veränderst dich) ja gar nicht!* (Вы (ты) совсем не меняетесь (меняешься))!

В немецком языке большинство комплиментов касаются выполнения каких-либо поручений, за ними следуют комплименты внешности и комплименты умственным способностям.

Таким образом, комплимент как форма речевого этикета имеет определенные национально-культурные особенности и может рассматриваться через призму культурно языковых традиций. В каждом обществе этикет постепенно развивался как система правил поведения, система разрешения и запрещения, которые создают в целом моральные нормы [2, с.44].

Комплименты вынуждают коммуникантов взаимодействовать согласно определенным моделям поведения. На основе сравнительного анализа использования комплиментов приходим к выводу о том, что представители разных наций делают комплименты, руководствуясь разной целью. Следовательно, комплимент имеет национально-культурные особенности.

В заключение следует отметить, что комплимент представляет собой двусложное языковое действие наподобие: комплимент (реплика-стимул) – ответ на комплимент (реплика-реакция). Частота употребления комплиментов и их вычурность зависят от этнокультурных и этических особенностей тех или иных представителей. Комплименты не только выражают искреннее восхищение позитивными чертами человека, но и могут заменять приветствие, благодарность или извинение, и доводить до минимума действия, которые угрожают адресату, такие как критика и ругательство.

Список литературы

1. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
2. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. шк., 1989. 159 с.
3. Courtney Tenz Warum Deutsche keine Komplimente machen, und wie eine Amerikanerin lernte damit umzugehen [Электронный ресурс] – Режим доступа к статье: <http://www.dw.com/de/warum-deutsche-keine-komplimente-machen-und-wie-eine-amerikanerin-lernte-damit-umzugehen/a-37780617>.
4. Wolfson N, Manes J. The compliment as a social strategy: Papers in Linguistics // International Journal of Human Communication. 1980. № 3. С. 410-431.

УДК 811.112.2:81'373.23

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Бандурка Е. В.

Ягунова Л. Н., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

kokhan.elen@rambler.ru

Доклад посвящен исследованию гендерно-нейтральных номинаций лица в современном немецком языке.

1. Язык непрерывно изменяется, результатом этих изменений является создание новых слов, выражений, изменение значений имеющихся лексем. На протяжении последних 15 лет лингвисты отмечают все больше изменений, связанных с наименованиями лиц. Так, подвергается критике употребление номинаций лица мужского пола при обращении к лицам обоих полов. Сторонники феминистической теории полагают, что поскольку роль женщины в обществе стала значимее, то следует использовать такие обращения к ней, чтобы женщина была более заметна и в языке. Данная проблема актуальна и на государственном уровне. Еще в 1987 году правительством Германии была создана специальная рабочая группа, которая занималась законодательным урегулированием данного вопроса [2, с. 5].

2. В результате активного феминистического движения в Германии наименования лиц, занятых на производстве, пополнились женскими «вариантами». И хотя такая симметрия существовала и раньше, теперь она охватывает все сферы деятельности и официально закреплена. Например, при написании объявлений следует указывать две формы: мужскую и женскую, в официальных обращениях сначала нужно называть женщину, а потом мужчину [1, с. 146].

3. На письме данные разграничения отображаются по-разному. Наряду с суффиксом *-in* (*der Lehrer – die Lehrerin*) используется большая буква *I* (форма множественного числа *StudentInnen* подразумевает как мужчин, так и женщин). В качестве оппозиции номинаций лица с *-mann* растет количество сложных слов, образованных при помощи компонента *-frau* (*der Fachmann – die Fachfrau*) [1, с. 146].

4. В докладе будет более детально рассмотрена проблема гендерных номинаций в современном немецком языке, а также теоретические подходы к изучению гендерно-нейтральных наименований лица и их использование в нормативно-правовых актах Германии.

Список литературы

1. Розен Е.В. Как появляются слова. Немецкая лексика: история и современность. М. : МАРТ, 2000. 156 с.
2. Merkblatt M19. Sprachliche Gleichbehandlung von Frauen und Männern. Hinweise, Anwendungsmöglichkeiten und Beispiele. Köln : Bundesverwaltungsamt, 2002. 30 S.

УДК 821.112.2-343.09

СИМВОЛИКА РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В НЕМЕЦКОЙ СКАЗКЕ Э.Т.А. ГОФМАНА «ЗОЛОТОЙ ГОРШОК»

Безверхая И.В.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Луганск
inna9410@mail.ru

В творчестве немецких романтиков символика растительного мира очень разнообразна. Особенностью растительных образов в немецких романтических сказках является олицетворение природы и ее объектов, которые представляются как живые, одухотворенные существа.

В сказке Гофмана «Der goldene Topf» ярким является образ огненной лилии, основой для которого служат как христианская, так и алхимическая традиции: «...als der reine Strahl wieder den schwarzen Hügel berührte, da brach im Übermaß des Entzückens eine herrliche Feuerlilie hervor...» [1, с. 186].

Этот цветок трактуется как символ чистоты, величия и невинности. В христианской традиции считалось, что лилия проросла из слез Евы, когда она покидала рай [3, с. 59].

Хотя лилия и обозначает мужское начало, она также выступает символом Девы Марии, ассоциируется со святыми Екатериной Сиенской, Кларой и Евфимией Великой. В качестве королевского атрибута лилия появляется на коронах и скипетрах святых. Кроме того, она фигурирует в Благовещенье – в вазе или в руках архангела Гавриила – и потому со времен эпохи Возрождения стала его атрибутом. В Библии «лилия полей» упоминается как символ преданного служения Богу [4, с. 158].

Лилия представляет аспект милосердия Божественной энергии. Она также выступает символом трех добродетелей: веры, надежды и милосердия. Такая лилия представляет также триединство ума, души и тела. В Византии этот цветок был знаком причастности к королевскому роду [5, с. 79].

Сочетая лексему «*lilie*» с лексемой «*feuer-*» автор предоставляет описание не обычной, а огненной лилии. Огонь – это символ не только божественной энергии и очищения, возрождения, но и искушения, и страсти. Он является сильным и активным элементом, символизирующим как творческие, так и разрушительные силы [5, с. 112]. Исходя из контекста

произведения, в котором лилия благодаря своей чистоте и невинности выступала объектом, на который были направлены чувства Саламандра, мы делаем вывод о том, что образ этого цветка выступает вербализатором концептуальной метафорической схемы ЛИЛИЯ ЯВЛЯЕТСЯ СОБЛАЗНОМ в пределах когнитивной модели ПРИРОДНОЕ & ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ.

Важная роль отведена образу куста бузины в сказке Э.Т.А. Гофмана «Der goldene Topf». В Северной Европе, особенно в Дании это дерево считалось магическим, так оно описывается в сказке: «*Da flüsterte und lispelte es von neuem in jenen Worten, und die Schlinglein schlüpfen und kosten auf und nieder durch die Blätter und Zweige, und wie sie sich so schnell rührten, da war es, als streue der Holunderbusch tausend funkelnde Smaragde durch seine dunklen Blätter. „Das ist die Abendsonne, die so in dem Holunderbusch spielt“, dachte der Student Anselmus*», ему приписывается антропоморфная способность к речи: «*Der Holunderbusch rührte sich und sprach: „Du lagst in meinem Schatten, mein Duft umfloß dich, aber du verstandest mich nicht. Der Duft ist meine Sprache, wenn ihn die Liebe entzündet“*» [1, с. 183].

В немецкоязычной картине мира бузина рассматривается как лекарственное растение ведьм, ей приписывали отрицательные качества, ведь согласно христианскому вероучению, именно на этом дереве совершил самоубийство Иуда. В европейской традиции это растение символизирует магию и силу духов [2, с. 27]. К бузине были обращены приговоры в девичьих гаданиях о замужестве. Считалось, что в ночь на Ивана Купала в кусте бузины можно увидеть суженого, что изображено в произведении, ведь именно в кусте бузины Ансельмус увидел свою будущую жену в образе золотой зеленой змейки: «*in dem Holunderbusch...und Anselmus sah, wie eine Schlange ihr Köpchen nach ihm herabstreckte*». С бузиной связывают насылание плохих снов и призрака, что и происходит с главным героем сказки: «*Alles, was er Wunderbares gesehen, war ihm rein aus dem Gedächtnis geschwunden, und er besann sich nur, daß er unter dem Holunderbaum allerlei tolles Zeug ganz laut geschwätzt, was ihm denn um so entsetzlicher war, als er von jeher einen innerlichen Abscheu gegen alle Selbstredner gehegt*» [1, с. 184].

Образ бузины также может рассматриваться в контексте произведения в качестве олицетворения Космического / Мирового Дерева. Таким образом, в образе бузины сочетаются христианская (символическое представление Мирового дерева и змеи на нем) и языческая (верования в духов и ритуальность) парадигмы, а основой для образа бузины в контексте представленного произведения выступает концептуальная метафорическая схема БУЗИНА ЯВЛЯЕТСЯ МАГИЕЙ, основой для которой выступает когнитивная модель ЕСТЕСТВЕННОЕ & СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

В сказке Э.Т.А. Гофмана «Der goldene Topf» мы также находим описание необычного сада, представленного лексемой «*Gewächshaus*»: «*Anselmus schritt getrost hinter dem Archivarius her; sie kamen aus dem Korridor in einen Saal oder vielmehr in ein herrliches Gewächshaus, denn von beiden Seiten bis an die Decke hinauf standen allerlei seltene wunderbare Blumen, ja*

große Bäume mit sonderbar gestalteten Blättern und Blüten. Ein magisches blendendes Licht verbreitete sich überall, ohne dass man bemerken konnte, wo es herkam, da durchaus kein Fenster zu sehen war. Sowie der Student Anselmus in die Büsche und Bäume hineinblickte, schienen lange Gänge sich in weiter Ferne auszudehnen. – Im tiefen Dunkel dicker Zypressenstauden schimmerten Marmorbecken, aus denen sich wunderliche Figuren erhoben, Kristallen strahlen hervorspritzend, die plätschernd niederfielen in leuchtende Lilienkelche; seltsame Stimmen rauschten und säuselten durch den Wald der wunderbaren Gewächse, und herrliche Düfte strömten auf und nieder. Der Archivarius war verschwunden, und Anselmus erblickte nur einen riesenhaften Busch glühender Feuerlilien vor sich. Von dem Anblick, von den süßen Düften des Feengartens berauscht, blieb Anselmus festgezaubert stehen» [1, с. 186].

В данном примере сад выступает олицетворением рая. Это символ души, связанный с ним. В древних традициях он позиционировался в качестве образа идеального мира, космического порядка и потерянной, и вновь обретенной гармонии. Опираясь на исследованный нами пример образа сада как идеального, прекрасного места, мы выделяем концептуальную метафорическую схему САД ЯВЛЯЕТСЯ РАЕМ. Таким образом, базой созданного образа выступает концептуальная модель ЕСТЕСТВЕННОЕ & ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ.

Стоит отметить, что растение – это составляющий элемент, который относится к древнейшей мифопоэтической традиции и является важным элементом символической системы немецкого романтизма, отражает мировоззренческие позиции относительно духовного уровня романтического воображаемого мира.

Список литературы

1. Крайнова Л.Е. Хрестоматия по немецкой литературе / Л.Е. Крайнова. СПб. : КОРОНА – Век, 2009. 352 с.
2. Купер Дж. Энциклопедия символов / Дж. Купер. М. : Золотой век, 1995. 399 с.
3. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов / Дж. Фоли. М., 1997. 325 с.
4. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве / Дж. Холл. М. : Крон-Пресс, 1999. 656 с.
5. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов / Е.Я. Шейнина. М., 2001. 378 с.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ РАЗГОВОРНО-ФАМИЛЬЯРНОГО СТИЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Глоба Т.Н.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
tat-globa@yandex.ru

По наблюдениям лингвистов, для французского языка последней четверти XX – начала XXI века характерно большое количество новых фразеологических выражений. Отмечается также, что в связи с демократизацией языка в последние десятилетия, сниженные единицы языка имеют тенденцию переходить в широкое употребление.

Наше исследование посвящено изучению одного из значительных пластов фразеологии: разговорно-фамильярных фразеологических синонимов современного французского языка. Основная цель исследования – выявление стилистических особенностей разговорно-фамильярных фразеологических синонимов в сравнении с нейтральными и анализ происходящих изменений в сферах их употребления.

Актуальность исследования определяется как социолингвистическими условиями – проникновением все большего количества разговорно-фамильярных фразеологизмов в речь практически всех слоев населения, так и лингвистическими – данные единицы языка остаются недостаточно изученными.

В научной литературе фразеологические синонимы французского языка рассматриваются как устойчивые обороты, выражающие в языке одно и то же значение или близкие значения, способные в конкретном акте коммуникации выступить с единым лексическим содержанием, так как семантические и стилистические оттенки, дифференцирующие значения синонимов, могут реализоваться или не реализоваться в речи [3].

Проблему фразеологической синонимии французского языка изучали в разных аспектах отечественные (В. В. Виноградов, В. Г. Гак, Н. Е. Каика, Л. П. Кофанова, Э. И. Липшицене-Зибуцайте, Е. З. Ленец, Л. В. Мурадова) и зарубежные (Ш. Балли, П. Гиро, Ж. Марузо, М. Ра, А. Рей, С. Шантро) лингвисты.

Оборотам, имеющим стилистические различия, возникающие вследствие принадлежности синонимов к разным функциональным стилям, принято давать следующую стилистическую характеристику: 1) литературно-разговорные обороты, признанные языковой нормой; 2) нейтральные, имеющие нулевую стилистическую окраску; 3) фамильярные – употребляемые, главным образом, в фамильярно-разговорной речи, но не нарушающие литературную норму языка; 4) просторечные – в той или иной мере нарушающие литературную норму; 5) книжные – употребляемые в книжно-письменных стилях и в

обыденном разговоре обычно не используемые; б) высокого и официально-делового стиля; 7) арготизмы и архаизмы [3].

Учитывая постоянную эволюцию языка, переход фразеологических оборотов из одного стиля речи в другой, например, арготические часто переходят в категорию просторечных фразеологизмов, просторечные в фамильярные и т.д., при написании работы использованы данные новейших словарей французского языка – В. Гака, П. Робера, Ларусса, а также данные современных электронных словарей.

Разговорно-фамильярные фразеологические синонимы имеют некоторые особенности, отличающие их от нейтральных и предельно-сниженных выражений. Сниженность разговорно-фамильярных фразеологизмов создается необычной образностью (образ может быть смешным, шутивным, ироничным, грубоватым, неожиданным, необъяснимым, неполным, бытовым) и наличием сниженного компонента в составе фразеологизма. Например, члены ряда *faire une crasse à qn, jouer à qn un pied de cochon* – причинить кому-либо неприятности, различаются по эмоциональной насыщенности образа [5]. *Faire une crasse à qn* говорится о том, кто проявляет бестактность к кому-либо, оскорбляет, обижает. *Jouer à qn un pied de cochon* (ср. русск. подложить кому-либо свинью) говорится о том, кто оказывает плохую услугу, поступает во вред, в ущерб.

Присущие разговорной речи стремления к избыточности и краткости находят свое выражение и в разговорно-фамильярных фразеологических синонимах и проявляются в единицах, содержащих плеоназм, лексические повторы, однокоренные слова или разные грамматические формы одного слова, дополняющий элемент, усиливающий образность. Например, члены ряда *ne connaître ni des lèvres ni des dents, ne connaître ni d'Adam ni d'Eve* – совершенно не знать кого-либо [7]. Противоположное стремление разговорной речи к краткости выражается в эллиптических фразеологических единицах, фразеологизмах, содержащих сокращенные слова, в замене знаменательных слов местоимениями.

Таким образом, констатируем, что стремление разговорной речи к обновлению, разнообразию средств выражения проявляется в большом количестве вариантов и синонимов фразеологизмов разговорно-фамильярного стиля. Переходу разговорно-фамильярных фразеологизмов в общеупотребительный язык способствуют присущие им лингвистические особенности: преобладающая нейтральность составляющих компонентов; демотивация фразеологических синонимов арготического происхождения; а также – экстралингвистические факторы: употребление сниженных единиц языка в прессе, на радио и телевидении, в том числе и известными людьми, в литературе, в фильмах, песнях, рекламе.

В связи с демократизацией языка изменяется и языковая норма, что отражается в частности в изменении отношения к сниженным единицам языка, которые все больше регистрируются в авторитетных словарях. Общеупотребительный фразеологический фонд современного французского

языка пополняется не только за счет образования новых выражений, но и вследствие перехода фамильярных, просторечных и арготических фразеологических синонимов в широкое употребление.

Список литературы

1. Гак В. Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филологические науки. 1995. №4. С. 47-55.
2. Гак В. Г., Мурадова Л. А. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М.: Медиа, 2005. 1625 с.
3. Липшицене-Зибуцайте Э. И. Фразеологические синонимы французского языка. Пособие для студентов факультетов иностранных языков педагогических институтов. Л.: Просвещение, 1971. 296 с.
4. Ленец Е. З. Конвенциональные фразеологизмы с соматизмами в современном французском языке: пособие. Гродно: ГрГУ, 2007. 143 с.
5. Dictionnaire français-russe des idiomes. Available at: [www. dic.academic.ru](http://www.dic.academic.ru). (accessed: 14.09.2017).
6. Gillon E., Larousse J.-H. Petit Larousse. Paris : Librairie Larousse, 1998. 1785 p.
7. Каїка Н. Е., Кofanova Л. Р. Le dictionnaire des Equivalents phraséologiques russes-français. Donetsk : SARL « Yugo-Vostok, Ltd », 2005. 548 p.
8. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. Collections « Les Usuels du Robert », 2003. 1088 p.
9. Rey A. Le Petit Robert. Dictionnaire de la langue française. Paris, 2006. 2900 p.

УДК 811.112.2:378.147(078)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЕНИТИВА В ДИАЛЕКТАХ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Гнетнёва Д. С.

Ягунова Л. Н., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

gnetnevadaria@gmail.com

1. Доклад посвящён исследованию особенностей функционирования генитивных конструкций в ниже- и южнонемецких диалектах. Материалом исследования послужили 250 стихотворений, датированных XVI–XVIII вв., написанных на нижненемецких и южнонемецких диалектах, отобранных на веб-портале www.gutenberg.spiegel.de. Для выявления причин сокращения сфер употребления генитива в докладе проводится параллель с романом Г. Я. К. Гриммельсгаузена «Der Abenteuerliche Simplicissimus Teutsch», написанным в XVII в. на нижненемецком диалекте.

1.1 Одной из морфологических особенностей нижненемецких диалектов, по утверждению В. Беша [1, с. 1242], является выражение отношений принадлежности конструкциями с генитивом в предпозиции, дательным

падежом с притяжательным местоимением и предлогом *von*. Например, конструкция с генитивом нарицательного существительного в предпозиции характерна для стихотворений В. Раабе (1831-1910), ср.:

(1) *Des Meeres Rauschen, ihres Volkes Hand, des Mondes Sichel, des Lebens Glanz, des Menschen Hand.*

По словам Г. Цифонун [6, с. 2020], данная конструкция, не характерная для современного языка, относится, прежде всего, к художественному стилю речи и рассматривается в некоторых случаях как устойчивое выражение. Кроме того, она может быть семантически дополнена, в примере (2) – оценочными прилагательными, ср.:

(2) *Des Landes verstummte Klagen, deines bösen Mannes Hut* (W. Raabe)

1.2 Для нижненемецких диалектов свойственна замена генитива конструкцией с дативом принадлежности и притяжательным местоимением. Ю. Пафель [3, с. 120] отмечает, что данное явление характерно именно для диалектов и разговорной речи, считая его недопустимым для литературного языка, ср.:

(3) *Dem alten Herr seine Stube, dem Amtshauptmann seine Tür, dem Müller sein Knecht* (F. Reuter).

2. Для южнонемецких диалектов характерно широкое использование объектного генитива, генитива адвербиального определения и генитива принадлежности в предпозиции, как и в нижненемецких диалектах [1, с. 1242].

2.1 Наиболее яркие примеры употребления генитива в предпозиции (генитивного определения) содержит лирика В. Буша (1832-1908), ср.:

(4) *Des Frühlings Widerkehr, der ersten Liebe Traum, des Ofens höchste Glut.*

2.2 Отличительной особенностью южнонемецких диалектов является широкое использование объектного генитива [1, с. 1242], ср.:

(5) *Des Tags und Lichts genießen, sich meiner erinnern, aller Götter vergessen, seiner Kunst achten, des Schenkers gedenken* (G. Weckherlin)

Стоит отметить, что объектный генитив выступает лишь при определённом числе глаголов, которые относятся к возвышенной лексике или к профессиональной сфере употребления [4, с. 346].

2.3 Проанализировав южнонемецкие диалекты, нельзя не отметить также частое употребление адвербиального генитива – темпорального и генитива образа действия, ср.:

(6) *verhüllten Hauptes gehen, des goldnen Tages, des tiefen Gefühls, offenen Auges lachen* (E. Mörike).

3 Наглядным примером функций генитива, которые активно используются и в современном немецком языке, является роман Г. Я. К. Гриммельсгаузена «Der Abenteuerliche Simplicissimus Teutsch», отличающийся частотным употреблением генитива принадлежности и предложного генитива, ср.:

(7) *das Beweistum der Freundschaft, der Anbeginn der Welt, die Hitz der Jugend, wegen seiner schönen Person, um der Hoffnung willen, vermittelst eures Glaubens.*

Несмотря на то, что данный роман относится к XVII веку, уже в этот период генитив в постпозиции выходит на первый план, а число предлогов, управляющих генитивом, начинает, стремительно расти.

4. Проведённый анализ доказывает наличие существенных отличий в диалектах немецкого языка и его литературной форме, которые касаются генитива. Выявленные в ходе исследования особенности употребления генитива оказывают непосредственное влияние на его функционирование в современном языке, что обуславливает архаизацию большинства вышеперечисленных функций. Однако, широкое употребление предложного и генитива принадлежности подтверждает тот факт, что на данный момент нет никаких оснований говорить о полном исчезновении генитива как падежа [5, с. 146].

Список литературы

1. Besch W. Dialektologie: ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Berlin: W. de Gruyter, 1983. 792 S.
2. Hentschel E. Deutsche Morphologie. Berlin: W. de Gruyter, 2009. 479 S.
3. Pafel J. Einführung in die Syntax. Stuttgart: Metzler Verlag, 2011. 264 S.
4. Paul H. Deutsche Grammatik. Halle (Saale): Niemeyer Verlag, 1956. 460 S.
5. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Berlin: Volk und Wissen VEB, 1973. 322 S.
6. Zifonun G. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin: W. de Gruyter, 1997. 2569 S.

УДК 811.139.2`282(87)

ОСОБЕННОСТИ ВЕНЕСУЭЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Горбачева Д.С.

Барыбина М.Е.

Луганский Национальный Университет имени Тараса Шевченко, г.Донецк
info_lu@ltsu.org

«Венесуэла является страной с большой лингвистической вариативностью: на территории говорят почти на 100 различных языках. На это повлияли демографические, социально-экономические, политические и технологические процессы, происходившие в венесуэльском обществе. Таким образом, это дало возможность данным языкам сосуществовать в одном географическом пространстве»

Р. Менендес Пидаль отмечал, что «большинство первых эмигрантов были выходцами с юга царства Кастилии, т.е. Андалусии, Эстремадуры и Канарских островов, благодаря чему испанский язык в Латинской Америке – это продолжение различных южных диалектов» [6, стр.29].

Помимо кастильского языка в Венесуэле существует свой язык, сформировавшийся под влиянием туземного субстрата.

Доминиканский филолог Педро Энрикес Уренья разделил всю Латинскую Америку на пять основных зон, исходя из лексических особенностей языка [5, стр 87]:

- 1-ая зона: Мексика и Центральная Америка;
- 2-ая зона: Куба, Пуэрто-Рико, а также бóльшая часть Венесуэлы и атлантический берег Колумбии;
- 3-я зона: горные районы Колумбии, Эквадора, Перу, Боливии и севера Чили;
- 4-ая зона: Чили;
- 5-ая зона: Аргентина и Уругвай;
- 6-ая зона: Парагвай и север Аргентины.

«Из аравакских и карибских языков, распространенных от Флориды до Венесуэлы и Гвианы к югу до Боливии и Бразилии, в испанский пришли такие слова, как *patata* (картофель), *casique* (касик), *canoa* (каное), *hamaca* (гамак), *tiburón* (акула), *tabaco* (табак), *maíz* (кукуруза), *sabana* (саванна) и другие. [2, стр. 56-61].»

Проявившиеся на всех уровнях языковой системы расхождения с испанским языком, венесуэльский национальный вариант испанского языка сохраняют основные его черты, параллельно развивая свои национально-культурные особенности.

Оказавшие влияние индейский субстрата и африканский адстрат способствовали формированию и закреплению в венесуэльском национальном варианте тех фонетических явлений, которые ранее не были свойственны общеиспанскому языку:

- нейтрализация I — г (влияние африканского адстратного компонента): *comprál* (*comprar*), *defendel* (*defender*), *es decil* (*es decir*), *flol* (*flor*), *piol* (*peor*), *reil* (*reír*);

- переход *hue*, *bue* (*vue*) > *giie* (влияние индейского субстратного компонента): *agüelo* (*abuelo*), *güeno* (*bueno*), *güey* (*buey*), *resuelva* (*revuelva*), *güelta* (*vuelta*).

«Что касается фонетических особенностей, то венесуэльский национальный вариант испанского языка также разграничивает «язык гор» (*tierras altas*) –согласные произносятся четко и точно, а гласные становятся короткими и стремятся к редукции в безударном положении, и «язык равнин» (*tierras bajas*) - гласные произносятся ясно, в то время как согласные в определенных позициях сокращаются или теряются совсем [3, стр. 40-53].»

Морфологическое своеобразие венесуэльского национального варианта испанского языка заключается в тенденции к предпочтительному использованию окончаний мужского рода у существительных, обозначающих профессию или занятие; как следствие, все чаще встречаются чередующиеся формы мужского и женского рода: *la ministro* / *la ministra* - женщина министр; *la*

decano / la decana - женщина декан; la alcalde / la alcaldesa - женщина-мэр; la magistrado / la magistrado - женщина управляющий.

Следует отметить, что имена существительные индейского происхождения, обозначающие растения, фрукты и плоды различаются по родам: guato – фруктовое дерево/ guata – плод.

В свою очередь синтаксис связан со всей грамматикой. На всей территории страны безударное местоимение lo заменяется на los, в связи с необходимостью компенсировать семантическую непрозрачность местоимения se по отношению к роду и числу, с которыми оно соотносится: yo se los dije a ustedes — я Вам это говорил.

Одной из особенностей является адвербиализация таких прилагательных, как lindo, sabroso, bueno: canta muy lindo - поет очень красиво; comí sabroso — поел вкусно; ¡ya está bueno! – хватит уже! Наблюдается тенденция к адъективации наречия medio: media cansada - немного усталая; medios muertos — полумертвые.

«Венесуализм» – это специфическая лексическая единица лексического уровня венесуэльского национального варианта испанского языка, она тесно связана с венесуэльской национальной самобытностью и характеризует особую манеру называть предметы и реалии окружающего мира [4, стр 453].»

Наиболее фундаментальным трудом в области венесуэльской лексикографии следует признать словарь «Diccionario de venezolanismos» (1997), доказывающий национальный статус испанского языка Венесуэлы.

Неотъемлемую часть венесуэльского национального варианта испанского языка составляют индихенизмы.

Согласно Вежбицкой А. «Индихенизмы — проекция и отражение влияния индейских культур на латиноамериканские национальные варианты испанского.» [1, стр. 37].

Феномены, характеризующие синтаксис венесуэльского национального варианта испанского языка, неразрывно связаны с морфологией – это:

- дублирование прямого объекта;
- использование герундиальных перифраз;
- плюрализация традиционно безличных глаголов; адвербиализация прилагательных и объективизация наречий;
- феномен «dequeísmo» (неканоническое использование предлога);
- замена одного предлога другим, либо его отсутствие; явление «que galicado» (роль союза que как своеобразного антецедента);
- использование различных дискурсивных маркеров и формул.

В заключение необходимо отметить, что изучение венесуэльского национального варианта испанского языка актуально в силу своей малой изученности. Эта тема представляется интересной для ее дальнейшего рассмотрения и углубления. В каждой из стран испаноговорящего мира наряду с классическим вариантом кастильского языка существует свой язык с диалектными вкраплениями и влиянием туземного субстрата. Именно поэтому так важна систематизация этого языкового многообразия.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/ Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. М., 2001.
2. Власова А.И. Общая характеристика европейских заимствований в венесуэльском варианте испанского языка / А.И. Власова // Современная филология: теория и практика: материалы VII международной научно-практической конференции (Москва, 3-4 апреля 2012 г.). М.: Спецкнига, 2012. С. 56-61.
3. Носкова А.И. Лингвокультурологический анализ формирования венесуэльского национального варианта испанского языка / А.И. Носкова II Лингвокультурологические особенности картины мира населения испаноязычных стран Карибского бассейна. Казань: Изд-во Казан, ун-та, 2014. С. 40-53.
4. Echenique M.T., Sánchez Méndez J. Las lenguas de un reino. Historia de lingüística hispánica. Madrid: Gredos, 2005. 535 p.
5. P. Henríquez Ureña El español en Santo Domingo. Instituto de Filología de la Universidad de Buenos Aires: Biblioteca de Dialectología Hispanoamericana. Casa editora Coni, Buenos Aires, 1940. 301 p.
6. R. Menéndez Pidal Manual de gramática histórica. Madrid: Espasa-Calpe, 1946. P. 259.

УДК 811.112.2: 81»373.72

МИФОНИМЫ В СОСТАВЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ИДИОМ

Губарева М. Г.

Усова Н. В., к.филол.н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

1. Настоящая работа посвящена изучению мифонимов в составе немецких идиом. Особенности немецкой идиоматики представляют интерес для исследователей, поскольку они являются носителями социальной и культурной информации. Рассмотрение специфики структуры и семантики идиом с мифонимным компонентом (МК) в немецком и русском языках требует дальнейшего детального изучения, и это определяет актуальность темы исследования.

Цель работы – описать семантические и структурные особенности МК в отобранной группе идиом.

Объектом исследования выступают идиомы с МК, а предметом исследования – семантика и структура мифонимов в немецких идиомах и их русских соответствиях.

Практическим материалом послужили идиоматические единицы с МК, взятые из словарей, русских и немецких научных публикаций и справочной литературы. Общий объем выборки составил 70 единиц.

Источником большей части идиом с МК как для немецкой, так и для русской лингвокультуры являются древние литературные тексты: Библия;

античная мифология; мифология германских народов. В данной работе рассматриваются идиоматические выражения с МК библейского и античного происхождения.

2. Термин «мифоним» означает «мифологическое имя (собст.)», «имя вымышленного объекта любой сферы ономастического пространства в мифах и сказках, в том числе мифоантропоним, мифотопоним, мифозооним, а также теоним». [3, с. 124 – 125].

Исходя из этого определения, МК в составе идиоматических единиц можно подразделить на такие группы:

– мифоантропонимы;

– мифотопонимы, которые в свою очередь разделяются на мифоастонимы (названия городов), мифохоронимы (названия стран), мифогидронимы (собственные имена водных объектов), мифооронимы (названия гор);

– теонимы;

– мифозоонимы.

С точки зрения этимологии исследуемые идиоматические выражения с МКА можно разделить на античные и библейские.

3. По структурно-семантическому принципу идиомы античного происхождения, имеющие в составе МК, можно разделить на несколько групп.

3.1 Однословные идиомы-композиции, построенные по модели: мифонимный компонент с антропонимом (МКА) (часто в генитивной форме) + апеллятив, например *Erisapfel* ‘яблоко раздора», *Ariadnefaden* ‘нить Ариадны», *Ikarusflug* ‘смелые дерзания, полет Икара», *Sisyphusarbeit* ‘Сизифов труд», *Penelopearbeit* ‘Работа Пенелопы» и др. Подобные идиоматические выражения немецкого языка с МКА не всегда имеют в составе соответствующих идиом русского языка МКА (см. *Erisapfel* ‘яблоко раздора»).

3.2 Идиоматические словосочетания: МКА в генитивной форме + имя нарицательное: *Damokles Schwert* ‘Дамоклов меч».

3.3 Компаративные идиоматические выражения с МК: *Ein richtiger Narziss* ‘настоящий нарцисс, самовлюбленный мужчина», *Circe sein* ‘Цирцея», ‘красивая, но коварная женщина», *Wie Antäus sein* ‘быть как Антей» (т.е. человек, обладающий силой до тех пор, пока находится на родной земле).

Как в немецком, так и в русском языке встречается употребление подобных идиом в отрицательных высказываниях: *Er ist nicht gerade ein Adonis* ‘Он, конечно, не Адонис, красавцем его не назовешь».

3.4 Идиомы с МК – мифозоонимом (МКЗ). В этой группе обнаружены а) компаративные идиомы с МКЗ: *ein echter Zerberus* ‘настоящий Цербер»; б) атрибутивные идиоматические словосочетания, включающие в себя образованные от мифонима прилагательные в функции определения и апеллятив: *Trojanisches Pferd* ‘Троянский конь», *Olympische Ruhe* ‘олимпийское спокойствие». Следует отметить, что идиоматические структуры типа (б) могут быть образованы и на базе МКА: *das homerische Gelächter* ‘Гомерический смех» (производное от Гомер).

3.5. Идиомы с МК – теонимом (МКТ): а) композиты с МКТ *Morpheusarme* ‘объятия Морфея, крепкий сон», б) компаративные идиомы *ein echter Apollo* ‘красив, как Аполлон; красивый мужчина»; *Venus sein* ‘быть Венерой, т. е. такой же прекрасной».

3.6 Глагольные идиоматические сочетания с МК, главным образом с МКА: *eines Ariadnefadens bedürfen* ‘нуждаться в руководящих указаниях»; *Argusaugen haben* ‘следить недремлющим оком»; *Fass der Danaiden schöpfen* ‘наполнять бочку Данаид, т. е. заниматься бесполезным делом» и др.

4. Антропонимы библейского происхождения с МК можно также разделить по структурно-семантическому принципу на группы.

4.1 Однословные идиомы-композиты, построенные по модели: мифонимный компонент с антропонимом (МКА) (часто в генитивной форме) + апеллятив, например *Hiobsgeduld* ‘терпение Иова».

4.2 Атрибутивные идиоматические словосочетания со структурой имя прилагательное + МКА: *der alte Adam* ‘Ветхий Адам», *ein keuscher Joseph* ‘целомудренный Иосиф», *guter Samaritaner* ‘добрый самаритянин».

4.3 Генитивные идиоматические сочетания библейского происхождения с МК – топонимом (МКТоп). В качестве МКТоп могут выступать мифохоронимы, напр. *die Fleischtöpfe Agyptens* ‘Египетские котлы с мясом» или мифоастиионимы, напр. *Siloam taufstein* ‘Силоамская купель».

4.4 Идиомы библейского происхождения с (МКЗ) представлены идиоматическим словосочетанием: МК-мифоантропоним в генитивной форме + апеллятив: *Beliams Eselin* ‘Валаамова ослица».

В особую группу можно выделить отдельную идиому, в которой МК выражен адвербиальным определением, образованным от мифоантропонима:

Das ist mir Maria-Magdalenisch – это ‘выражение непонимания» (в русском языке соответствие не обнаружено).

Из проведенного исследования можно сделать вывод, что наиболее репрезентативными в немецком языке являются мифоантропонимы античного и библейского происхождения с МКА. В их числе: античных мифоантропонимов – 19 единиц; библейских мифоантропонимов – 35 единиц. В русском языке установлены идентичные идиомы, большинство из которых включают в себя те же МК. Однако не удалось установить в русском языке идиому, соответствующую немецкому выражению с МК *Das ist mir Maria-Magdalenisch*.

Список литературы

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Аквариум, 1995. 768 с.
2. Ловяникова В. В. Ономастическая фразеология в лингвокультурологическом аспекте на материале немецкого языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владикавказ, 2008. 20 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 198 с.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
5. Duden – Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. Vom Wissenschaftliche Rat der Dudenredaction – Paket, Mannheim, 2000.

ТИПЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В МЕЗОЛЕКТЕ КАРИБСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Дроздов А. В.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

drozdov.av1988@gmail.com

1. Цель данного исследования – изложить предварительные результаты исследования специфических черт мезолекта карибского варианта английского языка (далее МКВА), представленных заимствованиями – инновациями и архаизмами. Для исследования отбирались и рассматривались заимствования МКВА, созданные в соответствии со способами лексико-семантического словообразования [1, с.63].

2. В исследовании рассмотрены два вида заимствований МКВА – а) лексические инновации и б) лексические историзмы и архаизмы. Подвергнуты рассмотрению и анализу заимствования с испанского и португальского языков, французского креольского диалекта, африканских и индейских языков, лексические заимствования-карибизмы библейского происхождения, коранические слова и выражения, заимствованные в КВА через языки индийцев-мусульман.

3. Первый слой заимствованной лексики, рассмотренный в исследовании, являются архаизмы и историзмы КВА. При этом, архаизмы – это лексические единицы, пришедшие из британского (далее БрА) или американского вариантов английского языка (далее АМА), и вышедшие из употребления в БрА или АМА. Характерной чертой мезолекта КВА является экономный выбор слова, особенно в ситуациях, когда этот выбор не влияет на содержание высказывания (например, наличие лексической единицы *hand* в МКВА вместо британских *hand, arm*; или наличие лексемы *foot* в МКВА вместо лексем *foot, leg*) [2, р.281].

4. Для архаизмов, заимствованных в мезолект КВА с АМА или БрА, а также британских диалектов, характерно то, что они не проявляют признаков семантического развития. В этом случае не происходит развития их семантической структуры по сравнению с британскими или американскими исходными лексемами.

5. Историзмы, рассмотренные в исследовании, представляют собой устаревшие слова, обозначающие вышедшие из употребления, исчезнувшие предметы и явления объективной действительности Вест-Индии. Семантическое развитие историзмов-заимствований происходит на основе способа семантической деривации – метонимии в связи с такими семантическими моделями: 1) место → изделие; 2) мероприятие → его

участники; 3) место → его жители; 4) вещество → болезнь, вызванная этим веществом; 5) место → изделие; 6) мероприятие → его участники; 7) место → его жители; 8) вещество → болезнь, вызванная этим веществом. Для семантического развития заимствований-историзмов также характерны различные способы семантической деривации такие, как синекдоха, метафора, расширение и сужение значения, улучшение и ухудшение значения, каламбур и народная этимология. В отличие от архаизмов историзмы не имеют синонимов в КВА.

6. Семантическое развитие лексических заимствований-инноваций происходит на основе метонимических переносов (включая синекдоху в их составе) в соответствии с такими моделями: 1) цвет → человек, ассоциируемый с этим цветом; 2) результат действия → действие (процесс, состояние); 3) имя → действие; 4) одно вследствие другого; 5) действие → субъект действия; 6) место → то, что находится на этом месте; 7) свойство → тот, кто имеет это свойство; 8) место → его жители; 9) материал → изделие из него; 10) мероприятие → его участники; 11) имя изобретателя → его изобретение; 12) место → изделие из этого места; 13) предмет одежды → человек, который носит эту одежду.

7. В мезолекте КВА 20% лексических заимствований-инноваций развились на основе метафорического переноса в соответствии со следующими моделями: 1) по сходству формы; 2) по сходству цвета; 3) по сходству функции; 4) по сходству внешнего вида; 5) по характерным признакам; 6) в соответствии с моделью «животное → человек»; 7) в соответствии с моделью «человек → животное»; 8) по сходству структуры действия.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: ИЛИЯ, 1959. 351 с.
2. Allsopp, R. Dictionary of Caribbean English Usage. Ed. by R. Allsopp. With French and Spanish Supplement ed. by Jeannette Allsopp / Oxford University Press, 1996. 697p.

СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ МЕТАФОР ИСПАНСКОГО ПОЭТА ФЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКИ

*Дьяченко Т.О.,
Талалаева О.Г.*

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко», г. Луганск
info_lu@ltsu.org

Прежде чем исследовать лоркианскую метафорическую систему, необходимо иметь общее определение этого лингвистического феномена. Изучение языка и образности поэтических текстов требует чёткого представления о том, что такое метафора, какие условия подразумевают её использование, нашла ли классификация поэтического тропа своё отражение в поэзии Федерико Гарсиа Лорки.

В испанском языке метафора встречается часто, что позволяет говорить о ней как об одной из самых распространённых стилистических фигур. Она подразумевает использование лексемы в значении, которое является переносным и тем самым отличается от общепринятого. За время своего длительного существования метафора изучалась лингвистами и философами по причине своей комплексности понятия. Так, трактат «Поэтика», авторство которого принадлежит Аристотелю, определил художественный троп как «...перенесение слова с изменённым значением из рода в вид, или из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [1, с. 1096].

Нам предстоит определить, при каких же условиях используется стилистическая фигура.

Определение метафоры как неотъемлемой части исключительно поэтично-литературного языка – распространённое лингвистическое заблуждение. Несомненно, этот художественный троп встречается преимущественно в литературе, но он плотно закрепился и в повседневной речи. В этом случае метафора утрачивает свой фигуральный характер, становясь стёртой: кисть винограда, ножка стула и пр. Классификация испанского лингвиста Марии дель Кармен Бобес Навес является подтверждением этому явлению. В её работе «La metáfora» выделяются лингвистическая, литературная и повседневная метафоры [2, с. 10-11]. При этом литературная метафора свидетельствует о специфике художественного мира и мировоззрения поэта, в то время как лингвистическая и повседневная метафоры приравниваются друг к другу из-за потери чёткой лексической конфигурации своего значения. Из этого следует, что литературная метафора имеет индивидуально-авторский оттенок и встречается только в определённом тексте, тем самым не имея аналогов.

Поэзию Лорки по праву можно назвать жемчужиной испанской литературы. Логичным объяснением этому служит богатство образов и яркая метафоричность текстов. Как считал испанский поэт, любой художественный образ является результатом трансформации смысла или его переноса с одной лексемы на другую. Именно по этой причине предназначение метафорических оборотов заключается в передаче кардинально нового чувственного восприятия реалий того мира, в условиях которого живёт автор или лирический герой произведения. Лоркианская система метафор – не только художественно-стилистическая фигура, но и удачная попытка гармоничного сочетания реального и чувственного. Говоря о злободневности, испанский поэт прибегает к сопоставлению лексем, которые не употребляются совместно в общепринятых языковых условиях. Это позволяет достичь нужного эффекта и оказать сильное эстетическое воздействие на аудиторию.

Анализ метафорической системы поэзии Гарсиа Лорки позволяет сгруппировать её элементы исходя из характера транспозиции лексического значения [3, с. 311-312]. Рассмотрим эти группы более подробно.

Часть человеческого тела – элемент живой природы. В этом случае имеет место своеобразная персонификация природных элементов и явлений посредством их номинации физическими и анатомическими лексемами: «*La pierda es una espalda para llevar al tiempo*» («*Cuerpo presente*», 1935). Здесь существительное «*pierda*» (камень) метафорически сопоставляется с существительным «*espalda*» (спина). Не менее интересным примером является и строка из второго стихотворения цикла «*Nocturnos de la ventana*» (1921-1924): «*Un gran brazo moreno / con pulseras del agua*». Из предыдущей строфы становится ясно, что под метафорой «*un gran brazo moreno*» (досл. «смуглая рука») подразумевается ночь. Таким образом, существительное «*brazo*» (рука) ассоциируется с существительным «*noche*» (ночь), которое не употребляется в данной строке, но восстанавливается читателем из контекста.

Элемент живой природы – фауна и её представители. Объекты и явления живой природы воплощаются в поэтических текстах Лорки в лице животных: «*Y el agua era una paloma*» («*Vuelta a la ciudad*», 1930). Чётко прослеживается метафорическое сопоставление воды («*agua*») с голубем («*paloma*»). В стихотворении «*Diván de Tamarit*» (1936) встречается метафора, в которой ветры предстают в образе фазанов: «*El viento nublado y el viento limpio / son dos faisanes que vuelan por las torres*».

Элемент живой природы – флора и её представители. Эта группа имеет сходство с предыдущей за исключением лишь того, что животных заменяют растения: «*Las estrellas de la noche / se volvieron campanillas*» («*San Gabriel*», 1924-1927). Строка наглядно демонстрирует сопоставление ночных звёзд («*estrellas de la noche*») с колокольчиками («*campanillas*»). В поэтическом тексте «*Ruina*» (1929-1930) образ городского воздуха

раскрывается в метафоре «*manzana oscura*» (досл. «тёмное яблоко»): «*Y el aire una manzana oscura*».

Часть человеческого тела – фауна и флора. Как и в первом случае, имеет место просопопея: растительный и животный миры «очеловечиваются» в метафорах Гарсиа Лорки. В поэтических строках «*La mano crispada / tiene / algo de topo y / mariposa indecisa*» («*Conjuro*», 1921) можно отметить сопоставление руки с крылом моли или бабочки. Если говорить о метафоре, которая олицетворяет представителей флоры, ярким примером служит сопоставление ароматных дынь с округлостями смуглого женского тела: «*De los negros melones de tus pechos*» («*Eros con bastón*», 1921-1924).

Помимо этих многочисленных метафорических групп, существуют и другие. Так, неживые объекты сопоставляются с людьми и животными, одни представители флоры и фауны – с другими и пр. Это лишь подчёркивает богатство лоркианской системы метафор, которые широко используются испанским поэтом в текстах.

Анализ системы метафор Лорки подразумевает вывод, затрагивающий роль, которую играет богатство метафорических фигур в поэтических текстах. Помимо интенсификации подтекстовой информации и эстетического воздействия ею на сознание аудитории, лингвисты отмечают и множественность читательского восприятия. Каждый читатель исходя из собственного жизненного опыта, мировоззрения и суждений трактует метафоры по-своему, что делает возможным комплексный анализ той смысловой составляющей, которую несёт в себе поэтический текст. Таким образом, можно говорить о разнообразии метафор как о плодотворной почве для воссоздания многогранной концепции авторского мира.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 1998. С. 1064-1112.
2. Bobes Naves, Maria del Carmen. La metáfora. – Madrid: Editorial Gredos, 2004. 228 p.
3. Zardoya, Concha. La técnica metafórica de Federico García Lorca / Concha Zardoya // Revista Hispánica Moderna. 1954. № 4. P. 295-326.

ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫЕ ЛЕКСЕМЫ, НОМИНИРУЮЩИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)

Козачек С. А.

Басыров Ш. Р., д. филол. наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Лингвистика 21 века характеризуется особым вниманием к человеку как объекту и субъекту речемыслительной деятельности. Следует отметить, что большой интерес у исследователей вызывает интеллект и особенности гендерной маркированности в различных языках.

Настоящая работа посвящена изучению лексем, номинирующих интеллектуальные способности мужчин и женщин (в немецком разговорном языке), например: *Blödmann, m* «глупый мужчина», *Kuh, f* «глупая женщина».

Актуальность избранной темы заключается в том, что лексическая вербализация мужского и женского интеллекта до сегодняшнего времени недостаточно полно изучена.

Целью работы является выявление особенностей гендерно маркированных единиц по признаку «мужской-женский интеллект».

Материалом исследования послужили 200 единиц, отобранных путем сплошной выборки из словарей немецкого разговорного языка.

В ходе анализа лексем, номинирующих интеллект мужчин и женщин, были выявлены три группы:

1. лексемы характеризующие интеллект только мужчин (25 ед.): *Dummbart, m* «глупый мужчина», *Blödmann, m* «дурак», *Klassenbester, m* «лучший ученик в классе»;

2. лексемы, номинирующие интеллектуальные способности только женщин (30 ед.): *Kuh, f* «глупая женщина», *Gans, f* «неопытная девушка», *Klugrednerin, f* «девушка-всезнайка»;

3. лексемы, называющие интеллектуальные способности как мужчин, так и женщин (145 ед.): *Dummer, m* «глупец», *Anfänger, m* «неопытный человек», *Gedächtnisakrobat, m* «человек с хорошей памятью».

Анализ эмпирического материала позволил сделать следующие обобщения:

1) интеллектуальные способности человека обладают в немецком разговорном языке яркой эмоциональностью, экспрессивностью и оценочностью, ср. *Hohlkopf, m* «глупец» (букв. пустая голова);

2) количественно преобладают лексемы с негативной оценкой интеллектуальных способностей человека (152 ед.), среди которых удельный вес отрицательно коннотированных лексем для обозначения женского пола выше (25 ед.), чем для номинации лиц мужского пола (18 ед.);

3) вербализация интеллекта в немецком разговорном языке часто происходит на основе метафор живой и неживой природы. Глупость часто метафорически и метонимически ассоциируется с животным миром (образы осла, овцы, гуся, коровы и т.д.), природными твердыми материалами (дерево, жезл), частью человеческого тела (голова, борода), молодостью/незрелостью, а ум – со скоростью, спортом и учебой, например: *Esel, m* (букв. осел) «глупец», *Grünschnabel, m* (букв. зеленый клюв) «неопытный человек», *Philosoph, m* (букв. философ) «умник».

Список литературы

1. Кравцова Н. М. Структура интеллектуальных способностей человека [Электронный ресурс]. URL: <http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=8132>
2. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук/ Леонтьева Т. В. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/intellekt-cheloveka-v-zerkale-russkogo-jazyka.html>
3. Ломохова С. А. Эмоциональность как компонент разговорной речи на примере немецкого языка [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnost-kak-komponent-razgovornoj-rechi-na-primere-nemetskogo-yazyka>

УДК 811.134.2

НОВОСТНЫЕ ТЕКСТЫ ИСПАНСКИХ СМИ В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Кочаровская Е.В.

Вишнякова Э.А., канд. пед. наук, доцент

ФГБОУВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск
info@pgu.ru

В эпоху информационного общества анализ своеобразия языка в новостных текстах является важным вопросом, так как в связи с эволюцией техники, с увеличением объема информации, с разворачиванием межнациональных контактов из-за непрерывно изменяющейся политической обстановки, с улучшением средств и способов популяризации СМИ, статьи в газетах становятся все значимей для людей. Как подчеркивают отечественные языковеды, в Испании фиксируется сильнейшее развитие СМИ наравне с плавно снижающимся интересом к художественной литературе [3].

Стоит отметить, что национально-культурное своеобразие текста – это комплекс этнических моделей речевого поведения, обусловленные этническим своеобразием мышления и свойственные для значительной доли

представителей этноса. Со стороны языкознания, испанский язык является крайне ценным для изучения и анализа [2].

Ниже мы рассмотрим некоторые примеры национально-культурной специфики испанского новостного текста.

Итак, достаточно наглядно в испанском языке СМИ национально-культурную самобытность демонстрирует лексика наряду с пословицами, поговорками и фразеологизмами, так как они сильнее соединены с экстралингвистическими реалиями, чем единицы других уровней.

Также, ярким примером особенностей языка массмедиа являются прецедентные тексты. Явление прецедентности базируется на общих социальных, культурных и лингвистических знаниях коммуниканта и реципиента и образуют языковую картину мира языка. Источники таких текстов – фразеологизмы, афоризмы, названия кинофильмов, художественных и музыкальных произведений и так далее. Прецедентным может стать имя, слово, фраза или текст вне зависимости от размера: от пословицы до поэмы. Например, в испанских СМИ превалируют отсылки к «Дон Кихоту» Сервантеса, а в колумбийских – к трудам Габриэля Гарсиа Маркеса [2].

Что касается заголовков, то в большинстве случаев, осуществляется усовершенствование и модификация общеизвестных афоризмов, пословиц и поговорок (*Sobre gustos se escribe todo; Vino, vio y cerró; Comer es poder*), заголовки книг и кинофильмов (*El amor en tiempos de guerra; El Procurador no tiene quien le escriba; 007, licencia para jugar; Último tango en Tokio*) [3].

Безусловно, показательным примером может служить сравнение заголовков испанских и российских массмедиа, которые освещают одно и то же событие. К примеру, победа испанской сборной на чемпионате мира по футболу 2010 года. Преимущественно в заголовках испанских средств массовой информации используются глаголы: *España triunfó en África; España recibió a sus héroes; ¡Somos campeones del mundo!*. В то же время, российские газеты предпочитают заголовки без глаголов: *Триумф сборной Испании по футболу; Лучшая игра испанцев; Справедливая победа испанцев*. В данном случае фундаментальное значение отводится имени [1].

В испанских СМИ также превалируют заимствования из официальных языков автономных областей: баскского, каталонского и галисийского. Чаще всего такие слова не адаптируют, а используют в виде прямого заимствования, без перевода. Тем не менее, они могут выделяться кавычками или курсивом.

Будучи членом Евросоюза, Испания подвергается также влиянию и в лексическом плане, например, появляются многочисленные словообразовательные неологизмы. Сегодня в испанских новостных текстах употребительны сложные слова с приставкой *euro*: *eurocomisión* («еврокомиссия»), *euromercado* («европейский рынок»), *europrestamo* («кредит в евровалютах») и так далее.

Таким образом, со стороны языкознания испанский язык является крайне ценным для изучения и анализа. Национально-культурная специфика

языка испанских СМИ проявляется на лексическом, прагматическом и грамматическом уровне как непосредственно текста, так и при выборе заголовка.

Список литературы

1. Верещинская Ю.В. Отражение испанской языковой картины мира в газетных заголовках // Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи. Тезисы конф.: Москва, 25-26 ноября 2010 / Под ред. Ю.Л.Оболенской, Д.Л.Гуревича, М.С.Снетковой. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 18-19.
2. Журавлева Е.В. Испанский газетный текст как источник национально-культурной информации: На материале пиренейского и колумбийского национальных вариантов: дис. ... канд. фил. наук. – М., 2006. – С. 40.
3. Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: Учеб. пособие / Н.М.Фирсова. – М.: АСТ: Восток. – Запад, 2007. – С. 86.

УДК 811.134.2

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАТОРА В ИСПАНСКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Кочаровская К.В.

Вишнякова Э.А., канд. пед. наук, доцент

ФГБОУВО «Пятигорский государственный университет», г. Пятигорск
info@pgu.ru

С появлением понятия личности в лингвистике стало возможным говорить о том, что личность осознаёт себя и своё место в мире, определяет свою роль в функционировании общества и языковом общении, своё отношение к принятым принципам и нормам ведения дискурса, творчески используя их в своей деятельности. Языковой личностью одновременно может являться любой человек, но зачастую в современном мире внимание на себя обращают звёзды сферы развлечения, политические и спортивные деятели.

Исходя из того, какие коммуникативные цели преследует комментатор, филолог Е.Г. Малышева выделяет семь коммуникативных типов языковых личностей комментаторов спортивных событий. В данном исследовании были изучены пять из них:

- комментатор - «репортёр»;
- комментатор - «аналитик»;
- комментатор - «знаток»;
- комментатор - «балагур»;
- комментатор - «болельщик» [2].

После анализа пяти коммуникативных типов спортивных комментаторов и тропов наиболее часто употребляемых каждым из них в

спортивном дискурсе можно прийти к выводу, что такие средства выразительности как метафора, метонимия, синекдоха, перифраза и эвфемизм часто используются в речи комментатора - «репортёра», чтобы избежать повторов в речи полностью посвященной описанию игры и добавить выразительности его речи. **Комментатор** - «аналитик» из-за аналитической направленности комментария добавляет в свою речь антитезу и эпитеты для усиления суждения. В дискурсе комментатора - «знатока» перифраза и гипербола проявляют свою оценочную функцию. **Комментатор** – «балагур» в связи с тем, что довольно часто ведёт разговор на неспортивные темы, может употреблять такие тропы и стилистические фигуры, как метафора, олицетворение и эпитеты. И наконец, **комментатор** - «болельщик» являясь равнодушным зрителем, выражает эмоции посредством антитезы, гиперболы, метафоры и иронии.

«Tuvo el tanto del empate pero el balón acaricia el palo»

«Balón a las manos de Cillessen tras una buena protección del esférico de Mascherano»

«Del Bosque alineará a los mismos once»

«Ese tipo de acciones son las que dan y quitan títulos»

В целом в лексике спортивных комментаторов чаще всего можно встретить следующие лексические особенности: лексика сниженного регистра, фразеологические терминосочетания, фразеологизмы, военная лексика, заимствованные слова, окказионализмы и аббревиации.

«Malísima pinta tiene España»

«Ramos tiene dos handicap»

«La polémica de Pedrito, el que no-ha-venido-a-hacer-grupo, solo se resuelve con un gol de Pedrito»

Синтаксические средства выразительности в языке спортивных комментаторов отвечают различным задачам: выразить заинтересованность или несогласие, поддержать диалог с аудиторией, дать совет или просто перечислить моменты игры. Для решения данных задач комментатор употребляет в речи: восклицательные предложения, риторические вопросы и обращения, парцелляцию, инверсию или бессоюзные предложения.

«Arrepentidos los quiere Dios»

«Piqué sale muy despistado. Demasiado»

«Para un partido bueno que tiene De Gea...»

Таким образом, спортивный дискурс в рамках как отечественной, так и испанской лингвистики до конца не исследован и требует дальнейшего изучения. Так как проблематика спорта для лингвистики достаточно актуальна, следует уделить должное внимания проблемам спортивного дискурса.

Список литературы

1. Зильберт Б.А Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи / Б.А. Зильберт, А.Б. Зильберт // Язык, сознание, коммуникация. М. – 2001. – Вып.17.

2. Малышева Е.Г. Дискурсивная языковая личность в русском спортивном дискурсе [Электронный ресурс] // Медиаскоп: электрон. науч. журн. Фак. журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. 2011. № 1. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/767> (13.04.2016).
3. Salazar S.G. El lenguaje deportivo entre coloquial y literario / S.G. Salazar // Isla de Arriarán: revista cultural y científica. 2002. №. 19.
4. ABC [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.abc.es.
5. El País [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.elpais.es.
6. La Vanguardia [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.lavanguardia.com.

УДК 811.133.1»42

СТИЛИСТИКА И ПРАГМАТИКА ФРАНЦУЗСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСОВ

Кравченко Д. И.

Гапотченко Н. Е., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Научные работы Ж.М.Адама, Д.Менгено, Ж.Мешлера, Е.Ю.Дьяковой, Кр.Байльона позволяют сделать вывод о том, что французский образовательный Интернет-дискурс – сложное коммуникативное явление, имеющее множество объективных характеристик, таких как анонимность, интерактивность, креолизованность и гипертекстуальность.

Отличительной чертой современных образовательных Интернет-дискурсов на французском языке является их комбинированный дискурсивный характер, наличие черт нескольких стилей, в частности, публицистического, научного и официально-делового. В результате проведенного нами количественного анализа стилистической принадлежности и креолизованности 91 французского образовательного Интернет-дискурса, опубликованного на 21 сайте мы выяснили, что 81,32% французских образовательных Интернет-дискурсов имеют принадлежность к двум и более стилям, креолизованные дискурсы (86,81%) преобладают над текстовыми (13,19%).

Каждый из представленных в Интернете образовательных дискурсов на французском языке имеет индивидуальную структуру, семантику, стилистическую и визуальную презентацию информации. Все эти факторы формируют креативность образовательного Интернет-дискурса, которая, однако, должна соответствовать литературным и общеупотребительным нормам национального языка [1].

Анализ образовательных дискурсов исследуемых нами французских сайтов позволил сделать вывод о том, что официальная тональность дискурсов и их направленность на широкую аудиторию способствуют

преимущественно использованию в них общеупотребительной (52,36%) и общетерминологической (25,47%) лексики на заявленную в названии дискурса тематику. Терминологические единицы с узкой научной или официальной направленностью и возможностью употребления в одной профессиональной образовательной сфере, являются менее многочисленными (22,17%).

Французские образовательные Интернет-дискурсы имеют отдельные грамматические особенности, которые проявляются индивидуально в связи с тематикой и прагматикой дискурса [2]. Например, восклицательные предложения позволяют передать в письменном дискурсе общую тональность, эмоциональный статус автора: восторг, удивление, негодование. Вопросительные предложения могут использоваться для запроса информации, для выражения удивления, возмущения, в качестве риторических вопросов. Стилистически и прагматически обусловленным является и употребление в образовательных дискурсах различных частей речи и их отдельных морфологических категорий.

Существует отдельная система невербальных средств, которые используются в современном образовательном Интернет-дискурсе. Например, использование смайликов заменяет человеческую мимику в Интернет-пространстве, помогает автору и адресату лучше понять друг друга. С этой же целью используют дублирование одной и той же буквы, выделение предложений заглавными буквами, повторение вопросительных и восклицательных знаков, звездочки и многоточия для замены грубых слов.

Разнообразные экстралингвистические приемы позволяют акцентировать внимание адресата на определенной информации дискурса, которая не всегда представлена на уровне текста. С этой целью используются рисунки, карикатуры, фотографии, графические значки, знаки препинания, пробелы итд. Во французской национальной картине мира и ее лингвокультурных приоритетах значительное место уделяется эмоциональному восприятию адресатом информационного посыла, поэтому во французских образовательных Интернет-дискурсах широко актуализируются разнообразные приемы инфографики.

В целом, лингво-стилистические и визуальные особенности реализации французских образовательных Интернет-дискурсов объясняются интенцией авторов и широкой социальной прагматикой самих дискурсов.

Список литературы

1. Дьякова Е.Ю. Дискурсивные стратегии образовательного дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. С. 139-148.
2. Adam J.-M. La linguistique textuelle. Introduction à l'analyse textuelle des discours. P. : Armand Colin, 2005. 234 p.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕЙОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Матюхова А.С.

Карасенко Е.А., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

1. Данная работа посвящена изучению существительных, которые представляют лексико-семантическую группу (далее ЛСГ) со значением «лжец» в современном немецком языке. Представленные лексемы входят в состав пейоративной лексики, то есть выражают негативную эмоциональную оценку путем создания образов, воспринимаемых данным языковым коллективом негативно в большей или меньшей степени с учетом морально-этических норм языкового употребления [1, с.2].

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в последнее время наблюдается возрастающий интерес лингвистов к исследованию негативно-окрашенной экспрессивной лексики, однако, эта проблема полностью не раскрыта. Материалом данного исследования служат 50 лексем современного немецкого языка, со значением «лжец», выбранные из словаря немецкого языка Duden Deutsches Universalwörterbuch [2].

2. Следует отметить, что на данный момент существуют различные определения понятия «пейоративности» – от табуированной лексики, т. е. жаргонизмов, сленга и арго, до нормативной лексики [1]. Однако практически все ученые сходятся во мнении, что пейоративная лексика пронизывает все слои человеческого общества, и она является неотъемлемой частью жизни человека. Количество пейоративов в настоящее время возрастает и это обусловлено негативным влиянием социума на жизнь человека. Поскольку исследуемые в данной работе лексемы со значением «лжец» имеют явно негативный эмоциональный окрас, из этого следует то, что данные лексемы относятся к пейоративной лексике.

3. В данной работе ЛСГ немецких слов со значением «лжец» проанализирована в трех направлениях – был проведен этимологический, частотный и семантический анализ.

3.1. Этимологический анализ немецких пейоративных лексем выявил, что большинство слов из данной ЛСГ имеют немецкие корни. Так, три лексемы – *Lügner* «лжец», *Dieb* – «вор», *Räuber* «грабитель» – появились еще в древневерхненемецком языке [2]. Также, анализ показал, что 13 немецких лексем со значением «лжец» восходят к другим языкам: к итальянскому (2), латинскому (2), французскому (2), английскому (2), древнееврейскому (1), чешскому (1), нидерландскому (1) и греческому (1) языкам, а так же к идишу (1) и ивриту (1). Как видно, больше всего лексем с пейоративным значением

«лжец» произошли от французского, английского, итальянского и латинского языков (всего 8), что можно объяснить географическим соседством данных государств с Германией.

3.2. Частотный анализ показал, что наиболее употребляемыми словами в современном немецком языке являются *Dieb* «вор», *Gangster* «гангстер», *Mörder* «убийца», *Räuber* «грабитель», *Verbrecher* «преступник»[3]. Примечательно то, что все эти слова относятся к оценочной категории слов, характеризующих человека не просто как лжеца-преступника, а человека, совершившего либо кражу, либо убийство, то есть являются словами с явно негативной коннотацией.

3.3. Семантический анализ показал, что все пейоративы можно разделить на такие семантические подгруппы:

– лексемы с эксплицитным значением “мошенник” – *Bandit*, *Bauernfänger*;

– лексемы с эксплицитным значением “лжец” – *Erzlügner*, *Fabulant*, *Fantast*;

– лексемы с эксплицитным значением “преступник” – *Dieb*, *Gangster*, *Krimineller*;

– лексемы с эксплицитным значением “негодяй” – *Spitzbube*, *Schurke*, *Schuft*.

4. Разнообразие, частое употребление и давнее происхождение пейоративной лексики свидетельствует о том, что, к сожалению, плохие поступки сопровождали и сопровождают социальную жизнь человека на протяжении всей истории, поэтому исследование негативно окрашенной лексики всегда является актуальным.

Список литературы

1. Ковалевская А.В. Структура и лексическое наполнение микрополя «пейоративные наименования лица» // Вестник ТГУ. 2008. №2. С. 4.
2. DUW : Duden Deutsches Universalwörterbuch // Hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat u. den Mitarbeitern der Dudenredaktion ; unter der Leitung von G. Drosdowski. – 3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich : Dudenverlag, 1996. 1816 S.
3. Duden : Duden online. Bibliografisches Institut, 2017. URL. : www.duden.de

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТОПОНИМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ОБОЗНАЧЕНИЙ ПРОСТРАНСТВА В ПРИРОДЕ)

Пономарёва А. А.

Рочняк Е. В. канд. филос. наук, доцент

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка

ro4nja@yandex.ru

В последнее время всё возрастающий интерес у лингвистов вызывает изучение периферийных разделов языкознания, к которым можно отнести сравнительно молодую науку топонимику.

Топонимика считается частью лингвистики в связи с тем, что географические названия являются частью словарного состава языка. Однако интегральный характер науки прослеживается также в её тесной взаимосвязи с географией и историей, в силу того, что географические названия всегда принадлежат к определённой территории, отражают географические понятия и закономерности, сохраняются надолго, становясь своеобразными историческими памятниками.

Как подчёркивает известный белорусский топонимист В.А. Жучкевич, «интерес к именам собственным, и в частности к географическим названиям, особенно к их смысловому значению, проявляли ещё учёные античной древности. Известны древнеегипетские тексты, представляющие собою собрание географических названий и их классификацию. Вопросы топонимики рассматривались в трудах по истории, географии и языкознанию с глубокой древности до наших дней, хотя сам термин «топонимика» появился лишь в начале XX века».[2, с. 8]

Топонимы относятся к классу онимов (имён собственных). Они возникли из апеллятивов (имён нарицательных) на сравнительно поздней стадии развития языка. Изначально же, древнейшие языки не имели онимов. Роль имён собственных в них играли апеллятивы и определительные словосочетания, которые с течением времени приобретали всё большую устойчивость. Их примерами могут быть такие, как «Где вода шумит», «Где рыбу ловили», «Большая гора» и т.д.

Но, в связи с тем, что в количественном отношении число апеллятивов и устойчивых словосочетаний было ограничено, такие обозначения, со временем, обособились в класс онимов. Таким образом происходил процесс топонимизации апеллятивов. Следовательно, появление топонимов связано с индивидуализацией и конкретизацией общего понятия. [2, с. 12]

Рассмотрим данное утверждение более конкретно на примере немецкого языка.

Так, многие названия рек в немецком языке уходят своими корнями в далёкое прошлое и в качестве основы имеют индогерманские корни,

являющиеся обозначением водного пространства в целом: *Fluss* («река»), *fließen* («течь»), *Bach* («ручей»), *Wasser* («вода»), *Wasserlauf* («течение реки»). [3]

Потамоним (название реки) *Rhein* восходит к индогерманскому корню *ri/re/erie – fließen* («течь»). *Rhein, ahd., mhd. Rin* имел первоначальное название *Reinos* со значением *Fluss, Strom* («многоводная река, впадающая в море»).

Потамонимы *Ahr* и *Aar* происходят от древнегерманского *aha: ahd.* – *Wasser* («вода»), *germ. ahwo – fließendes Wasser* («текущая вода»).

Потамоним *Elster* образовано при помощи индогерманского корня *el-, al-* или *ol-* (*str* – германское окончание), который восходит к слову *strömen* («струиться»).

Корень *el-, al-* содержится во многих потамонимах: *Elz, Elsen, Aller*.

Основные названия озёр (лимнонимы) также восходят к апеллятивам. Например, лимнонимы *das Große Meer, das Zwischenahner Meer, das Steinhuder Meer* содержат апеллятив *das Meer* («большое озеро»), который используется в значении *stehendes Gewässer* («стоячий водоём») – от *mnd. mer[e] – Meer, Binnensee* («внутриматериковое озеро»). [4]

Многие оронимы (названия гор) также произошли от апеллятивов *der Berg* («гора»), *die Berge* («горы»), *die Bergweide* («гористая местность, покрытая лесами»).

Например, древние корни *alb – Berg, alba – Bergweide* содержатся во многих названиях гор и горных массивов: *Schwäbische Alb, Alpen (Plural), die Fränkische Alb*.

Проведённый этимологический анализ на основе немецких топонимов доказал, что процесс топонимизации происходит посредством перехода апеллятивов в категорию онимов. Таким образом, топонимы появились и появляются из слов нарицательных в процессе конкретизации и индивидуализации географических понятий.

Список литературы

1. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Изд. 2-е, испр. и доп. Минск, «Вышэйш. школа», 1968.
2. Berger D.: Duden, Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. – 2., überarb. Aufl. - Mannheim; Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.
3. Duden. Band 7. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie. Nachdr. D. 2. völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Bearb. Drosdowski G. Mannheim u.a. Bibliogr. Inst., 1997.
4. Топонимика [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энцикл. – Электрон. дан. – [Б. м.], 2017. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Топонимика>

СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО GLÜCK, ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ И СИНОНИМОВ

Рыбка К.В.

Басыров Ш. Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Данное исследование посвящено лексической вербализации понятий *das Glück* «счастье» и *das Unglück* «несчастье» в современном немецком языке.

Актуальность избранной темы обусловлено высокой значимостью и ценностью данных понятий в жизни каждого человека, которое вербализуются в разных языках с различной активностью и своеобразием, в том числе и в лексической системе современного немецкого языка.

Целью настоящего исследования является выявление способов и средств вербализации счастья и несчастья в лексике немецкого языка.

Материалом исследования послужили языковые единицы, отобранные путем сплошной выборки из таких словарей: «Большой немецко-русский словарь» под ред. проф. О.И. Москальской, G.Wahrig «Deutsches Wörterbuch», «Duden. Deutsches Universalwörterbuch». Общий объем выборки составил 32 единицы со значением «счастье» и 9 единиц со значением «несчастье».

Структурно-словообразовательный анализ существительного *das Glück*, его производных и синонимов позволил установить следующие типы:

1) корневые (непроизводные) слова (3 ед.), например: *der Segen* «счастье, благословение»;

2) сложные существительные (23 ед.), которые распадаются на слова, образованные:

а) путем простого сложения основ, т.е. без участия соединительного элемента (5 ед.), например: *das Glück* «счастье» + *der Wunsch* «желание, пожелание» → *der Glückwunsch* «поздравление»;

б) при помощи соединительного элемента **-s-** (20 ед.), например: *das Glück* «счастье» + **-s-** + *das Kind* «ребенок» → *das Glückskind* «счастливчик, везунчик; *das Unglück* «несчастье» + **-s-** + *der Bote* «вестник» → *der Unglücksbote* «роковая весть»;

3) префиксальные существительные (2 ед.): *das Unglück* «несчастье» (← *das Glück* «счастье»);

4) суффиксальные существительные (6 ед.), в образовании которых принимают участие суффиксы **-keit**, **-igkeit** (*die Glückseligkeit* «блаженство» ← *glücklich* «счастливый, блаженный»);

5) сращения (1ед.), например: *der Glücksbringer* «талисман» (← *Glück bringen* «приносить счастье»);

6) конверсия (3 ед.), например: *der Glückliche* «счастливец» (← *glücklich*); *das Gelingen* «удача, успех» (← *gelingen*);

7) семантическая деривация (3 ед.), т.е. появление у слова переносного (метафорического или метонимического) значения, например: *das Schwein* «свинья»; (разг.) «везение».

Список литературы

1. Москальская О. И. Большой немецко-русский словарь в 2 томах. М., 2002. Т. 1. С. 760; Т. 2. С. 656
2. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1986. С. 1493
3. Duden. Deutsches Universalwörterbuch 3., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Auf der Grundlage der neuen amtlichen rechtsschreibregeln. Bearbeitet von Günther Drosdowski und der Dudenredaktion Mannheim. Leipzig; Wien; Zürich; Dudenverl., 2002. С. 1993

УДК 811.112.2:81»367.624

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сафонова Е.В.

Басыров Ш.Р., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

katerina_safonova@rambler.ru

1. Вводные замечания. В настоящее время исследование семантики является одним из самых актуальных вопросов в современной лингвистике. Категория пространства всегда привлекала к себе внимание учёных различных отраслей знаний. Немало места уделялось проблеме категории пространства в лингвистике, а также пространственным отношениям в языке. Действительно, «пространственные значения являются первоосновой многих языковых средств обозначения, как на уровне слова, так и на уровне структуры предложения. Это подтверждает, что восприятие пространства - одно из первых и элементарных проявлений познания мира человека» [1, с. 127-135].

Объектом настоящего исследования являются пространственные наречия (ПН), а **предметом** – структура и семантика немецких ПН.

Цель работы заключается в систематизации ПН немецкого языка.

2. Семантические группы немецких ПН. В ходе анализа семантики ПН было выявлено 28 групп локальных наречий, охватывающих 204

пространственных наречия. При классификации ПН некоторые наречия входят в несколько групп, так как они являются многозначными, а за единицу анализу в работе берется ПН в одном значении.

Самой многочисленной оказалась группа ПН со значением «**вниз, внизу, книзу**» (*dahinab, herunter, hinab, untenherum* и др.) и группа ПН со значением «**вокруг, повсюду**» (*allerseits, allerwegs, überall* и др.). Эти группы насчитывают по 18 лексем каждая (или 8,2%). Четыре семантические группы являются малопродуктивными, насчитывают по 2 ПН каждая (или 0,92%) и имеют следующие пространственные значения: 1) «**под этим**»(*darunter*); 2) «**на это, на этом**»(*hierauf*); 3) «**где, где-либо**»(*wo, woanders*); 4) «**там, в том месте**»(*alldort*).

В остаточную группу входят ПН, не вошедшие ни в одну из 28 смысловых групп (*auswegs, daheim, hinein, rundweg*) (7 единиц или 3,2%).

3. Немецкие ПН и их соответствия в русском языке

Большинство немецких ПН имеют соответствия в русском языке. Так, например, простые по структуре наречия типа *dort, da, hier* имеют в русском языке следующие соответствия «там», «тут», «здесь».

Приведем пример из новеллы Стефана Цвейга «Episode am Genfer See» («Случай на Женевском озере» - перевод П. Бернштейн):

...nacktbeinige Mensch in seiner schlotternden Hose und Jacke auf das Amtshaus gebracht und dort in Verwahr genommen '... мокрый и босой, в болтающейся на нем одежде, человек был отправлен в общинное управление и заперт там».

Следует, однако, отметить, что при переводе некоторых немецких ПН, образованных путем словосложения, переводчик иногда прибегает к различного типа трансформациям, а также использует опущения. Так, в ниже приведенном примере переводчик опускает перевод ПН *drüben* «с той стороны»:

Keine Antwort kommt von drüben 'Молчание»(букв. 'Нет ответа с той/другой стороны» – Пер. мой).

4. Выводы

4.1 В немецком языке пространственные наречия представляют собой многочисленный класс (204 ед.).

4.2 Многие пространственные наречия являются многозначными.

4.3 Анализируемые ПН образуют 28 семантических групп. Продуктивность этих групп неодинаковая.

4.4 Большинство немецких ПН имеют соответствия в русском языке. При переводе некоторых немецких ПН, образованных путем словосложения, переводчик использует разного рода трансформации и опущения.

Список литературы

1. Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств [Текст] / М.: Языки русской культуры, 2000, с. 127-135.

2. Большой немецко-русский словарь [Текст] / Под ред. О. И. Москальской в 2-х томах. – Т.1. М.: Русский язык Медиа, Дрофа. 2001. 2112 с.
3. Панкратова М. Е. Семантика наречного слова в современном английском языке (на материале пространственных наречий): автореферат дис. [Текст] / М. Е. Панкратова. В. : ВГУ. 2015. 17 с.

УДК 811.112.2:81`373.237

ТИПЫ ЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НЕПОСРЕДСТВЕННО СОСТАВЛЯЮЩИМИ В НЕМЕЦКИХ СУБСТАНТИВНЫХ ТЕРМИНАХ АВТОМОБИЛЕСТРОЕНИЯ

Ткешелашвили Д.Ю.

Петренко А.Д., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

Компоненты сложных субстантивных терминов автомобилестроения (далее СТА) располагаются в определенном порядке, соответствующем их синтаксическим отношениям. Основной исследовательский интерес концентрируется вокруг проблем субстантивных терминов автомобилестроения в немецком языке, а также их структуры и семантики.

Актуальность избранной темы обусловлена также и тем, что в настоящее время вопрос о композитообразовании в подязыке автомобильной лексики изучен недостаточно. Это связано с постоянным обновлением данного пласта терминологии – появляются новые понятия, выходят из употребления и постепенно забываются устаревшие термины.

Объектом настоящего исследования послужили немецкие термины подязыка автомобильной техники и автосервиса.

Предметом исследования являются структура и семантика субстантивных терминов автомобилестроения в немецком языке.

Материалом исследования стала картотека объемом 1900 субстантивных терминов, созданная путем выборки из «Немецко – русского словаря по автомобильной технике и автосервису» [1].

Целью исследования является выявление отношений между непосредственно составляющими в немецких субстантивных терминах автомобилестроения.

Для достижения поставленной цели в работе решаются две основные задачи: задачи:

1. Описать особенности композитов подязыка автомобильной техники и автосервиса;
2. Установить степень продуктивности субмоделей немецких композитов.

К наиболее часто встречающимся типам семантических отношений между непосредственно-составляющих композитных СТА относятся семь подтипов, в частности:

1) отношение месторасположения (А находится в Б), в автомобильной терминологии к данному типу семантических отношений между непосредственно составляющими (далее НС) относится около 7,5% СТА (75 единиц), напр.: *die Stütz / backe* «тормозная колодка на одной неподвижной опоре»;

2) отношение предназначения (пригодный, предназначенный для чего-либо), этот тип, охватывает около 7% (70 единиц) и распадается на два подтипа по следующим признакам:

а) месту: *der Auto / sitz* «автомобильное сиденье; *der Antriebs / kasten* «коробка передач»;

б) предмету, материалу: *der Blei / dichtungsring* «свинцовое уплотнительное кольцо»; *der Stahl / akkumulator* «щелочная батарея»;

3) отношению сравнения (А сходно с Б), этот тип отношений между НС представляет лишь 1,5% СТА (15 ед.); напр.: *der Anker / bolzen* «фундаментный болт»; *die Blatt / feder* «листовая рессора»;

4) А состоит из Б, дифференцированное по отдельным составным частям, данный тип определительных композитных СТА является немногочисленным (около 1% или (10 единиц): *der Bürsten / satz* «комплект щеток стартера»; *die Dreihebel / zündanlage* «система зажигания с тремя прерывателями»;

5) А есть часть Б, в автомобильной терминологии по данному типу семантических отношений между НС построено около 38,5% СТА (385 единиц) [2, с. 160]. Данный тип является одним из самых продуктивных в автомобильной терминологии немецкого языка, напр.: *die Fenster / scheinbe* «оконное стекло»; *das Pumpen / teil* «насосная часть топливного насоса»; *der Gangwähler / hebel* «рычаг преселектора»;

б) отношение производства, дифференцированное по признаку Б производит А: *der Panhardstab* «тяга Панара «поперечная тяга, шарнирно закрепленная на кузове и балке моста»; *der Rzeppa-Gleichlaufgelenk* «шарнир равных угловых скоростей Рцеппа».

Данный тип определительных композитных СТА составляет около 5% (50 единиц).

7) отношение назначения (А есть назначение для Б), композиты, относящиеся к этому типу семантических отношений между НС составляют самую многочисленную группу (около 39,5% или 395 ед.) [1, с. 123,130,140,145]; Например: *die Dichtungs / leiste* «уплотняющий поясок»;

der Auszieh / hacken «крючок для подъема щеточных пружин стартера»;

der Blockier / verhinderer «противоблокировочное устройство тормозной системы».

Список литературы

1. Дормидонтов Е.А., Малаховский Я.Э. Немецко-русский словарь по автомобильной технике и автосервису. М.: РУССО, 2004. 832 с.
2. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Sprache. Tübingen: Niemezer, 1995. 382 S.

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЭЛЕМЕНТАМИ *-BURG* И *-RODE* И ИХ ПЕРЕДАЧА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Томилина Ю.В.

Усова Н.В. к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

germanistik.dn@mail.ru

1. Работа посвящена исследованию компонентного состава топонимов. Ключевым понятием проведенного исследования является термин «топоним», собственное имя любого географического объекта [2, с. 36].

Актуальность темы обусловлена необходимостью детального рассмотрения и систематизации онимных единиц. Тема компонентного состава топонимов широко исследовалась как лингвистами Германии – Э. Ферстеманном, А. Бахом, Э. Шварцом, Р. Фишером, Х. Вальтером, Э. Эйхлером, Т. Витковским и др., так и отечественными языковедами – В. А. Никоновым, А. В. Суперанской, В. А. Жучкевичем, Е. М. Поспеловым. Вместе с тем она все еще требует дополнительных исследований в историко-этимологическом аспекте. Наше исследование опирается на научные труды Р. Фишера, В. В. Кузикова, Н. В. Подольской.

Объектом рассмотрения являются топонимы немецкого языка со словообразовательными элементами *-burg*, *-rode*; предметом – этимологические и исторически обусловленные трансформации в структуре и семантике исследуемых единиц.

Цель работы заключается в том, чтобы отследить особенности возникновения, укоренения в немецком языке указанных лексических единиц, выявить их структурные и семантические изменения в ходе исторического развития, а также способы передачи в русский язык.

Материал исследования составляют названия 157 населенных пунктов Германии; из них 13 – со словообразовательным элементом *-rode* и 144 с компонентом *-burg*, а также их русские эквиваленты.

2. Топонимы с компонентом *-rode*.

Компонент *-rode* в диалектальном оформлении свидетельствует о расчистке земли, которая проводилась на протяжении всей раннефеодальной эпохи и состояла в корчевании лесных массивов, необходимых при создании новых населенных пунктов VI-VIII вв. Словообразовательный элемент *-rode* восходит к древневерхнемецкому (дрвн.) имени существительному *riuti* «расчищенный участок» (глагольное образование от дрвн. *riuten* «корчевать»). Как показывают диалектальные варианты, дрвн. форма *riuti* более близка восточнофранкской форме *reut*, где переход *iu* в *eu* – результат средневерхнемецкой дифтонгизации. Примером тому служит ойконим

Bayreuth «Байройт», имеющий форму *Bayreith* в современном баварском диалекте.

Однако существует также ряд топонимов, содержащих элемент *-rode* лишь в древних формах. Например:

Ойконим *Burcharderode* (1020 г.) в составе предложной конструкции *bī Burchardesrode* означал «у расчищенного участка Бурхарда». Со временем семантическая мотивированность ойконимов стала для общества несущественной. Вместе с тем появилась потребность в дифференциации селения среди других однотипных; но такую функцию мог выполнять и средневерхненемецкий ойконим *Burchardes* (1160 г.), нововверхненемецкий *Burkhards* [4, с. 130]. Эту форму ойконим получил в результате усечения компонента *-rode*. По предположению Кузикова, компонент *-rode* первоначально входил в состав большинства генитивных образований, семантически связанных с развитием частного землевладения [4, с. 53].

3. Топонимы с компонентом *-burg*

Как самостоятельная лексическая единица *Burg* в настоящее время означает «укрепленное оборонительное или жилое сооружение». В древневерхненемецкий период, в составе личных имен, этот элемент имел значение «защита» (*fridu-burgo*), что дает основание утверждать, что и в составе топонима он сохранял подобное значение [3, с. 108].

Сведения о названиях ранних германских поселений дошли до наших дней в работах античных писателей. Так, у Тацита найдено упоминание крепости *Asciburgium* «*Eschenberg, -burg*» [1, с. 14]. Во многих случаях наименования латинского происхождения подвергались калькированию. Например, наименование поселения Регенсбург (современный *Regensburg*), возникшее первоначально (в III в.) на латыни, имело вид *Regino/Regina Castra* «крепость на реке Реген» [3, с. 39]. Затем, подвергшись калькированию, приняло форму *Reganisburg* (794 г.), которая употреблялась до XI века. Среди первоначальных вариантов топонима встречались также *Radasbona, Ratisbona*, в которых компонент *-bona* имел значение «сооружение, пристройка».

К древневерхненемецкому периоду возникновения можно отнести и ряд других топонимов, среди них:

Dieburg «Дибург» – (*Diteburg* 1222 г), первый компонент которого восходит к дрвн. слову *diot* «народ», а второй означает «крепость».

Одним из самых распространенных компонентов в составе названий поселений кельтского периода был *-dunum* «крепость, гора, высоко расположенное укрепление», генетически родственный немецкому *Burg*. Так, современное название города *Ladenburg* «Ладенбург» изначально имело форму *Lopodunum*.

В эпоху развитого феодализма XI-XV вв. возникали новые поселения:

Schaumburg «Шаумбург» – «крепость, которая видна с большого расстояния» (1158 *Schowenburg*). [4, с. 124].

Sonnenberg «Зонненберг» – крепость, названная так из-за своего расположения на солнечном склоне горы (1181 *Sunnenberg (burg)*, 1317 *daz hus zu Sunnenberg und Röten die stat*). *Sonne* «солнце» в дрвн. имело форму *sunna*, в средневерхненемецком *sunne*. В значении названия крепости *Sonnenberg* «солнечная гора» встречается довольно часто [4, с. 126].

4. Как видим, большинство ойконимов с компонентом *-rode* относится к древневерхненемецкому периоду возникновения (за исключением *Burcharderode*), и мотивировано значением этого компонента – «расчистка».

Компонент *-burg* в топонимах хронологически и этимологически обусловлен. В топонимах с компонентом *-dunum* «крепость, гора, высоко расположенное укрепление», в дальнейшем были заменены семантически идентичным *-burg*. Топонимы латинского происхождения, подвергнувшись калькированию, получили в состав названия компонент *-burg*. Средневековые крепости сооружались на возвышенных местах, этим обусловлено присутствие в названии компонента *-berg*, который затем трансформировался в *-burg*.

На русский язык исследуемые топонимные компоненты передаются главным образом путем транслитерации: *Wernigerode* – Вернигероде, *Sonnenberg* – Зонненберг, *Ladenburg* – Ладенбург, *Regensburg* – Регенсбург; и транскрипции: *Schaumburg* – Шаумбург, *Dieburg* – Дибург, *Burkhards* – Бурхард.

Список литературы

1. Кузиков В. В. Топонимика немецкого языка. Уфа: Изд-во Башкирского ун-та, 1985. 80 с.
2. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Наука, 1973. 367 с.
3. Топорова Т. В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М.: Шк. яз. рус. культуры, 1996. 254 с.
4. Fleischer R., Eichle E., Nauman H., Jans W. *Namen deutscher Städte*. Berlin: Akad.-Vorlag, 1963. 136 S.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АВТОРСКОГО ТЕКСТОТВОРЕНИЯ

Туболева А.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
taa2911@yandex.ua

В последние годы появился ряд работ, где художественный текст рассматривается с позиции когнитивной лингвистики, в которых главная роль отведена творцу текста – его автору. основополагающей идеей указанного подхода можно назвать тезис о том, что за художественным текстом стоит концептуальная, смысловая система его автора, которая обеспечивает порождение текста и его понимание. Следует подчеркнуть, что когнитивный подход открывает новые пласты в исследовании текста как явления и дает возможность рассматривать проблему автора и текста в связи с проблемами концептуально-когнитивной организации текста. Современные исследователи текста рассматривают его как динамический вербально-невербальный объект, который порожден индивидуальным сознанием и фиксирует его специфику. Понимание текста как коммуникативного и смыслового единства, созданного с эстетической целью, подводит нас к необходимости анализа того, что это единство порождает. В этом аспекте проблема когнитивной, смысловой и коммуникативной целостности текста может быть решена через актуализацию категории авторского сознания и через изучение механизмов этой важной когнитивной области. Следует особенно отметить, что когнитивный аспект данного явления предусматривает обязательную репрезентацию когнитивных составляющих области авторского сознания в вербальных знаках [1:8].

Использование когнитивного и психолингвистического подхода к тексту в процессе исследования его организационного центра (авторского сознания) не только целесообразно, но и обязательно. Феномен сознания автора не может быть проанализирован без объяснения особенностей его концептуальных систем и когнитивных баз как языковой личности. Имеется в виду в первую очередь деятельность авторского сознания как специфической работы мышления, которая способна не только воспринимать, но и формировать смысл [2:35].

Предлагаемый подход дает возможность глубже понять работу сознания, точнее проанализировать соотношение типичного и субъективного в процессе эстетической языковой деятельности, описать участие определенных структур в реализации когнитивных и креативных механизмов при создании тех или иных моделей мира (то есть текстов) средствами художественного и нехудожественного языка.

Одним из важнейших постулатов когнитологии текста есть тезис о том, что использование языковых единиц в текстообразовании всегда является отражением субъективных средств интеграции смысла : говорящий использует язык для адекватной реализации своего замысла, для акцентирования важнейших особых смыслов.

Оперируя понятием «смысл», когнитивисты исходят из положения о том, что смысл детерминирован ситуативно, он соотносится с мыслью, с исходным замыслом высказывания. Смысл можно понимать как индивидуальное значение слова, которому присуща объективная система связей, который состоит из тех связей, которые релевантны данному моменту и данной ситуации при условии привнесения субъективных аспектов значения в соответствии с данным моментом и данной ситуацией. Это личное отношение субъекта к миру, которое фиксируется в субъективных значениях. То есть, едва ли не важнейшим признаком смысла ученые называют его субъективность, обособленность; а стремление передать самые точные оттенки этого смысла является главной целью говорящего или автора.

Как говорит О.С.Кубрякова, текст существует как источник излучения, источник возбуждения в нашем сознании многочисленных ассоциаций и когнитивных структур (от простых фреймов до значительно более сложных ментальных пространствах). Текст благодаря этому своему качеству интересен именно тем, что из него можно вынести, получить, какой вывод сделать. Поэтому текст является образцом такой сложной языковой формы, такого образования, которое побуждает нас к творческому процессу его понимания, его восприятия и интерпритации.

Следовательно желание адекватно передать определенный смысл зачастую сталкивается с вопросом адекватного понимания этого смысла, потому что, как справедливо писал Р.С.Павильонис, человек воспринимает, познает лишь те объекты, которые он способен «схватить» благодаря смыслам, которые содержатся в его концептуальной системе, и это является собой интерпритацию этих знаков-объектов, способ их осмысления нами. Язык сам по себе не выражает никаких смыслов, которые бы существовали независимо от концептуальных систем, потому что выражать - это символично представлять содержание одной концептуальной системы так, чтобы эта символизация была бы интерпритацией в какой-то другой или в той же концептуальной системе.

Мысль о принципиальной важности и неразрывной связи порождения текста и его понимания можно проиллюстрировать известным высказыванием Е.Бенвениста о присущей языку способности двойного определения – семантического и семиотического. «Семиотическое (знаковое) должно быть познанным, семантическое (речевое) должно быть понятным» [3:76]. Сама по себе данная способность является лишь потенциалом, который используется говорящим для образования и воспроизведения определенных смыслов.

Вышеприведенные высказывания объединены выдвижением на первый план роли говорящего в образовании и понимании текста, тезисом, который в литературоведении стал базой для многих исследований в разных языках. Толкование отношений «автор-текст» с такой точки зрения имеет вид своеобразной тематической интерпретации, которая нашла выражение в произведениях, в частности, Ю.М.Лотмана. В таких интерпретационных исследованиях сквозь тонкий анализ разных аспектов текста с помощью тем, тематических комплексов, мотивов исследуются картины миров, которые сконструированы художественным сознанием. В конечном итоге такая «поэтика выразительности», начиная с выявления тем, приходит к реализации смыслов, а через них - к развертыванию конкретного «поэтического мышления» - явлению, которое принадлежит в иерархии поэтических структур уровню более высокому чем стилистический.

Этот путь, по мнению когнитологов, является логическим и обязательным, потому что в любой детали текста кроется мотивация ее появления в данном месте в данный момент, а также в данном виде в единстве взаимных связей с другими деталями.

Список литературы

1. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование / Алтайский университет. Барнаул: Из-во Алтайского ун-та, 2001. 283 с.
2. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы Языкознания. 1994. №4. С.34-37
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Ин-т языкозн. АН СССР. М.: Прогресс, 1975. 447 с.

УДК 81»373.7:811.111

**СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, НОМИНИРУЮЩИХ
ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Бандылюк В.А.

Трофимова Е.В., к.филол.н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

vbandylyuk@mail.ru

Данная статья посвящена исследованию структуры фразеологических единиц (ФЕ) английского языка, обозначающих черты характера человека.

Целью работы является исследование структуры ФЕ, вербализующих черты характера человека в английском языке.

Объектом исследования являются ФЕ английского языка, номинирующие человека по чертам характера.

Предметом данной статьи выступают структурные особенности ФЕ, обозначающих характер.

Материал исследования составили 400 ФЕ, которые были отобраны методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка.

Богатство языка – это богатство и его фразеологии, т.е. выразительных и образных средств, оборотов, выражений. Очень часто в таких словах и оборотах лежит целая историческая эпоха – факты ушедшего быта представлений и верований наших предков, реальные события далекого прошлого. Как известно, фразеология каждого языка по-своему оригинальна, так как в ней отражается национальная картина мира, реалии из жизни и истории народа.

Именно поэтому, как пишет В.А.Маслова, фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъект, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выразить к нему субъективное отношение [1]. Из этого следует, что фразеологизмы представляют собой один из объектов изучения лингвокультурологии, науки, изучающей связь языка с культурой и на отображении культурных особенностей народа в его языке. Формирование данной науки было обусловлено антропоцентрической парадигмой, согласно которой картина мира человека, в том числе языковая, формируется вокруг него самого, а также вокруг окружающих его предметов.

Из этого следует, что ФЕ, номинирующие человека по чертам характера, являются отражением стереотипных представлений носителей языка о

психологии личности, в связи с чем данный фразеологический пласт представляет большой интерес для исследования языкового представления мира.

В ходе структурного анализа ФЕ, вербализующих черты характера человека, было выяснено, что подавляющее большинство ФЕ (386 ФЕ, или 96 %) имеют структуру словосочетания, например *(as) crooked as a dog's hind leg* «бесчестный, непорядочный человек», и лишь 14 ФЕ (4%) имеют структуру предложения, например *one's hands are clean* «честный, порядочный человек».

Анализ ФЕ со структурой словосочетания показывает, что большинство ФЕ (150 ФЕ, 38%) являются субстантивными, например *a heart of oak* «отважный, храбрый человек»; *a square shooter* «честный, порядочный человек» либо глагольными (118 ФЕ, 30%), например *have a smooth tongue* «красноречивый, льстивый человек». Адъективными являются 112 ФЕ (28%), например *(as) good as pie* «любезный, хороший человек».

Продуктивными структурными типами среди субстантивных ФЕ являются А + N (например, *a hot shot* «самоуверенный человек»), N + prep + N (*a man of men* «хороший, добрый человек»). Среди глагольных ФЕ наиболее продуктивными являются структурный тип V + N + prep + N (*have an eye in one's head* «наблюдательный человек») и V + like + N (*work like a horse* «трудолюбивый человек»). Адъективные ФЕ представлены в большинстве своем структурными типами (as) + A + as + N (*(as) bold as a lion* «храбрый как лев») и A+and+A (*bitter and twisted* «злой человек»).

В процессе исследования было выявлено, что ФЕ со структурой предложения по коммуникативному типу – повествовательные (*One's hands are clean* «честный человек»). В ходе анализа было установлено, что по количеству первичных предикаций ФЕ со структурой предложения являются простыми (*He wouldn't hurt a fly* «добрый, искренний человек; мухи не обидит»).

Таким образом, наиболее частотными ФЕ со структурой словосочетания являются субстантивные, а наименее продуктивными являются адъективные ФЕ.

Список литературы

1. Маслова В.А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2007. 208 с.

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Бышова А.В.

Бессонова О.Л., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Процесс образования фразеологических единиц как средства отображения окружающей картины мира является двухступенчатым: вначале происходит первичная номинация, т.е. образование слова путем приобретения последовательного набора звуков и, впоследствии, значения; затем, следует вторичная номинация, при которой сочетание слов, имеющих собственное словарное значение, приобретает новое общее значение. Результатом этих трансформаций является образование новой языковой единицы – фразеологической [4, с.29]. Исследование особенностей фразеологической номинации на материале единиц библейского происхождения представляет интерес, т.к. отражает религиозное влияние в языковых картинах мира разных этносов и наций.

Благодаря смысловой глубине священного текста, высокой ценностной значимости библейской символики и почитаемости народами всего мира, Библия стала богатейшим источником фразеологизмов для многих языков, в том числе английского и русского. Исследования фразеологизмов библейского происхождения (ФБП), которые вошли в состав современных европейских языков, показывают, что данные единицы являются взаимопереводимыми и, следовательно, взаимопонятными, т.е. они являются не только национальным, но и общемировым достоянием благодаря общему источнику – Библии.

Среди ФБП выделяют обороты с полностью переосмысленными компонентами и с частично переосмысленными компонентами. Широко распространенными видами полного переосмысления в ФБП является метафорическое и метонимическое переосмысление.

Метафорическое переосмысление переменных словосочетаний – один из важнейших источников обогащения фразеологии любого языка, в том числе и английского. Традиционные метафоры основаны на различных видах сходства. Например, *сходство положения: sheep that have no shepherd* «овцы без пастуха, паства без пастыря, беспомощная толпа»; *от Понтия к Пилату* «бессмысленная волокита»; *сходство возраста: babes and sucklings* «новички, совершенно неопытные люди, сущие младенцы (молоко на губах не обсохло)»; *звуковое сходство: the crackling of thorns under a pot* «дурацкий смех»; *the voice of the turtle* «голос горлицы, зов любви»; *сходство вкусовых ощущений: gall and wormwood* «нечто ненавистное, постылое»; *сходство поведения: a reed shaken by/with the wind* «тростинка, ветром колеблемая;

человек, подверженный различным влияниям»; *неопалимая купина* «человек, находящийся в трудной ситуации и не теряющий сил, становясь всё более деятельным и добрым»; *гробы повапленные* «лицемер»; *бросить камень в кого-л.* «осуждать, чернить человека».

Очень часто сходство основано на различных свойствах предметов, животных, насекомых и т. д., рассматриваемых как их главный признак. **То, что обозначает начало и конец:** *the Alpha and Omega* «альфа и омега, суть, самое существенное»; **раздражающий характер чего-л.:** *a thorn in smb.'s flesh* «источник постоянного беспокойства = бельмо на глазу»; **устрашающий характер чего-л.:** *a lion in the path/way* «(воображаемое) препятствие, (мнимая) опасность».

Метонимические переносы основаны на различных видах смежности. Среди субстантивных ФЕ наиболее распространены следующие виды метонимического переосмысления: **орган вместо функции, выполняемой им:** *feet of clay* «глиняные ноги, т.е. слабость того, кто казался великим», *searchings of heart* «угрызения совести», *a stiff neck* «упрямство (в ошибках)»; **левая рука не знает, что делает правая** «1) бескорыстное доброе деяние, не выставленное напоказ, 2) неразбериха»; **имена тех или иных лиц вместо того, что связано с ними:** *the Man of Sorrows* «Муж Скорбей (Иисус Христос)», *the Prince of Peace* «князь мира, Христос»; **предмет вместо функции, выполняемой им:** *thirty pieces of silver* «тридцать серебряников, цена предательства», *the olive branch* «символ мира, попытка к примирению, мирное»; **камень предковения** «препятствие, возникающее на пути достижения некой важной цели»; **бревно в глазу** «преувеличение чьих-л. отрицательных качеств».

Для адъективных сравнений свойственна двуплановость значения: одно сравнивается с другим. Такая структура значения выделяет его как значение особого рода, а именно компаративное. Первый компонент адъективных сравнений обычно употребляется в своем буквальном значении. Функция второго компонента всегда усилительная. Адъективные сравнения потому и возникают в языке, что имеется необходимость в передаче дополнительной информации сообразно сопоставлению с информацией, передаваемой первыми компонентами сопоставления, взятыми отдельно.

Сравнения обычно являются ФЕ с ярко выраженной оценкой как положительной, так и отрицательной. Например: *(as) clear as crystal* «прозрачный, как кристалл; кристально чистый; четкий, ясный» (положительная оценка), *(as) deaf as an adder (as a post/ as a stone)* «совершенно глухой = глухая тетеря, глух как пень» (отрицательная оценка).

В глагольных сравнительных ФБП глагол имеет нейтральное значение, второй компонент является конкретизатором глагольного значения: *будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* «равновесие ума и простоты, скромности»; *set one's face like a flint* «быть непреклонным, принять твердое решение»; *drive like Jehu* «мчаться как сумасшедший». Иегу (Jehu) известен своей быстрой ездой на колесницах. В глагольных оборотах удельный вес

второго компонента как уточнителя значения первого компонента значительно выше, чем в адъективных сравнениях.

Итак, фразеология, отображая реальную картину мира, использует в качестве механизма вторичной номинации метафору, метонимию и сравнение. Результаты проведенного исследования указывают на то, что наиболее продуктивным видом переосмысления является метафорическое.

Сопоставительный анализ ФБП указывает на действие двух тенденций развития фразеологии. С одной стороны, мы можем наблюдать межъязыковой параллелизм во фразеологии разных языков, который обусловлен общим ассоциативно-образным мышлением носителей разных языков и культурно-историческим наследием. С другой стороны, проявляется национально-культурная специфика языковой картины мира.

Несмотря на общий генетический источник – Библию, который позволяет отнести ФБП к значимой части интернациональной фразеологии, параллельные ФБП английского и русского языков имеют ряд семантических и структурно-грамматических расхождений. С другой стороны, значительное число ФБП представлено безэквивалентными библеизмами.

Список литературы

1. Бессонова О.Л. Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітив. та гендер. аспекти: дис... докт. філол. наук. Донецьк, 2002. 463с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. изд. 2-е, перераб. М.: Высш. шк., Дубна: изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М.Д. Литвинова. изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Русс. Яз., 1984. 944 с.
4. Федуленикова Т.Н. Английская фразеология: курс лекций. Архангельск: Поморский государственный университет, 2000. 132 с.

УДК 81`373.7:811.161.1:811.111

АНГЛИЙСКИЕ И РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ НАЗВАНИЯ СТИХИЙ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Войтенко Е. Ю.

Трофимова Е. В., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

elena-vtn@mail.ru

Как известно, по сравнению с этимологическими исследованиями лексики, изучение английской и русской фразеологической этимологии сопряжено с определенными трудностями. Это связано с тем, что проследить источники происхождения фразеологических единиц (ФЕ) в большинстве

случаев оказывается достаточно сложно. Однако, при сопоставительном анализе разноструктурных языков подобные исследования имеют важное значение, так как они позволяют получить более полное представление о духовном и эмпирическом опыте народов-носителей языков, проследить взаимосвязь языков и культур.

Данная работа содержит результаты анализа английских и русских ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, с точки зрения их происхождения. Материалом исследования являются 320 английских ФЕ и 240 русских ФЕ, отобранных из толковых и фразеологических словарей английского и русского языков.

Анализ источников происхождения английских ФЕ с компонентами, обозначающими названия стихий, позволил выделить три группы (согласно классификации А. В. Кунина [1]): исконно английские ФЕ, межъязыковые заимствования и внутриязыковые заимствования.

К исконно английским ФЕ относятся те, которые отражают обычаи англичан, например, ФЕ *to beat the air* «попусту стараться» происходит от средневекового обычая размахивать оружием в знак победы; традиции, например, из охотничьей традиции происходит ФЕ *to fire into the brown* «стрелять в толпу», ее исходное значение – стрелять по выводку; исторические факты, например, ФЕ *highdays, holidays and bonfire night* «праздники, особо торжественные дни». Значительное количество исконно английских ФЕ связано с мореплаванием, например, *a freshwater sailor* «новичок, неопытный матрос» и военным делом, например, *to miss fire* «не достичь цели». В группе исконных английских ФЕ стоит также особо отметить шекспиризмы, например, *to saw the air (Hamlet)* «размахивать руками, сильно жестикулировать».

Группу заимствованных английских ФЕ представляют собой библеизмы и ФЕ, заимствованные из классических языков. Это, например, *the salt of the earth* «соль земли», источником которой является Евангелие от Матфея; *water of life* «живительный напиток», от лат. *aqua vitae*.

К внутриязыковым заимствованиям относятся ФЕ, происходящие из американского варианта английского языка, например, *hot air* «болтовня, пустые слова» и австралийского, например, *full of bushfire* «энергичный, жизнерадостный человек».

Анализ источников происхождения русских ФЕ позволил выделить также три группы (согласно классификации Н. М. Шанского [2]) – исконно русские, ФЕ, заимствованные ФЕ и фразеологические кальки/полукальки.

Наиболее многочисленную группу в анализируемом материале составляют исконно русские ФЕ. С древней фольклорной традицией славян связаны ФЕ *за тридевять земель* и фразеологическая пара *живая вода – мертвая вода*, они вошли в литературный язык из русских народных сказок.

Традиционным занятием на Руси было земледелие, что нашло свое отражение во фразеологическом фонде русского языка. В качестве примеров можно привести такие ФЕ, как *сидеть на земле*, то есть заниматься

земледелием, *землю рыть* – делать все возможное. Исконно русскими являются также ФЕ из литературных источников, в частности, из произведений Нестора-летописца, например, *откуда есть пошла земля русская и не посрамим земли русской*. Стоит отметить, что в русской фразеологии отражены также события Второй мировой войны – это ФЕ и крылатые фразы, источниками которых являются песни военных лет, например, ФЕ *на огненной черте и пол-Европы прошагали, полземли*.

К группе заимствованных русских ФЕ относятся библеизмы, их источниками послужили тексты Библии, переведенные на старославянский язык, например, *геенна огненная*; и ФЕ, возникшие на базе библейских и евангельских мифов уже в русском языке, например, *зарыть талант в землю*.

Значительно меньшую часть составляет группа фразеологических калек. Это, например, ФЕ *таскать каштанов из огня* от фр. *tirer les marrons du feu* и *вместе с водой выплеснуть и ребенка*, от нем. *das Kind mit dem Bade ausschütten*.

Итак, несмотря на то, что многие английские и русские ФЕ потеряли свое первоначальное значение, изучение источников их происхождения позволяет получить необходимые при сопоставительном анализе исторические и культурологические знания.

Список литературы

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1996. 381 с.
2. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. СПб.: Специальная Литература, 1996. 192 с.

УДК 81П373.7:811.161.1

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ЛЮБВИ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Гармаш Д. А.

Трофимова Е. В., к.ф.н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

darina130894@yandex.ru

В современной лингвистике большое внимание уделяется описанию отдельных концептов. *Концепт* «любовь» занимает особое место в русской картине мира [1, с. 192].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современной лингвистике интерес к изучению концепта «любовь» в последние годы получает новое наполнение.

Целью данного исследования является выявление особенностей вербализации концепта «любовь» в русских фразеологизмах. *Объект* –

реализация данного концепта в русских фразеологизмах. *Предмет* – особенности вербализации концепта «любовь» в русских фразеологизмах.

Любой концепт существует в сознании человека, детерминируется культурной средой и становится предметным в языке. Концепт «любовь» относится к концептам чувств, которые являются наиболее универсальной категорией. Говоря о концепте «любовь», нужно учитывать то, что она отличается большим разнообразием видов и форм.

Свою классификацию типов любви предлагает Роберт Дж. Стернберг, выделяя следующие типы: отсутствие любви, приязнь, страстная любовь, формальная любовь, романтическая любовь, дружеская любовь, роковая любовь, совершенная любовь [3, с. 331-345]. Согласно Э. Фромму, можно выделить такие типы любви: братскую, материнскую, эротическую, любовь к самому себе и любовь к Богу. Рассматривая классификацию А. А. Ивина, следует отметить, что он приводит концепцию девяти ступеней, или форм, любви. Каждый из кругов включает в чем-то близкие виды любви, а движение от ядра к периферии подчиняется определенным принципам.

В первый «круг» он включает эротическую, или половую, любовь и любовь к самому себе. Второй «круг» любви – это любовь к ближнему. Третий «круг» любви – любовь к человеку. В четвертом «круге» любви А. А. Ивин выделяет любовь к родине, любовь к жизни, любовь к богу и т. п. В пятом «круге» – любовь к природе. Шестой «круг» – любовь к истине, любовь к добру, любовь к прекрасному, любовь к справедливости. Седьмой «круг» – любовь к свободе, любовь к творчеству, любовь к славе, любовь к власти, любовь к богатству. Восьмой «круг» – любовь к игре, любовь к общению, любовь к собирательству. Девятый «круг» – то, что любовью уже не является, скорее пагубное пристрастие – любовь к пище, алкоголю, наркотикам [Ивин, 1990].

Все приведенные выше классификации любви созданы не лингвистами, однако все трактовки данного концепта связаны между собой, так как концепт, зарождаясь в сознании человека, находит свое проявление в языке.

В языковой картине мира любого народа отображена специфика восприятия действительности, зафиксированная в разных кодах культуры. Анализ фразеологического материала русского языка дает возможность выявить особенности таких кодов культуры и отобразить их влияние на построение картины мира в целом. Анализируя фразеологизмы, вербализующие концепт любви, можно установить особенности исторических и географических реалий этого народа, отметить специфику его быта и особенности мировоззрения.

Любовь как категория универсальная находит свое отображение в различных жанрах фольклора и в литературе. В фокусе данного исследования фразеологизмы выступают как жанр, ярко отображающий особенности проявления данного фрагмента действительности в русскоязычной картине мира.

Обратившись к классификациям любви, разработанными культурологами и психологами, были выделены условные тематические группы фразеологизмов:

1. Любовь сильная, всеобъемлющая, перед которой человек бессилен.
2. Самоотверженная любовь, которая демонстрирует всю глубину чувств и возможность пожертвовать собой во имя любимого.
3. Любовь, которая приносит и страдание.
4. Взаимосвязь любви и материальных благ. В этом случае речь идет о том, что любовь – это гораздо большая ценность, чем деньги и прочие материальные атрибуты.

Дальнейший анализ семантики фразеологизмов проведен в соответствии с этим тематическими группами.

Анализ семантики русских фразеологических единиц (65 единиц) позволил классифицировать материал исследования следующим образом:

1. Любовь сильная, всеобъемлющая, перед которой человек бессилен – 55 фразеологизмов. По Р. Дж. Стернбергу это любовь романтическая, по Э. Фромму – эротическая, по А. А. Ивину – 1й круг (половая любовь). Любовь сильная представлена разными подгруппами, которые выражают: 1. зарождение чувства: *любовь с первого взгляда, признание в любви*; 2. сильное, непреодолимое чувство: *безграничная любовь, безрассудная любовь, безмерная любовь, безумная любовь*; 3. вечную любовь: *любовь до гроба*; 4. имеющие иронический подтекст: *заводить амурсы, подкатывать салазки, телячьи нежности*; 5. отображающие стремление к браку: *предлагать руку и сердце*.

2. Любовь, которая приносит страдание – 10 фразеологизмов. *Вонзать нож в сердце, белый свет не мил, разбивать сердце*. По Р. Дж. Стернбергу – любовь эта роковая, по Э. Фромму – эротическая и по А. А. Ивину – 1й круг (половая любовь).

В русской фразеологии не представлены типы любви, связанные с самоотверженной любовью и с материальными благами.

Таким образом, анализ семантических особенностей ФЕ, вербализующих концепт «любовь» в русском языке, позволяет сделать вывод о том, что в данном исследовании доминирует любовь сильная, а любовь, приносящая страдания, представлена меньшим количеством фразеологических единиц. Более того, типы любви, связанные с самоотверженной любовью и с материальными благами, выявлены не были.

Список литературы

1. *Воркачев С. Г.* Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. / Воркачев Сергей Григорьевич. Волгоград: «Перемена», 2003. 192 с.
2. *Ивин А. А.* Искусство правильно мыслить / Александр Архипович Ивин. – [2-е изд] М. : «Просвещение», 1990. 237 с.
3. *Sternberg Robert J.* Liking versus loving: A comparative evaluation of theories / Robert J. Sternberg. — «Psychological Bulletin», 1987. P. 331-345.

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Гордиенко Е.В.

Бессонова О.Л., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Язык реагирует на изменения во внеязыковой деятельности и неологизмы обозначают то, что является актуальным для того или иного языкового сообщества в определенный период, поэтому новые языковые единицы часто приобретают яркую социальную окраску и определенную оценку, отображая отношение носителей языка к обозначаемым явлениям, процессам, реалиям и т. д.

Оценочный компонент в семантике слова эксплицирует позитивную или негативную оценку. Слова, содержащие положительный оценочный компонент, выражают доброжелательное отношение или симпатию говорящего к объекту оценки. Отрицательные оттенки (неодобрение, пренебрежение, презрение, упрек и т.д.) нередко, по замечанию А. И. Приходько, с трудом уловимы и изменчивы, исторически и контекстуально обусловлены [2, с. 102].

Что касается оценочного компонента в семантике неологизма, то его наличие объясняется природой данных единиц, которые, давая номинацию новым важным и актуальным явлениям, происходящим в обществе, часто приобретают яркую социальную окраску и определенную, при этом для обозначения подобных инноваций в лингвистике используется термин «оценочные неологизмы» [1].

В семантике нового слова, согласно А. И. Приходько, оценочный компонент может выражаться следующим образом: 1. словами-маркерами негативнооценочных сем, а именно *derogatory* «оскорбительный», *contemptuous* «пренебрежительный», *ironical* «ироничный», *vulgar* «вульгарный» и др.; 2. показателями сем положительной оценки, например *humorous* «забавный», *facetious* «шутливый», *jocular* «веселый», *poetic* «поэтический» и др.; 3. индикаторами негативной или позитивной оценки, в роли которых могут выступать качественные прилагательные, выражающие собственно оценку [2, с. 15].

Кроме того, оценка может быть выражена и в процессе деривации нового слова при помощи 1. аффиксов, участвующих в создании производных слов с отрицательной оценкой, например *-ard*, *-ling*, *-ster*, *-cide*, *-ice / ize*, *hyper-*, *over-*, *mis-*, *dis-*, *un-*, *a-* и др.; 2. аффиксов, образующих производные слова с положительной оценкой: *-kin*, *-esque*, *-hood*, *-ness*, *-ship*, *well-*, *super-*, *co-* и др. [2, с. 16].

Материалом исследования послужили 526 единиц новой лексики, входящие в состав 5 тематических групп: “Отношения родители – дети”, “Характеристика поведения детей и подростков”, “Брачные отношения”, “Характер и поведение взрослых членов семьи”, “Воспитательный процесс”, поскольку семья наряду с другими концептуальными фрагментами действительности претерпевает различные изменения на всем пути развития англоязычного сообщества.

В ходе анализа тематической группы “Отношения родители – дети” было определено, что 41 исследуемая единица (7,8 %) является оценочными неологизмами, из них 28 негативнооценочных (*oversharent* «родитель, который делиться слишком большим количеством информации о своих детях через социальные сети», *parental abuse* «издевательство взрослых детей над престарелыми родителями», *stealth parent* «папа или мама, присматривающие за ребенком украдкой в рабочее время (делая вид, что выполняют служебные поручения)») и 13 позитивнооценивающих единиц (*motherhenning* «материнская забота и присмотр», *Damitrius* «дорогая мама», *supermom* «женщина, объединяющая в себе черты жены, мамы, активного работника и общественного деятеля»).

В ходе проведенного анализа было установлено, что в корпус неологизмов тематической группы “Характеристика поведения детей и подростков” входят 35 оценочных единиц (6,6 %), из них 27 негативнооценочных (*superpredator* «сверхжестокий ребенок или подросток», *Britney* «девочка или девушка, которая одевается слишком легкомысленно», *bratinella* «чрезмерно своенравная и непослушная девочка») и 8 позитивнооценочных (*alpha-teen* «подросток, занимающий позицию лидера», *Dool* «приятная, милая, очаровательная девочка; куколка / очаровашка», *trophy-child (trophy-kid)* «ребенок, который своими талантами и способностями производит впечатление на людей, и тем самым способствует престижу родителей»).

Анализ тематической группы “Брачные отношения” показывает, что 12 неологизмов (2,3 %) содержат в своих значениях оценку, при этом 10 из них являются негативнооценочными, например, *to wifle* «шарить по карманам мужа», *cupboard love* «отношения, построенные на материальном интересе, а не на настоящих чувствах и привязанности», *married (married + worried)* «замученный браком» и только 2 позитивнооценочными, например, *collaborative divorce* «новая форма развода, заключающаяся скорее в кооперативных, чем во вражеских стратегиях разрешения конфликта».

Анализ тематической группы “Характер и поведение взрослых членов семьи” показывает, что 15 неологизмов (2,9 %) данной группы являются оценочными, при этом 13 из них являются негативнооценочными (*SMUM (Smart, Middle-Class, Uninvolved Mother)* «женщина, которая считает материнство и воспитание детей слишком обременительным, неинтересным и уж никак не обязательным занятием», *jagaloon* «незрелый,

безответственный взрослый», *concranky* «подросток, ведущий себя глупо и несерьезно из-за каких-либо раздражающих обстоятельств») и 2 – позитивнооценочными (*alpha earner* «член семьи, особенно женщина, заработок которой составляет основную часть домашней прибыли», *alpha male* «мужчина, занимающий позицию лидера»).

Анализ тематической группы «Воспитательный процесс» свидетельствует о том, что в корпусе этой группы находится 8 оценочных неологизмов (1,5 %), 7 из которых являются негативнооценочными (*passive parenting* «стиль воспитания, при котором родители показывают полнейшее нежелание заниматься дисциплиной детей», *hyper-parenting* «процесс воспитания детей в современных условиях, когда ребенок становится только объектом реализации «родительского эго») и лишь один – позитивнооценочным (*kid credentialing* «воспитание, при котором ребенок занимается деятельностью, которую он выбрал сам, и которая поможет его поступлению в университет).

Поскольку неологизмы являются номинантами новых важных и актуальных событий и процессов, происходящих в обществе, они часто приобретают яркую социальную окраску, что объясняется наличием оценочного компонента, который прослеживается в значительном количестве неологизмов.

Оценочная семантика неологизмов является информативной относительно тех сфер жизни общества и фрагментов действительности, которые наиболее активно развиваются и осмысливаются соответствующими языковыми социумами и представляются наиболее ценностными на определенном этапе их развития, в частности, вполне логично, что неологизмы понятийной сферы “Семья”, вербализируя непрекращающиеся трансформации, затрагивающие семьи современного англоязычного лингвосообщества, приобретают в своей семантической структуре определенный ценностный компонент.

Список литературы

1. Островська Ю. К. Оцінні неологізми в англійській та українській мовах кінця ХХ – початку ХХІ століття: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.17. Донецьк, 2011. 22 с.
2. Приходько А. И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2004. 44 с.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Дьяченко Е.Е.

Трофимова Е.В., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

katerina.dyachenko@inbox.ru

Данная работа посвящена исследованию структуры процессуальных фразеологических единиц (ФЕ) английского языка.

Примерами исследуемых единиц могут послужить следующие фразеологизмы: *to come clean* «признаться, расколоться», *to play with fire* «рисковать», *to go off one's head* «сойти с ума», *to shake a leg* «отплясывать, танцевать», *to have a big mouth* «болтать, трепаться».

Объектом исследования являются процессуальные фразеологизмы в английском языке.

Предметом исследования являются особенности структуры процессуальных фразеологизмов.

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей структуры процессуальных фразеологизмов.

Материалом исследования послужили 300 процессуальных ФЕ, отобранные методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка.

Процессуальным называется фразеологизм, который включает в себе процессуальное значение, выраженное морфологическими категориями лица, наклонения, вида и залога. [1]

Структурные особенности фразеологических единиц — это основной критерий для их систематизации, так как фразеологические единства являются структурным целым составного характера, состоящего из различных морфологических свойств, которые находятся между собой в разнообразных синтаксических отношениях.

Значительную роль в формировании структуры процессуальных фразеологизмов играет глагольный компонент. Глагольный компонент создает категориальное значение процессуальности и участвует в образовании субкатегориального, группового и индивидуального значений исследуемых фразеологических единиц.

В ходе анализа была осуществлена классификация по соотнесенности процессуальных фразеологизмов с определенными частями речи (так называемая смысловая классификация), в которых основополагающим является глагол. В основу классификации легла принадлежность основного слова выражения к какой-либо части речи [2]. В результате исследования были выделены следующие типы процессуальных ФЕ английского языка:

- 1) глагол + существительное: *to hit the deck* «пойти спать»;
- 2) глагол + предлог + существительное: *to be on hot coals* «сидеть как на иголках»;
- 3) глагол + предлог + местоимение: *to stop at nothing* «останавливаться ни перед чем»;
- 4) глагол + наречие : *to be near one`send* «быть при смерти, умирать»;
- 5) глагол + глагол: *to bring to heel* «подчиняться»;
- 6) глагол + прилагательное: *to come clean* «признаться, расколоться»;
- 7) глагол + предлог: *to catch up* «наверстывать».

Анализ показывает, что наиболее частотным структурным типом процессуальных ФЕ в английском языке являются «глагол + существительное», который составляет 120 ФЕ или 40% от общего количества ФЕ и «глагол + предлог + существительное», где доля данного типа составила 87 ФЕ или 29%. Наименее частотным является тип «глагол + предлог + местоимение», что составляет 5 ФЕ или 2% от общего количества изученных единиц.

В результате анализа структурных особенностей процессуальных ФЕ в английском языке можно сделать вывод о том, что глагол — семантический центр процессуальных ФЕ. Глагол обладает высоким фразообразовательным потенциалом, так как в свободном употреблении выражает процессуальную деятельность в самом общем виде и имеет возможность сочетаться с другими частями речи, обозначающими какой-либо вид деятельности.

Список литературы

1. Казачук И.Г. Процессуальные фразеологизмы русского языка (категории бытия и отношения). Челябинск: Изд-во ГОУ ВПО «ЧГПУ», 2004. 310 с.
2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс, 2005. 488 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ РАДОСТИ И ГНЕВА В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Карпенкова Е. В.

Бессонова О. Л., д.филол.н, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

kate_happy2010@hotmail.com

В связи с ростом актуальности антропоцентрического подхода в лингвистике в настоящее время наблюдается растущий интерес ученых к изучению языков с учетом их взаимодействия с эмоциональным миром человека [1, 15-16]

Данная статья посвящена изучению особенностей выражения эмоций «гнев» и «радость» в английской и русской лингвокультурах. Актуальность работы обусловлена необходимостью дальнейшего и подробного исследования способов выражения эмоций представителями данных этнокультур путем анализа отдельных способов выражения эмоций в тексте с целью установления основных особенностей восприятия действительности представителями данных лингвокультур.

Согласно мнению В. И. Шаховского, эмоциональное пространство народов является единым для всех и воспроизводится на разных языковых ступенях. Таким образом, выделяют следующие уровни: обозначение (номинация), описание (дескрипция) и выражение эмоций [8].

Особым уровнем воспроизведения эмоций является их выражение, которое может отличаться в зависимости от ментальности, лингвокультурологической и гендерной принадлежности. С семиотической точки зрения такие эмоциональные проявления человека, как эмоциональные реакции, чувства, эмоциональные состояния, аффекты, настроения могут быть выражены «языковыми и паралингвистическими средствами, совокупность которых составляет особый знаковый эмотивный код того или иного языка». Следовательно, такой способ языковой репрезентации эмоций, как выражение эмоциональных реакций составляет собственно эмотивный тип их проявления. Все способы выражения эмоций можно разделить на два типа: вербальный и невербальный. Каждый тип, в свою очередь, представлен разнообразными средствами выражения эмоций [4, с. 99].

Многие лингвисты считают, что эмотивность во всех языках проявляется на разных уровнях языковой системы и речи и имеет специфические средства и способы выражения: на фонетическом уровне – фонологические изменения звуков (напр., изменение длительности или аспирации); акцентные и интонационные средства; на морфологическом уровне – словосложение и широкий диапазон ласкательных, уничижительных и других аффиксов (*Эка, эка, Васинька-то наш,*

размечтался, заалел, как маков цвет! – **радость**); на лексическом – средства номинации эмоций, междометия, междометные слова и выражения, эмоционально-усилительные наречия, частицы, модальные слова, при помощи которых говорящий оценивает свое высказывание, происходящее, восклицательные местоимения, местоименные слова, слова-интенсификаторы, метафоры и др. (*You heard every damned thing those bastards did, all day and night* – **гнев**; *I'm awfully glad it's fixed up* – **радость**); на синтаксическом уровне – особые синтаксические модели, изменения обычного порядка слов, использование эллиптических конструкций, инверсий, повторов и т.д. Обычно, разноуровневые средства концептуализации эмоций выступают в речи комплексно. Как считает Н. А. Красавский, наиболее коммуникативными являются лексический и синтаксический уровни языка (*Thanks God, I've got good eyes and good legs... damn it all, I don't look so bad* – **радость**) [9, с. 8; 5].

Не менее важным способом выражения эмоций является невербальный способ, так как невербальное выражение невозможно фальсифицировать. Кроме этого умение читать невербальные сигналы является важнейшим условием эффективного общения, потому что такие сигналы спонтанны, бессознательны и всегда искренни, в отличие от слов. Поэтому, основной и универсальной функцией невербальной коммуникации называют функцию осуществления процесса человеческого общения без слов. К невербальным средствам относятся: кинетические – жест, мимика, позы (*Julia radiant, sank back into a chair and swallowed at a draught a glass of champagne* – **гнев**); глазной контакт (*She face him with blazing eyes* – **гнев**); тактильные – прикосновения (*Щелкает пальцами* – **радость**); ольфакторные; изменение голосовых характеристик (*She gave an angry laugh* – **гнев**; *Все визгливо хохочут* – **радость**) [6, с. 16-17].

Проведенный анализ произведений дает основание полагать, что в английской и русской лингвокультурах представлены различные средства выражения эмоций. Для представителей англоязычной культуры характерны вербальные средства выражения, представленные на лексическом уровне, в то время как для русскоговорящих – на морфологическом уровне, а именно, употребление ласкательных и уничижительных суффиксов, что обусловлено тем фактом, что русский язык является синтетическим. Невербальный тип в обеих лингвокультурах представлен разнообразными средствами выражения, однако для представителей англоязычной культуры характерно более частотное выражение эмоции «гнев», а для русской культуры – «радость». Данный факт свидетельствует об особенностях их мировосприятия.

Список литературы

1. Балаганчик; Король на площади; Незнакомка. «Музыка к Балаганчику». Санкт-Петербург: Шиповник, 1908. 170 с.

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

Керова Л.В.

Бессонова О.Л., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

kerova.larisa89@gmail.com

Проблема орфографической вариативности и дублетности личных имен является актуальной и привлекает внимание многих ученых [1, 2, 4].

За планом выражения, под которым понимается «морфонологическое и морфосинтаксическое выражение обозначаемого; звуки или звукосочетания как внешняя (материальная) сторона языковой единицы» [1 с. 273], разных форм личных имен (вариантов, кратких и гипокористических форм) закрепляется часть семантики имени: имя фамильярное, шутовское, дружеское, ласкательное и др., т.е. через определенную форму имени, его звуковую оболочку передается отношение к носителю имени.

Анализ корпус языкового материала показал, что для образования вариантов личных имен в английском и немецком языках используются следующие способы:

I. Орфографическая вариативность:

1) Чередование окончаний имен:

а) Форманты англ. *-i / y / e / ey / ie / ee / eigh*, нем. *-i / y / ie / e / ee / ë* используются для образования дериватов полных имен, их кратких и гипокористических форм, например: англ. *Lesley / Leslee, Beverly / Beverleigh, Sidney / Sidne, Billy / Billi; Bobbie / Bobby / Bobbe / Bobby / Bobbie, Betty / Bettee*, нем. *Adele / Adelee / Adel, Stefanie / Stefani / Stefany, Zoe / Zoë, Gabi / Gaby, Tömi / Tomy, Sofi / Sofy / Sofie* и др.

б) Форманты *-o* (м) и *-a* (ж) чередуются с формантом *-e*: англ. *Cyro / Cyre, Amelia / Amelie*, нем. *Benno / Benne, Cäcilia / Cäcilie*.

2) Чередование согласных в начале и середине имени:

а) *s / z*: англ. *Amias / Amiaz, Rosalinda / Rozalinda, Elisa / Eliza*; нем. *Anselm / Anzelm, Hans / Hanz*;

б) *c / k / ck*: англ. *Catharine / Katharine, Frederick / Frederic / Frederik*, нем. *Carl / Karl, Carina / Karina, Clara / Klara; Mark / Marc*;

в) *ch / ck / sh*: англ. *Christopher / Cristopher, Charlotte / Sharlotte*, нем. *Heinrich / Heinrick, Nicholaus / Nicolaus*;

д) *t / th*: англ. *Elisabeth / Elisabet, Agata / Agatha*, нем. *Thomas / Tomas, Theresa / Teresa*;

е) *g / j*: англ. *Gerald / Jerald, Gerry / Jerry*, нем. *Georg / Jörg*;

ф) *f / ph*: англ. *Alfa / Alpha, Ofelia / Ophelia, Delfina / Delphina*, нем. *Adolf / Adolph, Stefan / Stephan*;

г) *s / c*: англ. *Avis / Avise*, нем. *Alice / Alis*;

3) Чередование гласных в середине имени:

- a) *a / e*: англ. *Sara / Sera*, нем. *Barthold / Berthold*;
 b) *i / e*: англ. *Selena / Selina, Cicely / Cecily*, нем. *Karen / Karin*;
 c) *i / y*: англ. *Silvia / Sylvia, Alvin / Alvyn, Phillip / Phyllip, Marcia / Марсуа, Clyde / Clide*; нем. *Silvester / Sylvester, Evelin / Evelyn*.

II. Удлинение имени

- 1) вставка -у в середину имени англ. *Kale / Kayle, Dale / Dayle* и др., нем. *Aylwin / Alwin*;
- 2) добавление -e в середине или конце имени: англ. *Carol / Carole, Alan / Alane, Robby / Robbye*, нем. *Claud / Claude, Ing / Inge*.
- 3) удвоение согласных: англ. *Gwen / Gwenn, Denis / Dennis, Lyn / Lynn*, нем. *Johana / Johhana / Joanna, Ada / Adda*.

III. Укорачивание имени за счет опускания согласной -h: англ. *Deborah / Debora, Sarah / Sara*, нем. *Johanna / Joanna, Jeremia / Jeremiah*.

IV. Неверная орфография: англ. *Deberah, Valorie, Mathue*, нем. *Juleana, Barnard*;

V. Умлатизирование (характерно только для немецкого языка): *Käthe / Kathe, Bärbel / Barbel, Rüdiger / Rudiger*.

Как правило, женские имена имеют больше вариантов и более разнообразные варианты в сравнении с мужскими именами.

В результате анализа удалось установить, что варьированность личных имен может происходить согласно одной модели: англ. *Bina / Binah*, нем. *Ada / Adah* (выпадение/добавление согласной -h), или представлять собой комбинацию двух или более моделей, например, англ. *Alec / Alick* (чередование согласных *c / ck*, чередование гласных *e / i*), нем. *Sofy / Sophie* (чередование согласных *f / ph*, чередование гласных в конце слова *y / ie*).

Следует также отметить, что чем популярнее личное имя, тем больше существует вариантов и дериватов этого имени, например: англ. *Amelia* – самое популярное имя в Великобритании в 2015 году – имеет варианты: *Amalia, Emelia, Amilia*, дериваты: *Amy, Ama, Malia, Lia, Ami, Ammi, Amali, Mala, Amia, Lila, Mali, Mimi, Lili, Mia, Millie, Ameli, Amily, Amal, Milly, Smali*; имя *Tinanna* занимает 500 место в рейтинге личных имен в Великобритании в 2015 году, имеет вариант: *Tiana*, дериваты: *Tini, Tia, Ti, Tina*, нем. *Laura* (самое популярное имя в Германии в 2015), вариант: *Laure*, дериваты: *Lauri, Laurie, Laurinchen, Lauri, Laula, Lolla, Lau, La, Ula, Lulu, Lolli, Lala, Laury, Lili, Lura, Lauralein, Laroni, Laurus, Lory, Laurina, Laurena, Lawra, La, Laurita, Laureen, Lora, Lau, Lorry, Luu, Laila, Lari, Lula, Li, Laurania, Lara, Lori, Loura, Lauraly, Ly, Laurine, Lorie, Lauch, Lалу, Lauriene, Larry, Lauretta, Laure, Laui, Lali, Lorina, Lorri, Lüra, Luri, Löra, Lüri, Laeu, Läurie, Liri*; имя *Gisela* (449 место в списке популярных имен в Германии в 2015), варианты: *Gisele, Gisla, Gisel*, дериваты: *Gisi Gilla Giza Gila Gischen, Giz, Gise, Gigi, Giselchen*.

Таким образом, чем популярней имя, тем больше людей его использует, соответственно появляется больше вариантов и дериватов, имядатели под влиянием экстралингвистических факторов, таких как глобализация, мода, культура, межкультурная коммуникация выбирают одно из самых

популярных имен, в тоже время стараются сохранить свою индивидуальность.

В результате исследования были сформулированы факторы, влияющие на развитие орфографической вариативности личных имен. Влияние других культур и языков на именную систему. Подвергаясь этому влиянию личное имя может иметь разные варианты, например, англ. *Aurelia*, *Adela*, под влиянием французского языка появились варианты: *Aurele*, *Adele*, которые также используются в англоговорящих странах, нем. *Anna*, *Adolph* являются латинизированными вариантами личных имен *Ann* и *Adolf*, оба варианта имен используются в немецком языке.

Разные орфографические варианты являются более популярными и распространённым в разных географических областях, например: англ. *Skye*, вариант имени *Sky*, используется в Шотландии, *Jayden*, вариант имени *Jaden*, используется в США; нем *Steffen*, вариант имени *Stefan*, популярно на северо-востоке Германии, *Marie*, вариант имени *Mary*, популярно в Австрии.

Разные орфографические варианты были популярны в разное время, например: англ *Evelyn* – популярный на современном этапе вариант имени *Avelin*, которое было зарегистрировано еще в 17 веке, *Olivia* – популярная орфографическая форма личного имени *Oliva* (создано В. Шекспиром); нем. *Elena* – современный вариант имени *Helena* (греческая мифология), *Joris* – вариант имени *Georg* (имя святого 3-4 вв.).

Итак, орфографическая вариативность личного имени представлена 4 основными моделями в английском языке и 5 моделями в немецком языке. Орфографическая вариативность личных имен тесно взаимосвязана с экстралингвистическими факторами, такими как, мода на имена, глобализация современного общества, межкультурная коммуникация и интеграция, а также же географическая распространённость того или иного языка.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969. 607 с.
2. Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М.: Наука, 1969. 206 с.
3. Bahlow H. Dictionary of German names. Madison, Max Kade Institute for German-American Studies, 2002. 579 p.
4. Fleischer W. Die deutschen Personennamen. Geschichte, Bildung und Bedeutung. Berlin: Akademie-Verlag, 1968. 243 s.
5. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, New York: Oxford University Press, 2006. 443 p.
6. Schippan, Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1984, 307 s

ГИПЕРБОЛИЗИРУЮЩИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-СОМАТИЗМОМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Крамаренко Е.К.

Калиущенко В.Д., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

herinspiration@rambler.ru

1. Данная работа посвящена рассмотрению гиперболизирующих фразеологических единиц (далее ГФЕ) с опорным компонентом-соматизмом, или лексемой, обозначающей часть тела или внутренний орган человека [2, с. 6]. Примерами подобных единиц могут служить *from the bottom of one»s heart* «от чистого сердца», *in a twinkling of an eye* «в мгновение ока», *to come / run out of one»s ears* «иметься в изобилии».

Под гиперболой в современном литературоведении и языкознании понимают «фигуру речи, состоящую в заведомом преувеличении, усиливающем выразительность, придающем высказываемому эмфатический характер» [1, с. 99]. Метафорические и метонимические трансформации семантики фразеологических единиц часто сопровождаются гиперболизацией образа [3]. ГФЕ обладают особой выразительностью, которая порождается нереальным, гротескным характером гиперболического образа [5]. Другими словами, под ГФЕ понимают фразеологические единицы, в семантике которых прослеживается заведомое преувеличение или преуменьшение признака предмета, явления или действия, актуального для говорящего, т.е. языковое выражение которых представляет собой намеренное искажение реальности.

Материалом исследования послужили 122 английские ГФЕ, отобранные методом сплошной выборки из одноязычных и двуязычных фразеологических, толковых, этимологических словарей, а также словарей пословиц и поговорок.

2. Для семантики изучаемых ГФЕ английского языка характерно выражение высокой/низкой степени проявления какого-либо явления или действия, по которому они подразделяются на четыре группы:

2.1. ГФЕ, выражающие высокую/низкую степень интенсивности совершения действия: *to din into smb»s ears* «прожужжать уши кому-л., упорно настаивать», *to cry one»s eyes out / to set one»s eyes at flow / to pipe one»s eye* «выплакать все глаза».

2.2. ГФЕ, выражающие высокую степень близости расположения в пространстве предметов, явлений: *before one»s eyes* «прямо перед глазами».

2.3. ГФЕ, выражающие высокую степень величины предмета, явления: *up to the ears / over ears / over head and ears* «по уши (в долгу, влюбленным), с головой уйти (в работу)».

2.4. ГФЕ, выражающие высокую/низкую степень количества предметов, явлений: *to come / run out of one's ears* «иметься в изобилии».

3. Анализ семантических особенностей английских ГФЕ показал, что в составе исследуемых единиц наиболее частотно представлены соматизмы, номинирующие внутренние органы человека («heart/сердце»), составные части наружных частей человеческого тела («eye/глаз»), «ear/ухо») и конечности «foot (feet)/нога, ступня (ноги, ступни)».

3.1. Компонент-соматизм «heart/сердце» – 12 ГФЕ (9,8%) – традиционно ассоциируется с чувствами, переживаниями, эмоциями и настроениями, причем вышеперечисленные состояния могут быть как положительными, так и отрицательными. Так, к положительным можно отнести искренность: *heart and soul* «всеми фибрами души», *from the bottom of one's heart* «от чистого сердца», *with all one's heart and soul* «всею душой / сердцем», *to wear one's heart upon one's sleeve* «не уметь скрывать своих чувств», «душа нараспашку» или настойчивость: *to have one's / whole heart in smth.* «вкладывать всю душу, энергию во что-л.», а к негативным – боль / горе: *to eat one's heart out* «изводить себя, изнывать от тоски», *to sob one's heart out* «горько и безутешно рыдать, выплакать свое горе» или страх: *to bring smb's heart into his mouth / to make smb's heart leap out of his mouth* «перепугать кого-л. до смерти», «душа ушла в пятки», *to have one's heart in one's boots / one's heart sank into one's boots / stood still* «струсить, испугаться», «сердце упало». Достаточно часто сердце связано с понятием любви: *to break one's smb's heart* «убиваться, расстраиваться», «разбить чье-л. сердце», *to make smb's heart bleed* «заставить сердце кровью обливаться / кого-л. страдать».

3.2. Компонент-соматизм «eye/глаз» – 10 ГФЕ (8,1%) – в составе изучаемых единиц актуализирует сему «получение достоверной информации»: *to have eyes at the back of one's head* «все вокруг замечать», «иметь глаза на затылке», *to have / got eyes like a hawk* «иметь острое зрение, быть очень наблюдательным», *to have / keep one's eyes glued on smth. / not to take / tear one's eyes from smth.* «не отрывать взгляда / не спускать глаз с чего-л.» *if you had half an eye* «если бы вы не были совершенно слепы / могли видеть», «букв. если бы у вас была половина глаза». Глаза также являются одним из важнейших средств выражения и инструментом для передачи всего разнообразия человеческих эмоций, например, горя / тоски: *to cry one's eyes out / to set one's eyes at flow / to pipe one's eye* «выплакать все глаза».

3.3. Компонент-соматизм «ear/ухо» – 9 ГФЕ (7,3%) – наравне с вышеупомянутым компонентом, является органом для восприятия информации извне, поэтому в основном ГФЕ, в состав которых входит данный компонент, употребляются, чтобы обозначить способность узнавать и слушать: *to be all ears* «превратиться в слух, слушать с напряженным вниманием», *to have nothing between one's ears* «глуп как пробка». Помимо этого, уши являются символом чего-то крайнего, что, по-видимому, связано с их маркированным расположением, как на голове, так и в вертикальном отношении – данная часть тела расположена выше практически всех других:

up to the ears / over ears / over head and ears «по уши (в долгу, влюбленным)», *to grin from ear to ear* «ухмыляться / улыбаться во весь рот», *to be up to the ear in work* «по уши увязнуть / быть в работе».

3.4. Компонент-соматизм «foot (feet)/нога, ступня (ноги, ступни)» – 9 ГФЕ (7,3%) – символизирует движение и скорость или настойчивость: *to put / set one»s / the best foot first / foremost / forward* «очень быстро идти, торопиться, нестись», «приложить все усилия, сделать все возможное», *to have / put / set one»s foot on smb»s neck / to have smb at one»s feet* «порабощать, угнетать, всецело подчинять себе кого-л.». Помимо этого, данный компонент отражает значение устойчивости/неустойчивости (как в прямом значении, так и в переносном смысле) и уверенности/неуверенности в себе: *to have / got two left feet* «быть очень неловким, неуклюжим человеком», *no to be able to feel one»s feet* «ног под собой не чувствовать (от усталости), сбиться с ног» *to stagger / struggle to one»s feet* «с трудом подняться / стать на ноги», *to be dead on one»s feet* «быть смертельно усталым, едва держаться на ногах», *to have / got one foot in the grave / with one foot in the grave* «стоять одной ногой в могиле».

4. Анализ семантики исследуемых единиц в английском языке позволил сделать следующие выводы:

4.1. Из 26 компонентов-соматизмов, выделенных в составе ГФЕ, наиболее частотно представлены соматизмы «heart/сердце» (12 ГФЕ), «eye/глаз» (10 ГФЕ), «ear/ухо» (9 ГФЕ) и «foot (feet)/нога, ступня (ноги, ступни)» (9 ГФЕ).

4.2. По характеру выражения крайней степени проявления какого-либо явления или действия, физиологически адекватного для того или иного органа чувств, ГФЕ делятся на четыре группы.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 605 с.
2. Зими́на Л. И. Национальная специфика фразеологической семантики (на материале фразеологизмов с наименованиями частей лица в немецком и русском языках): 10.02.19: автореф. ... канд. филол. наук [Воронеж, гос. ун-т]. Воронеж, 2007. 22 с.
3. Ку́нин А. В. Фразеология современного английского языка. М.: Международные отношения, 1972. 287 с.
4. Федуленкова Т. Н. Универсальное и уникальное во фразеологической семантике (на материале наиболее распространенных германских языков) // IV Царскосельские чтения: Материалы науч.-теор. межвуз. конф. СПб: Ленинград. гос. обл. ун-т им. А.С. Пушкина, 2000. С. 106-111.

ИСТОЧНИКИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ВЫРАЖАЮЩИХ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ

Мехдиева К. И.

Трофимова Е. В., к.ф.н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

karin.mayer17@gmail.com

Данная работа посвящена исследованию источников происхождения английских фразеологических единиц (ФЕ), выражающих положительные эмоции.

Цель настоящей работы заключается в анализе источников происхождения ФЕ, вербализующих положительные эмоции.

Материалом исследования послужили 400 фразеологических единиц, отобранных методом сплошной выборки из фразеологических словарей английского языка.

Общеизвестным является тот факт, что фразеология больше, чем любая другая наука тесно связана с историей, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке. В связи с этим, источники происхождения фразеологизмов в английском языке разнообразны.

Актуальность работы обуславливается лингвокультурологической направленностью и стремлением исследователей воссоздать языковую и эмоциональную картины мира, поскольку анализ источников происхождения ФЕ позволяет выделить особенности национальной культуры английского народа, понять скрытые в них культурные смыслы.

Происхождение ФЕ современного английского языка подробно рассматривает А. В. Кунин. В соответствии с его классификацией, ФЕ английского языка можно разделить по происхождению на два класса: исконно английские фразеологические единицы и заимствованные фразеологические единицы. Заимствованные фразеологизмы в свою очередь подразделяются на межъязыковые заимствования, внутриязыковые заимствования и ФЕ, заимствованные в иноязычной форме [2].

В данной работе содержатся результаты исследования источников происхождения ФЕ, вербализующих положительные эмоции в английском языке, на основе классификации А. В. Кунина.

К исконным относятся ФЕ, отражающие традиции, обычаи и поверья английского народа, а также их реалии, предания, исторические факты. Большинство фразеологизмов в английском языке являются исконно английскими и их авторы неизвестны. Например: *to catch (seize/take) time (occasion/opportunity) by the forelock* «воспользоваться случаем, использовать благоприятный момент»; возникновение этой ФЕ обуславливается тем, что в

Англии принято было изображать время в виде лысого старика с прядью волос на лбу.

Самой продуктивной группой исконно английских фразеологизмов являются шекспиризмы. Как утверждает А. В. Кунин, по числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Вильяма Шекспира занимают второе место после Библии [2]. Среди шекспиризмов также присутствуют ФЕ, выражающие положительные эмоции: *to win golden opinions* «вызывать всеобщее восхищение» («Генрих IV»); *brave new world* «новый счастливый период после разрухи» («Буря»); *cakes and ale* «радость, веселье» («Двенадцатая ночь»); *in the pink* «в хорошем настроении духа» («Ромео и Джульетта»); *in stitches* «безудержно смеяться» («Двенадцатая ночь»).

Помимо В. Шекспира, творчество многих британских писателей послужило источником обогащения английского фразеологического фонда. Среди них в большей степени следует отметить Дж. Свифта, Л. Кэрролла, Дж. Г. Байрона и Дж. Мильтона. Например, ФЕ *to grin like a Cheshire cat* «букв. ухмыляться как Чеширский кот, улыбаться во весь рот», распространился благодаря сказке «Алиса в стране чудес» Л. Кэрролла, в которой персонаж книги – постоянно ухмыляющийся кот, который обладает способностью по собственному желанию постепенно растворяться в воздухе, оставляя на прощанье только улыбку.

В типологии заимствованных ФЕ, прежде всего, следует обозначить библеизмы. Библия выступает главнейшим литературным источником фразеологических единиц. К выражениям, обозначающим положительные эмоции в современной английской речи, библейское происхождение которых точно установлено, принадлежат следующие: «*in the seventh heaven* «испытывать неземное счастье»; *loaves and fishes* «земные блага»; *bear fruit* «хорошие результаты, успех»; *a crown of glory* «венец славы».

В числе фразеологизмов, взятых из Библии, в английском языке, который, как и другие европейские языки является наследником античной культуры, сохранились ФЕ, возникшие у древних римлян и греков, например: *Homeric laughter* «гомерический смех», *sardonic laughter* «язвительный смех», *Elysian Fields* «мир блаженства», взятые из поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея».

Кроме античных источников, в английский язык были заимствованы некоторые фразеологизмы из французского языка. К примеру, в английском языке используется ФЕ *joie de vivre*, заимствованный в иноязычной форме, чтобы выразить радость, наслаждение от жизни и также *place in the sun*, впервые использованное французским математиком Б. Паскалем, говоря о выгодном положении или ситуации.

К следующей группе заимствований относятся внутриязыковые заимствования, то есть ФЕ, взятые из американского и австралийского вариантов английского языка. Большинство ФЕ пришли в Англию из США и Австралии. Некоторые американские ФЕ настолько ассимилировались, что в новых словарях после них снята помета, указывающая на их американское

происхождение. Примерами заимствованных американских фразеологизмов могут послужить такие ФЕ: *to be on cloud nine* «безмерно счастлив»; *way to go* «очень хорошо! Счастливого пути!»; *like a house on fire (позднее afire)* «энергично, с энтузиазмом». Среди заимствований из австралийского варианта английского языка можно выделить следующие примеры: *happy as Larry/Larrikin* «невероятно счастлив»; *to be a box of bird* «энергичный, веселый»; *to be in like Flynn* «быстро добиться успеха». Большинство американизмов и австрализмов вошли в состав фразеологии низкого стилистического тона, а именно жаргонизмов, коллоквиализмов и сленга.

Таким образом, анализ ФЕ, вербализующих положительные эмоции, отраженных во фразеологическом фонде английского языка показал, что концептосфера положительных эмоций занимает значимое место в картине мира английского народа, являясь одной из основных концептосфер, исследование которых дает возможность лучше понимать носителей языка.

Список литературы

1. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь – 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русс. Яз., 1984. 944 с.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
3. Oxford Dictionary of Idioms. New York: Oxford University Press Inc., 2004. 340 p.

УДК 811.11 + 811.13(5)

К ВОПРОСУ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-РУССКИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ

Миронкина А. И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
nastyamironkina@mail.ru

Данная статья посвящена особенностям перевода английских высказываний приблизительной оценки на русский язык.

Целью работы является выявление особенностей интерпретационного компонента приблизительной оценки в переводческих параллелях.

Интерпретационный компонент, как известно, является своего рода способом речевого предъявления мира и зависит от речезыковой ментальности, поскольку последняя отвечает за то, какие данные концепты «покрывает» мир [2, с. 111].

Анализ материала исследования показал, что при переводе английских высказываний приблизительной оценки на русский язык можно выделить 3 типа переводческих параллелей.

1. При переводе на русский язык приблизительная оценка не сохраняется: *He almost laughed out loud at the absurdity of it.* - Он улыбнулся абсурдности этой мысли. [5, с. 32]. В английском предложении мы наблюдаем приблизительную оценку действия “*almost laughed*”, выраженную аппроксиматором *almost* в сочетании с глаголом, в то время как в русском варианте дается точная номинация действия «он улыбнулся».

2. При переводе на русский язык приблизительная оценка сохраняется, но ее значение выражается другими единицами, т. е. наблюдается частичное соответствие. Например: *Your last letter...well, let's just say things are getting fishier.* В твоём последнем письме... словом, дела становятся всё хуже. [5, с. 363]. В английском предложении используется синтаксический аппроксиматор *let's just say*, однако в русскоязычной параллели – приблизительная оценка выражается на лексическом уровне с помощью языковой единицы *словом*.

3. При переводе приблизительная оценка полностью сохраняется в русском языке, т.е. имеет место полное соответствие между языком оригинала и языком перевода. Например: «*What he really wanted was someone - like a parent: an adult wizard whose advice he could ask without feeling stupid, someone who cared about him, who had had experience with Dark Magic* - Чего бы ему действительно хотелось, так это кого-то вроде... вроде родителя: взрослого колдуна, чьего совета он мог бы спросить без того, чтобы почувствовать себя дураком, кого-то, кто беспокоился бы о нём, и у кого был бы опыт обращения с чёрной магией [5, с. 210]. В английском предложении используется аппроксиматор *like* в сочетании с существительным *parent*, выражающий значение компаративной приблизительной оценки; аналогичный тип приблизительной оценки имеет место и в русскоязычной параллели (в языке перевода): вроде родителя.

Частичное совпадение / несовпадение может быть, на наш взгляд, объяснено тем, что в процессе перевода значение приблизительной оценки оказывается переменной величиной. Последняя является атрибутом английского языка в силу наличия в нем функционально-семантической категории аппроксимации, опосредованно фиксирующей языковую ментальность в картине мира: англоязычная личность проявляет тенденцию к использованию приблизительной оценки, в то время как русскоязычная – к точной номинации. Такое языковое поведение коррелирует с теорией лингвистической относительности Сепира–Уорфа, согласно которой мышление, поведение людей, их мировосприятие в основном определяются языком, на котором они говорят [3, с.169], а «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [3, с. 174].

Таким образом, проведенное исследование выявило смысловую неэквивалентность / частичную эквивалентность / полную эквивалентность интерпретационного компонента приблизительной оценки в переводческих параллелях. Анализ общей выборки исследования показал, что случаи, когда

аппроксимация не сохраняется в русском языке (т.е. языке перевода) является самым частотным. Сохранение аппроксимации при переводе на русский язык является довольно редким случаем – 18,2 % от общего количества выборки – 400 высказываний приблизительной оценки.

Перспективой дальнейшего исследования проблемы может быть более глубокий контрастивно-типологический анализ средств выражения значения приблизительности на материале разноструктурных языков.

Список литературы

1. Бочарова, Е.С. Функционально-семантическое поле аппроксимации в современном английском языке [Текст] / Е. С. Бочарова: автореф. Дисканд. филол. наук: 10.02.04 / Е.С. Бочарова; Пятигор. гос. лингв. ун-т. Пятигорск, 2001. – С. 12-18.
2. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира. // ВЯ №6, 1990. – С. 110-122.
3. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике, вып. 1, М., 1960
4. Швейцер, А. Д. Теория перевода. [Текст] / А. Д. Швейцер, - М., 1988. – 25с.
5. Dan Brown «Da Vinchi Code», [Text] / Brown Dan, 2003.

УДК 811.111»367.723

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ЖЕСТОКОСТЬ» И «УГРЮМОСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Морозенко Е. А.

Бессонова О.Л., д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

elenamorozenko20gmail.com

Человек постоянно оценивает себя, других людей, окружающую его действительность, выражая свое отношение разнообразными средствами в процессе коммуникации. Среди множества трактовок оценки – коммуникативной (одобрение – неодобрение), эмоциональной (приятно – неприятно), качественной (хорошо – плохо), рациональной (полезно – вредно) исходной оказывается проблема значения объекта для субъекта, избравшего его предметом ценностного отношения, которое базируется на признаке хорошо / плохо [6]. Оценка подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [3; 5 – 6].

Целью данного исследования является установление и описание особенностей возникновения и развития оценочного значения в семантике прилагательных с семой “характер”.

Существует множество определений понятия *характер*, что лишь подчеркивает его сложность и многогранность. Слово *характер* греческого происхождения и может быть переведено как печать, чеканка. С точки зрения антропоцентрического подхода представляется возможным описать характер, с одной стороны как общечеловеческую, с другой, как личную ценность, которая имеет важное значение для каждого индивида как в социальной, так и в личной жизни. Одним из самых главных средств выражения ценности является оценка. Как показывает исследование, наиболее продуктивными лексическими средствами выражения оценки являются прилагательные. Имена прилагательные могут объединять два аспекта – определять собственно признак и определять оценку. Объектом оценки прилагательных выступает человек, его деятельность, абстрактные и конкретные понятия, ситуации. В структуре значения исследуемых прилагательных признаков конкретизируется семами, которые определяют особенности употребления, восприятия и отображения черт характера человека. В исследуемых прилагательных мы выделяем архисему, дифференциальную сему и сему положительной и отрицательной оценки. При рассмотрении оценочных прилагательных, выделяют общую и частную оценку и соответственно общеоценочные и частнооценочные признаки. В данном исследовании в фокусе внимания – частнооценочные прилагательные, которые в отличие от общеоценочных, выражают оценку, даваемую субъектом одному из аспектов объекта с определенной точки зрения. Разновидностью частной оценки являются эстетические и этические оценки, которые основываются на синтезе сенсорных и психологических оценок [2].

Анализ оценочных прилагательных в английском и русском языках дает возможность выделения семантических типов оценочных прилагательных по знаку оценки: прилагательных, репрезентирующих отрицательные черты характера, и прилагательных, которые обозначают положительные черты характера. Абсолютное преобладание отрицательной лексики в обоих языках связано со структурой оценочной шкалы, где нормой является положительная оценка.

Данное исследование фокусируется на анализе оценочных прилагательных, репрезентирующих такие отрицательные черты характера как *жестокость* и *угрюмость* в английском и русском языках, так как данные черты характера представляют наиболее многочисленные группы в классификации оценочных прилагательных с семой «характер».

Изучение семантики оценочных прилагательных в английском и русском языках позволяет сделать вывод, что в значении оценочных прилагательных, вербализующих такие черты характера как «жестокость» и «угрюмость», преобладает рациональный тип оценки. Группа таких прилагательных составляет наибольшую группу единиц в обоих языках. Данный тип определяется на основании маркеров оценки, содержащихся в дефиниции. В целом маркеры оценочности подразделяются на две емкие категории “хорошо” / “плохо”. Например: *moody* “угрюмый” – *subject to or indulging in moods of bad temper, depression, etc.*; *sullen melancholy* «подверженный плохому настроению, депрессии; угрюмый,

меланхоличный». Сема “плохо” содержится в словах *bad mood* «плохое настроение» *depression* «депрессия». В русском языке: *жестокый* – 1. *Крайне суровый, безжалостный, беспощадный. Жестокый враг. Жестокие нравы. Жестокый человек.* Оценочный компонент в семантике прилагательных, вербализующих негативные черты характера, выражает неодобрительную оценку субъекта по отношению к объекту.

Анализ материала позволяет определить особенности возникновения и развития оценочного значения в английском и русском языках. В английском языке развитие оценочного значения прилагательных можно проследить от староанглийского периода по новоанглийский период на примере оценочных прилагательных (37 единиц), вербализующих такие черты характера как *угрюмость* и *жестокость*. Анализ единиц позволяет выделить следующие модели возникновения и развития оценочного значения: 1. Н → «—»; 2. “—” → “+” 3. “—” → “Н”; 4. “+” → “—”; 5. “—” → “—”, где “Н” – нейтральная или нулевая оценка, “+” - положительная оценка, “—” - отрицательная оценка. Количественный анализ показал, что наиболее продуктивной моделью развития оценочного значения в английском языке является модель, где значение развивается от нейтрального к отрицательному и возникает в производном значении полисемантического слова в результате метафорического переноса, например: *dowf* «угрюмый» - 1. *Of a sound or (formerly) the weather: dull* «о звуке (раннее о погоде): пасмурная» (ОЕ); 2. *Of a person - lacking spirit or energy; gloomy* «о человеке, которому не достает энергии и силы духа; унылый» (МЕ – НЕ). Расширение значения происходит в результате ассоциативного переноса. В производном значении возникает дифференциальная сема «черта характера» и оценочная сема со знаком «—».

В русском языке оценочное значение прилагательных со значением «жестокость» и «угрюмость» (36 единиц) в большинстве своем возникает в первом значении слова. Развитие оценочного значения можно проследить у 10 единиц по модели Н → «—», где значение развивается от нейтрального к отрицательному и возникает в производном значении полисемантического слова в результате метафорического переноса, например: *мрачный* – 1. *темный, погруженный во мрак. Мрачная ночь.* 2. *перен. исполненный печали, наводящий грусть, угрюмый* [3].

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мышление человека. М.: Язык русской культуры, 1999., 337 с.
2. Бессонова О. Л. Ценностная картина мира и ее отражение в оценочном тезаурусе английского языка // Человек. Язык. Культура. К юбилею В.И. Карасика. К.: Издательский дом Д. Бураго, 2013. Ч. 1., С. 5–11.
3. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4 изд. М., 1997
4. The New Shorter Oxford English Dictionary On Historical Principles: Oxford University Press, 2002., Vol. 1, 2. 3809 p. [NSOED].

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ОБРАЗНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА ПО ПРИЗНАКУ «ХАРАКТЕР» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Осокова А. С.

Бессонова О. Л., д.филол.наук, профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г.Донецк

anna_ososkova@mail.ru

Образность трактуется как лексико-семантическая категория, которая обозначает явление окружающего мира в ассоциативной связи с другим явлением на основе их сходства с помощью метафорического переноса [1]. В основе образности лежит семантическая двуплановость, которая является результатом выражения одного предмета через другой.

Объектом данного исследования выступают образные существительные-наименования лица (далее ОСНЛ) по признаку «характер» в английском и русском языках: *venom* «букв. яд» – «перен. злобный человек», *ворона* «разг. о рассеянном, невнимательном человеке». Изучаемая тематическая группа лексики позволяет определить типичные черты характера представителей данных языковых коллективов, выявить национально-культурные стереотипы, выделить модели образной номинации лица, особенности восприятия действительности носителями языка на основании их ментальности и социального опыта. *Целью* исследования является изучение и описание семантики ОСНЛ по признаку «характер» в английском и русском языках. Для данного исследования отобрано 500 единиц, из них 250 ОСНЛ – в английском языке и 250 ОСНЛ – в русском. Материал исследования получен методом репрезентативной выборки из толкового словаря английского языка [2].

Количественный анализ материала исследования показывает, что в семантической структуре лексического значения выделяется бинарная оппозиция «положительные/отрицательные черты характера». Отмечено преобладание негативной оценки над положительной как в английском, так и в русском языках. Это объясняется тем, что человеку свойственно обращать внимание на недостатки, а положительные черты характера считаются нормой. Количество лексем с отрицательной оценкой в русском языке (205 ОСНЛ, 82 %) превышает количество образных существительных в английском (189 ОСНЛ, 76 %). ОСНЛ с положительной оценкой в английском языке (61 ОСНЛ, 24 %) преобладают над образными наименованиями лица с положительным значением в русском (45 ОСНЛ, 18 %).

В обоих сопоставляемых языках метафорический перенос отличается более высокой продуктивностью в сравнении с метонимическим переносом. В русском языке метафоризация лежит в основе семантической связи между

образным и базовым значением в 241 случае, а в английском языке – 221. Количество лексических единиц, образованных с помощью метонимического переноса, в английском языке (29 ОСНЛ, 12%) превосходит количество существительных в русском (9 ОСНЛ, 4%). В английском языке преобладают ОСНЛ, образованные по модели “животное → человек” (84 ОСНЛ, 38%): *gannet* «баклан» → *gannet* «тщеславный человек»; а в русском языке – по модели “человек → человек”: *лакей* → «о раболепствующем человеке».

Семантическая структура ОСНЛ, репрезентирующих отрицательные черты характера, включает 18 семантических признаков в английском языке и 15 в русском языке. В данных языках совпадают следующие признаки: никчемность, жестокость, злобность, тунеядство, грубость, вероломность, жадность, хитрость. Только для английского языка характерны семы “раздражительность”, “тщеславность”, “надоедливость”, “бесчестность”, “непостоянность”, “ленивость”, “консервативность”, “трусость”, “подхалимство”. Специфической чертой русского языка являются семы: бесхарактерность, болтливость, бездушность, нелюдимость, вспыльчивость, лицемерность. Семантический признак “никчемность” доминирует в английском языке (47 ОСНЛ, 25%): *toerag* «коврик» – «никчемный человек», *rip* «кляча» – «человек не представляющий собой ценности»; а в русском языке доминирует сема “жестокость” (19 ОСНЛ, 9%): *зверь* «о жестоком человеке», *изувер* «человек, доходящий до крайней степени жестокости».

В английском языке семантика понятия «характер» включает 7 семантических признаков с положительной оценкой, а в русском – 4. Общими для исследуемых языков являются две семы: упорство и смелость. Различие составляют семантические признаки “идеальность”, “добродетель”, “надежность”, “энергичность” в английском языке и сема “величественность” в русском. Сема “идеальность” преобладает в английском языке (14 ОСНЛ, 22%): *rippin* «пепин» – «совершенный человек», *swan* «лебедь» – «безупречный человек»; а в русском языке ведущими по объему являются лексемы с семой “величественность” (18 ОСНЛ, 40%): *богиня* «перен. о красивой и величественной женщине», *золото* «перен. тот, кто имеет достоинства».

В английском языке отмечено больше ОСНЛ, в образном значении которых сочетается несколько семантических признаков. Наибольшей по количеству выступает группа ОСНЛ, в дефиниции которых сочетается несколько сем с отрицательной оценкой: англ. *tartar* «татарин» (грубый + яростный + раздражительный + упрямый), англ. *slob* «грязь» (глупый + грубый + толстый), рус. *шушера* (никчемный + общественно вредный), рус. *теленки* (безвольный + наивный + глупый), рус. *свистун* (болтун + бездельник). Также в исследуемых языках выявлены редкие случаи сочетания в переносном значении нескольких положительных черт характера: англ. *sport* «спорт» (справедливый + великодушный), *trouper* «актер» (надежный + терпеливый), рус. *рыцарь* (самоотверженный + великодушный + благородный), рус. *орел* (отличающийся мужественной

красотой + удалью + отвагой + смелостью); а также положительной и отрицательной черты характера: *tiger* «тигр» – «жестокий или кровожадный человек; человек большой энергии, силы или смелости», рус. *олимпиец* (высокомерный + спокойный + величественный).

С точки зрения дифференциации по признаку пола, в анализируемых языках мужчина наделяется смелостью (англ. *cock* «петух», англ. *Roland* «Роланд», рус. *богатырь*, рус. *лев*). Однако только в русском языке отмечена отрицательная оценка безвольного мужчины: *тюфяк*, *нюня*, *квашня*, *тряпка*. Такая характеристика осуществляется за счет переноса коннотативных значений, обычно приписываемых женщине: *баба* «разг. о слабохарактерном мужчине». В английском и русском языках женщина характеризуется сварливостью (англ. *vixen* «лиса», англ. *shrew* «землеройка», рус. *ведьма*, рус. *мегера*) и злобностью (англ. *stepmother* «мачеха», рус. *фурия*, рус. *гадюка*). При наименовании женщины внимание уделяется ее внешности и возрасту: англ. *ruby* «рубин», рус. *Баба-Яга*. Только в представлении носителей русского языка характерная черта женщины – болтливость: *трещотка*, *кумушка*, *щебетунья*.

Анализ семантики исследуемых ОСНЛ позволяет определить стереотипные образы представителей англоязычного и русскоязычного социума. В английском языке мужчина и женщина считаются консервативными, спокойными, надежными людьми. Русская женщина обладает богатырским телосложением, железным характером и сварливостью, а мужчина наделяется благородством и смелостью. Особенности характера данных языковых коллективов обусловлены разным социальным опытом. Борьба с несправедливостью и порабощением закалили характер русских. Англичане стали стойкими, предусмотрительными и холодными в ходе строго воспитания и жесткой дисциплины с раннего детства. Особое место в жизни двух наций отводится библейским мотивам, религии, представлениям о добре и зле: англ. *seraph* «серафим», англ. *shaitan* «шайтан», рус. *нехристь*, рус. *язычник*.

Список литературы

1. Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск: Том, 2005. 156 с.
2. The New Shorter Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press Inc., 1993. 3801 p.

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ XIX-XX ВВ.

Осташова О.И.

Бессонова О.Л., д.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

ostashovaoksana@mail.ru

Статья посвящена описанию коммуникативно-прагматических особенностей оценочных высказываний в англоязычном художественном дискурсе. **Объектом** данного исследования выступают высказывания с оценочным предикатом, характеризующиеся прагматическим потенциалом. Это высказывания типа *You are a ripping swimmer* «Ты первоклассный пловец»; *She's very attractive* «Она очень привлекательная».

Корпус эмпирического материала исследования составляют 2871 контекстов, отобранных методом сплошной выборки из англоязычных художественных текстов XIX-XX вв. Данные высказывания являются частью монологической или диалогической речи персонажей, то есть порождаются определенной коммуникативной интенцией говорящего в определенной прагматической ситуации. **Предметом** исследования являются коммуникативно-прагматические особенности оценочных высказываний, функционирующих в художественном дискурсе.

Актуальность предложенного исследования обусловлена интегрированным функциональным и диахроническим подходом к изучению коммуникативно-прагматических особенностей ОВ в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX веков.

Цель исследования заключается в выявлении и описании коммуникативно-прагматических особенностей ОВ и их прагматической роли в речевой деятельности говорящих, изображенной в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX вв.

По мнению ученых (Н. Д. Арутюновой [1], Т. Ван Дейка [3], Дж. Остина [4], Дж. Серля [6], И. П. Сусова [6]), высказывание выступает средством реализации речевого акта, который может отождествляться с предложением или совокупностью предложений. На этом основании ОВ, лежащие в основе порождаемого и передаваемого говорящим адресату оценочного сообщения, отождествляются нами с оценочными речевыми актами (РА).

Как известно, проблемой оценочных речевых актов в отечественной лингвистике занималась Е. М. Вольф [2]. В ее научной концепции оценочные высказывания рассматриваются как особый вид иллокутивных актов, имеющие своей целью изменить эмоциональное состояние говорящего и / или произвести эмоциональное воздействие на слушателя путем одобрения

или неодобрения и называет их, вслед за Дж. Серлем, собственно экспрессивами или экспрессивами в узком смысле [6, 165].

По нашему мнению, категориальные признаки оценочных РА, описанные Е. М. Вольф, не полностью отображают специфику такого рода актов, поскольку далеко не все РА, связанные с выражением оценки, эмоционально направлены на собеседника, и не всегда их перлокутивный эффект состоит в изменении эмоционального состояния адресата речи. К оценочным мы предлагаем относить РА, иллокутивная интенция которых, прямо или опосредованно, связана с оценочной деятельностью говорящего.

В высказываниях необходимо различать его пропозиционный смысл и иллокутивную силу. Пропозиция, по мнению Н. Д. Арутюновой, – это стабильное семантическое ядро высказывания, обозначающее действительное или возможное положение дел [1]. Под иллокутивной силой высказывания понимается коммуникативное намерение говорящего и совокупность условий, необходимых для его реализации [5]. Как отмечает И. П. Сусов, иллокутивные силы, вмещающие в себя интенцию говорящего, которая декодируется адресатом, называются прагматической составляющей пропозиционного содержания, или прагматическим значением [8].

Как утверждает Е. Н. Старикова, в пределах одного и того же высказывания возможно совмещение нескольких прагматических значений (первичного и вторичного), которое происходит вследствие прагматического совмещения. В таком случае, речь идет о полииллокутивных речевых актах – речевых образованиях оформленных одним высказыванием, способным выполнять несколько акторечевых функций, которые находятся между собой в отношении взаимной поддержки [7].

Среди ОВ, составляющих корпус эмпирического материала исследования, удалось выделить РА с прямой оценкой (2153 контекста – 75%), в основе которых лежат двоиллокутивные ОВ и РА с сопутствующей оценкой (718 контекстов – 25%), в основе которых – полииллокутивные ОВ.

РА с прямой оценкой отображают эмоциональное состояние говорящего и его оценочное отношение к адресату, которое представлено в пропозициональном содержании высказывания. Перлокутивный эффект такого рода оценочных актов состоит в изменении эмоционального или психологического состояния адресата. РА с сопутствующей оценкой не связаны напрямую с оценочной деятельностью говорящего, оценочное отношение присутствует лишь в форме логических или прагматических пресуппозиций и является условием успешного протекания РА. В РА такого типа оценочная модальность сочетается с модальностями совета, рекомендации, требования и т.д.

Контекстуальный анализ двоиллокутивных ОВ позволил выделить позитивно-оценочные и негативно-оценочные РА. Необходимо отметить, что позитивно-оценочные РА превалирует над негативно-оценочными и составляют 1227 контекстов (57% от всего корпуса языкового материала), что объясняется намерением коммуникантов установить контакт с

собеседником и поддерживать дружелюбную атмосферу, располагающую к общению.

В ходе иллокутивного анализа ОВ с положительной оценочной семой были разделены на следующие группы:

- 1) РА одобрения;
- 2) РА похвалы;
- 3) РА комплимента;
- 4) РА лести;

5) РА самопохвалы. В тоже время среди ОВ с негативной семой целесообразно выделить следующие группы:

- 1) РА неодобрения;
- 2) РА порицания / осуждения;
- 3) РА оскорбления;
- 4) РА критики / упрека;
- 5) РА самопорицания.

В художественном дискурсе XIX-XX веков превалируют РА со значением одобрения и неодобрения, что объясняется множественностью объекта оценки. В таких РА оценка может быть направлена на неодушевленные предметы (предметам интерьера, места, изобретениям, предметам искусства и т.д.), абстрактные понятия и природу. Из таблицы видно, что РА похвалы и комплимента также широко представлены в художественном дискурсе. На наш взгляд это связано с иллокутивной целью РА такого типа – повлиять на эмоциональное состояние коммуниканта и расположить его к себе. Наименьшую частотность имеют РА со значением самопохвалы, так как они вызывают негативную реакцию собеседника и характеризуют адресанта как самодовольного человека с завышенной самооценкой.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Падучева Е.В. Истоки, проблемы, категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI. С. 5-23.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки [2-е изд.]. М.: УРСС, 2002.
3. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация. [Пер. с англ.] М.: Прогресс, 1989.
4. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 133-150
5. Процедури концептуального аналізу в різноструктурних мовах / Бессонова О.Л., Сарбаш О.С., Трофімова О.В., Олійник С.В., Стоянова І.Д. Донецьк: ДонНУ, 2012.
6. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. 1986. Вып. XVII. С. 151-169.
7. Старикова Е.Н. Проблемы семантического синтаксиса. К.: Вища школа, 1985.
8. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова книга, 2009.

КОНЦЕПТ TERRORISM В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Полторак В.А.

Фатьянова И.В., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

bonik.sweden227@gmail.com

Современная когнитивная лингвистика – всесторонне развивающееся лингвистическое направление, которое исследуется в разных научных центрах мира. Это обуславливает определенные различия в подходах, понимании основных задач когнитивной лингвистики и используемых методах.

Характеризуя сложившиеся в отечественной когнитивной лингвистике научные направления, можно выделить два основных подхода: лингвокогнитивный и лингвокультурный.

Лингвокультурный подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию. Этот подход определяет концепт как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего [2, с.13-14]. В свою очередь лингвокогнитивный подход исходит из того, что в основе знаний о мире лежит такая единица ментальной информации, как концепт, которая и обеспечивает «выход на концептосферу социума». С позиций лингвокогнитивного подхода к изучению концепта была разработана его полевая модель, представленная в терминах ядра и периферии.

Под концептом понимают семантическое образование, которое имеет национальную специфику носителей определённой этнокультуры. В то же время – это квант знания, которое отображает содержание всей деятельности человека и имеет эмоциональный, экспрессивный и оценочный ореол. Таким образом, в сознании человека мир представляется через концепты, которые кодируются в человеческом языке, то есть в слове [3, с.45].

Категория концепта упоминается на сегодняшний день в исследованиях философов, логиков, психологов, культурологов, и она несёт на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций. З. Д. Попова и И. А. Стернин определяют концепт «как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным

сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [4].

Концепт «терроризм» является ментально-лингвистическим фреймом социо-культурного уровня.

Как явление социальное терроризм является объектом изучения различных наук. Однако общим признаётся то, что терроризм – это применение насилия или угроза насилия для достижения в основном политических целей. Таким образом, словари, например, Longman Exams Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English детализируют приведённые определения номинации terrorism: применение насилия, такого рода как бомбардировка, стрельба или похищение людей для достижения различных политических целей [6, с. 1596; 5, с. 1490].

Анализ словарных дефиниций и обособленный содержательный минимум позволяет определить, что фрейм концепта TERRORISM имеет иерархически сложную структуру. Она состоит из вершинных узлов, слотов и подслотов. Вершинные узлы фрейма могут быть представлены концептами: СУБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА, ОБЪЕКТ ТЕРРОРИЗМА, ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РЕЗУЛЬТАТ ТЕРРОРИЗМА.

Номинативное пространство фигурирует как отражение признаков реалий и их лексических интерпретаций. Способом упорядочения единиц в пределах пространств выступают группировки лексических средств – лексико-семантические поля (ЛСП) [1, с. 230], в соответствии отличаясь между собой разной степенью сложности и объемом семантической референции. Следовательно, можно выделить три вида ЛСП концепта TERRORISM.

• **Субстантивное ЛСП terrorism**, напр.: *terrorist* – *a person who takes part in terrorism* (ср.: человек, который принимает участие в терроризме) [8, с. 1396]; *alarmist* – *one who raises alarm* (ср.: тот, кто сеет страх и беспокойство) [8, с. 35]; *counterterrorism* – *a strategy intended to prevent or counter terrorism* (ср.: стратегия, которая предназначена для предотвращения или борьбы с терроризмом) [7].

• **Атрибутивное ЛСП terrorism**, напр.: *mutinous* – *taking part in a mutiny* (ср.: участвовать в мятеже) [8, с. 875]; *rebellious* – *opposed to the government of a country; opposed to those in authority within an organization* (ср.: против правительства страны; в оппозиции к руководству в организации) [8, с. 1101]; *horrendous* – *extremely shocking; terrible* (ср.: крайне шокирующий; страшный) [8, с. 656]; *dreadful* – *causing fear or suffering* (ср.: вызывает страх / ужас или страдание) [8, с. 403].

• **Глагольное ЛСП terrorism**, напр.: *to dishearten* – *to make somebody lose hope or confidence* (ср.: заставить кого-то потерять надежду или доверие) [8, с. 379]; *to dismay* – *to make somebody feel shocked and disappointed* (ср.: сделать так, чтобы кто-то пережил потрясение и разочарование) [8, с. 380]; *to violate* – *to go against or refuse to obey a law, an agreement, etc.* (ср.: идти

против, либо не повиноваться закону, соглашению и т.д.) [8, с. 1503]; *to infringe* – *to break a law or rule* (ср.: нарушить закон или правило) [8, с. 697].

Список литературы

1. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике / Владимир Андреевич Звегинцев. М. : Изд-во Московского ун-та, 1996. 336 с.
2. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов. Антология концептов. Т.1. Волгоград, 2005. С. 13–15.
3. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-89636.html>
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
5. Longman Dictionary of Contemporary English / Ed. by Della Summers. Harlow: Pearson Education Limited, 2001. 1668 p.
6. Longman Exams Dictionary. L. : Pearson Education Limited, 2006. 1831p.
7. The Free Dictionary On Line [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freedictionary.com/terrorism>
8. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 6-th edition / Ed. by Sally Wehmeier. Oxford University Press, 2000. 1604 p.

УДК 80

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНЦЕВ

Ратохина А.С.

Ленец А.В., д. филол. н., профессор

ФГАОУВПО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону

iggy88@mail.ru

Одним из значимых вопросов в лингвокультурологии является отнесение черт личности к универсальным, характерным всему человечеству, или специфическим, которые характерны только определённому народу. Исследователи разделились на так называемых спецификаторов и универсалистов [Ярмахова, 2005: 9].

Национальная идентичность и стремление к сохранению национальных особенностей является потребностью каждого отдельного народа. Для выявления британских национальных особенностей требуется детальное изучение географических, исторических и культурных характеристик самой Великобритании.

Говоря о методах лингвокультурологического анализа важно отметить, что в этой области используются методологии из других гуманитарных наук. В связи с тем, что лингвокультурология это сама по себе наука на стыке языкознания, культурологии и социологии, то совершенно очевидно, что она использует методы не только этих наук, но а также методы этнолингвистики

и культурной антропологии. К таковым относятся метод контент-анализа, фреймовый анализ, нарративный анализ, методы полевой этнографии, открытые интервью, применяемые в психологии и социологии, метод лингвистической реконструкции культуры, традиционные методы этнографии, так и приёмы экспериментально-когнитивной лингвистики. Данные методы вступают в отношения взаимодополнительности, особой сопряжённости с разными познавательными принципами, приёмами анализа, что позволяет лингвокультурологам исследовать сложный объект – взаимодействие языка и культуры.

Всем известна приверженность англичан к традициям, этот традиционный подход относится ко всем сферам повседневной жизни: семья, работа и досуг. К примеру, одним из любимейших занятий англичанина уже многие века является садоводство. Также мы знаем, что англичане ведут размеренный и неторопливый образ жизнь, они искренне убеждены, что спешка и суета или излишняя активность не имеют ничего общего с приличным обществом и аристократии, к которым они себя причисляют. Они считают, что уважающий себя человек не должен спешить и суетиться [Стернин, Ларина, Стернина, 2003: 35-42]. Важным условием коммуникативной вежливости в английском речевом этикете являются немногословие, коммуникативный оптимизм, фатическое общение, эмоциональная сдержанность, самоирония.

Все эти черты относятся к понятию «лингвокультурный типаж», выделяемому в лингвокультурологии. Это концепт, который состоит из стереотипичного представления об определённом социально-историческом типе личности, который символизирует ту или иную культуру в целом [Карасик, 2006: 8]. И язык человека является отражением опыта выживания народа на протяжении долгих веков. Всё это время этнос находится на каком-то участке нашего мира, что определяет ещё одно важное условие, помимо исторической составляющей и географического расположения. Для того чтобы понять лингвокультурный типаж «британский парламентарий», необходимо обратиться не только к истории этого островного государства, но и к его географическому расположению.

Так, одна из отличительных черт британцев – это недоверие ко всему новому. И связано это с тем, что Соединённое Королевство – это союз четырёх стран, где каждая из этих стран испытывает недоверие к соседней. Кроме того, в самой Англии издавна существовало деление на Север и Юг. Остальной мир англичане воспринимают как участок, где взаимодействуют некие группы народов, каждый со своими обычаями и культурой – и можно на все это либо смотреть со стороны, либо использовать себе во благо, либо просто списать со счетов за ненадобностью – в зависимости от желания.

Всю вторую половину 20 века они продолжали и продолжают бороться до сих пор за свою национальную принадлежность. Но борьба эта происходит не только по экономическим, но и по политическим причинам. Им важно чувствовать свою этническую значимость и проявление уважения к ним.

Что касается шотландцев, то они никогда не были завоёваны англичанами, но их отношения с властными соседями нельзя назвать дружественными. Дело в том, что нападения англичан были настолько серьёзными, что в 1320 году шотландское духовенство заявило, что до тех пор, пока хоть сотня шотландцев будет ходить по этому свету, они не забудут того, что сделала им Англия и никогда не припадут к их власти [McDowall, 2008: 133]. Но, несмотря на это Англия и Шотландия объединились в Великобританию позже по просьбе Англии. Англия обратилась к Шотландии из-за политических обстоятельств, и шотты не смогли отказать из-за неблагоприятной экономической обстановки на тот момент.

Таким образом, очевидно, что Великобритания – это непростой союз, а выгодное в какой-то момент соединение воинствующих за главенство держав. Англичане, шотландцы, валлийцы и ирландцы более чем за тысячу лет не смогли забыть вторжений, завоеваний, предательств от людей, которые теперь являются их ближайшими соседями. Поэтому, мы полагаем, они категорично настроены против каких-либо дополнительных объединений, что и сыграло роль в голосовании по вопросу Брэксита.

Список литературы

1. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «английский чудак» / В.И. Карасик, Е.А. Ярмахова. М.: Гнозис, 2006. 240 с.
2. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 184с.
3. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Волгоград. 2005.168с.
4. McDowall David. Britain in close-up. Longman Group Ltd, England, 2008. 208 p.

УДК 811.111

ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИКИ ОЦЕНОЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦА, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПОНЯТИЯ «ВОР, ГРАБИТЕЛЬ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Хейхель М.И.

Бессонова О.Л. д. филол. н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

kheikhelmaia@gmail.com

Оценочные номинации лица вербализуют психоповеденческие, внешние, социальные характеристики личности, являются важной составляющей национальной картины мира и образуют антропоморфный код английской лингвокультуры. Анализ работ показал, что коды культуры рассматривались

учеными преимущественно с позиции синхронии, в то время как их диахроническому описанию не уделялось достаточного внимания. В связи с этим представляется актуальным изучение антропоморфного кода английской лингвокультуры с точки зрения диахронии.

Оценочные наименования лица, обозначающие понятие «вор, грабитель», входят в пласт лексики, который существует с древних времен. В древнеанглийском языке данная группа слов насчитывала 23 единицы. Выделяются следующие подгруппы: «вор, грабитель» (17 единиц, 74%), например, *ðeofmann* «вор, грабитель», *rēafere* «вор, грабитель», *strūdere* «вор, грабитель», *wealdgenga* «вор, грабитель»; подгруппа «вор, который ворует «объект»» (4 единицы, 17%) представлена лексемами: *bēoðeof* «тот, кто ворует пчел», *goldðeof* «тот, кто ворует золото», *manðeof* «тот, кто ворует людей», *stōððeof* «конокрад, тот, кто ворует коней»; 2 лексемы (9%) не вошли в вышеперечисленные группы: *mōrsceaða* «грабитель, разбойник, который орудует в горах», *wergildðeof* «вор, похититель, который может быть освобожден, уплатив виру (вергельд, выкуп)».

В современном английском языке данная группа слов значительно расширилась и составляет 99 слов, что в 4,3 раза больше, чем в древнеанглийский период. Семантика лексем современного английского языка является неоднородной и осложняется дополнительными семами. Подгруппы «вор, грабитель» (47 единиц, 47%), например, *rifler* «грабитель, вор», *heist* «грабитель», *lifter* «вор», *tealeaf* «вор» и подгруппа «вор, который ворует «объект»» (16 единиц, 16%), например, *rustle* «тот, кто крадет скот», *hijacker* «похититель самолётов, воздушный пират», *abductor* «похититель другого лица (особенно женщины, ребенка, подопечного, избирателя», являются по-прежнему самыми многочисленными, однако также выделяются две новые подгруппы: «карманный вор, воришка» (15 лексем, 15%) и «вор, который совершает кражи в квартирах, домах» (7 лексем, 7%). Подгруппа «карманный вор, воришка» представлена лексемами *nipper* «вор, карманный вор», *knuck* «вор, карманный вор», *pilferer* «мелкий вор, воришка», *cutpurse* «вор-карманник»; подгруппа «вор, который совершает кражи в квартирах, домах» репрезентируется следующими единицами: *burglar* «ночной грабитель; вор; вор-взломщик; домушник, налетчик», *creep* «вор, совершающий кражи через открытые окна и двери», *drummer* «вор, домушник». Такие слова как *resurrectionist (resurrertioner)* «похититель трупов», *hooker* «вор, который использует крюк», *tombarolo* «расхититель гробниц» не вошли в вышеперечисленные группы и составили подгруппу «другие» (14 лексем, 14%).

Все слова данного синонимического ряда как в древнеанглийском, так и в современном английском характеризуются оценкой со знаком минус в силу своего значения, тип оценки меняется. В древнеанглийском языке преобладает рациональный тип оценки, в современном английском на ряду с рациональным типом, часто встречается эмоциональный тип оценки, подгруппа «Вор, грабитель» широко представлена в сленге, а также рядом

слов, которые использовались в среднеанглийский период, а сейчас являются архаичными. Синонимический ряд значительно расширился за счет образования новых слов в среднеанглийский период. После нормандского завоевания государственным языком стал французский язык, а английский язык обеспечивал формы устного общения. Для обозначения многочисленных новых понятий словарь пополняется как за счет внутренних ресурсов языка, так и французскими и скандинавскими заимствованиями. Развито и образование существительных от глаголов, а также семантическая деривация. Многие слова расширили своё значения, но есть и те, которые сузили его, например, слово *steep* означало просто вора, а стало означать вора, который совершает кражи через окна и двери. Полисемия была не присуща древнеанглийским наименованиям лица, хотя конечно присутствовала, в современном же английском языке полисемия развита.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., Наука, 1988. 341 с.
2. Бессонова О.Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / А. Э. Левицкий, С. И. Потапенко, И. В. Недайна, редакторы. Изд-во ГУ ЛНУ имени Тараса Шевченко Луганск, 2013. С. 624.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. 168 с.
4. Дронова Л. П. Методика диахронического исследования и когнитивный подход к языку // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2013. №2 (22). С.22-39.

УДК 81»373.23:82-31:821.111»18/19»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНТРОПОНИМ КАК КУЛЬТУРНЫЙ СОЦИОКОД (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РОМАНОВ XIX-XX ВВ.)

Чечина И. В.

Сысоева Е.С., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

chetchina_i.v@mail.ru

Данная работа посвящена анализу функционально-стилистического потенциала английских литературных антропонимов на материале 13 английских романов периодов Романтизм и Реализм. Отобранные тексты принадлежат к числу наиболее значимых произведений представленных эпох (Дж. Остин «Гордость и предубеждение», «Нортенгерское аббатство», «Чувство и чувствительность», «Эмма», Ш. Бронте «Джейн Эйр», «Шерли»,

Э. Бронте «Грозовой перевал», Дж. Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи», Ф. Фицджеральд «Великий Гэтсби», «Ночь нежна», Э. Хэмингуэй «Фиеста (И заходит солнце)», «Прощай, оружие!», «По ком звонит колокол»).

Изучением функционирования имен собственных в художественном тексте впервые начал заниматься Н. Н. Михайлов в 50-х годах XX века. Первые попытки подобных исследований не отличались от собственно ономастических объектов, а отнесение их к области литературной ономастики оправдывалось лишь их принадлежностью к источнику, то есть к литературе [3, с. 81].

Художественное произведение представляет собой сложный комплекс, состоящий из автора, самого текста и читателя, которые выполняют функции создателя текста, воплощение идей автора и интерпретатора предоставленной информации соответственно. Литературная ономастика создается на основе творческого выбора автора произведения в соответствии с его стилем и жанром.

Из этого следует, что основополагающей функцией художественной литературы является отображение национальных особенностей, специфика мировосприятия, а также представление системы культурно-исторических ценностей народа. Этим объясняется то, что под литературным произведением понимается как построение действий и поступков героя, так и немало важным является описание его природенных внутренних качеств и свойств. Изображение персонажа подразумевает характеристику его чувств по отношению к другим героям и его личностное восприятие окружающего мира [4, с. 41].

В тексте художественного произведения имена персонажей выполняют важную характерологическую функцию. Такие имена называются релевантными качествам персонажей, они актуализируют как внешние характеристики, так и внутренние качества героев. Таким образом, собственное имя человека приобретает признаки литературного антропонима при его употреблении в художественном тексте [2, с. 55-56].

Стоит понимать, что основным источником происхождения и популяризации имени является его носитель, а также показатель частотности его употребления. Так же происходит и с именами собственными, которые присваиваются довольно узкому кругу носителей. Данный факт позволяет установить закономерность преобразований внутри имен и особенностей их функционирования в тексте художественного произведения при следовании за авторской идеей писателя [1, с. 7-8].

К анализу был привлечен корпус языкового материала (465 единиц) персонажей романов Викторианской эпохи (XIX век) и периода Реализм (XX век). Результаты исследования свидетельствуют о том, что авторы произведений XIX века, так и XX, для именованья персонажей своих произведений наиболее часто обращаются к именам известных носителей (XIX век – 56,5% и XX век – 59,6%). Так, например, имя героини одного из романов Дж. Остин «Гордость и предубеждение» *Georgiana* (в основе

которого лежат существительные греческого происхождения *earth* «земля» + *work* «работа») вошло в антропонимическую систему английского языка в XVIII веке благодаря герцогине Девоншира Джорджиане, которая отличалась необычайной красотой. Выбор этого имени обусловлен референтным значением имени. Имя героя романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» *Richard*, образованное от древнегерманских основ *ric* (англ. *power*) «сила» и *hard* (англ. *brave*) «смелый, смелость», обрело популярность после завоевания норманнами полуострова в XII веке и впоследствии являлось именем большого количества правителей Англии.

К немногочисленной функциональной группе в корпусе исследования относятся имена, привнесенные в английский национальный именник путем семантических изменений топонимов, фамилий и явлений флоры и фауны. В романе Дж. Остин «Чувство и чувствительность» выбор имени *Brandon*, которое происходит от валлийского слова *prince* (англ. «принц»), обусловлен ассоциацией у носителей языка с ирландским фамильным именем *Breánainn*. На страницах романа полковник ведет себя как степенный и безупречный джентльмен, истинный представитель своей успешной семьи, что вполне коррелирует с внутренней формой антропонима. Популярность другого литературного антропонима *Violet* (от лат. *viola* «фиалка») в романе «Ночь нежна» Ф. С. Фицджеральда связана с названием цветка, который у влюбленных ассоциируется с нежностью, невинностью и застенчивостью в виду того, что она растет в тени.

Результаты анализа языкового материала показывает, что литературные аллюзии, к которым прибегают писатели, называя своих персонажей, являются дополнительными средствами экспликации авторского замысла. В романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» имя маленькой девочки, мать которой не верила в счастливую судьбу дочери, *Pammy* (от греч. *all* «все, всё» и *honey* «мед, медовый») ассоциируется, прежде всего, с главной героиней пасторального романа «Аркадия» Ф. Сидни – девушкой, которой необходимо было пройти испытания на прочность любви, чтобы обрести счастье.

Часть антропонимов, привлеченных к исследованию, демонстрируют талант писателя, который проявляется в авторском имятворчестве – создание новых специфических именовании (оказионализмов), лексических средств художественной выразительности и выражения творческого потенциала в произведении. Например, в своем романе «Грозовой перевал» Э. Бронте создает для центрального персонажа имя *Hareton*, этимологически восходящим к основам англ. *hare* «заяц» + англ. *town* «город», предпочитая его любому известному в мировой литературе имени, что создает уникальное ономастическое пространство произведения и наделяет героя романтическими чертами, присущими описываемому периоду.

Имя в полной мере соотносится как с философскими, так и сугубо лингвистическими понятиями. Имя как культурный и социальный феномен аккумулирует в своей внутренней форме традиционные и привычные человеку характеристики, тем самым перенося историческую информацию

сквозь время. Проведенный анализ антропонимического пласта художественных произведений XIX-XX веков (романы Э. Бронте, Ш. Бронте, Дж. Остин, Дж. Сэлинджера, Ф. С. Фицджеральда, Э. Хемингуэя), показывает, что на формирование мировоззрения и социальных отношений испокон веков значительное влияние имело само общество. Так, если имя находит отражение в устных или письменных источниках и основывается на описании значимых исторических событиях, то оно становится наиболее часто употребляемым и востребованным в мыслях людей.

Список литературы

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
2. Живоглядов А.А., Нухов С.Ж. Семантико-стилистические особенности и поэтическая функция подсистемы английских индивидуализирующих имён собственных личных (индивидуализаторов) // Словообразование и лексические системы в разных языках. Уфа, 1996. Вып. 2. С. 49–58.
3. Калинин В.М. Литературная ономастика, или Поэтика онама. Донецк: ДонНУ, 2002. 39 с.
4. Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. М.: Академия, 2006. 224 с.

УДК 811.111:81»373.231:904(=111)

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ АНГЛИЙСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ГЕРМАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАК НОСИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АНГЛОСАКСОВ

Шостак К. А.

Сысоева Е. С., к.ф.н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

karinashostak@gmail.com

Одним из спорных вопросов в лингвистическом научном пространстве остается вопрос семантики имен собственных (далее ИС). Примером этому может служить лозунг Э. Пулграма: «Я не могу позволить себе интереса к знанию имени любого человека только ради самого знания, потому что слишком много имен отяготили бы тогда мою память» [3, с. 26]. Вопрос о значении ИС является предметом дискуссии из-за существующего расхождения взглядов ученых-лингвистов на тему, обладают ли антропонимы лексическим значением, или они выступают своеобразными ярлыками [2, с. 4]. Некоторые лингвисты полагают, что личные имена (далее ЛИ) не имеют значения, они являются своеобразными маркерами, с помощью которых мы узнаем предметы и отличаем их друг от друга (Дж. Ст. Милль, О. Функе, Ж. Вандриес, В. Брендаль). Другие исследователи считают возможным, что ИС несет в себе значение и включает больше значения, нежели имя нарицательное (М. Бреаль, В. А. Никонов, Л. П. Ступин, Л. М. Щетинин).

Выделив основные точки зрения ученых-лингвистов относительно коннотативности ИС, мы можем подчеркнуть, что этот вопрос остается актуальным и неразрешенным спустя столетие. Теоретической базой настоящего исследования являются труды известных ученых-лингвистов Л. Г. Шермет, В. А. Никонова и Л. М. Щетинина, которые полагают, что значение ЛИ должно рассматриваться с точки зрения языка и речи. Так, возможно выделение общей информации о классе предмета в языке через значение ЛИ, в речи мы можем отметить значение ИС, которое передает основную информацию о каких-либо моральных или физических качествах обладателя имени.

Корпус языкового материала составляют 550 английских антропонимов германского происхождения (далее АГП), которые представляется возможным классифицировать по двум семантическим сферам – «Биологические признаки средневековых англосаксов» и «Социальная реализация англосаксов периода раннего средневековья». Данная классификация основана на значении дифференциальных сем английских имен собственных германского происхождения. Необходимость выделения вышеуказанных семантических групп, в первую очередь, обусловлена сложностью и противоречивостью функциональной природы человека как живой системы, которая представляет собой объединение физического и духовного, природного и социального, выступая элементом живой природы – биологическим существом и субъектом отношений, членом определенного общества. Проиллюстрируем, каким образом вышеуказанный дуализм раскрывается в апеллятивной семантике АГП.

Из общего объема языкового материала 109 АГП репрезентируют семантические группы с компонентами «внешность» и «личностные качества человека». Семантическая сфера «Биологические признаки средневековых англосаксов» представлена дифференциальными семами: др.-англ. *feax* «волосы», др.-англ. *loc* «локон», др.-англ. *ēage* «глаз». Сравнивая частотность употребления указанных выше компонентов в составе апеллятивных основ рассмотренных ИС, мы можем отметить, что обозначение внешних биологических признаков средневекового англосаксонского общества значительно уступает вербализации его личностных качеств (см. данные таблицы 1).

Таблица 1

Компоненты, вербализирующие понятие “внешность”

№	Компоненты	Кол-во	%	Примеры антропонимов
1	др.-англ. <i>feax</i> «волосы»	8	47	<i>Fairfax (m)</i> – др.-англ. <i>fair</i> «светлый» + <i>feax</i> «волосы»
2	др.-англ. <i>loc</i> «локон»	5	29,5	<i>Sherlock (m)</i> – др.-англ. <i>scīr</i> «светлый» + <i>loc</i> «локон»
3	др.-англ. <i>ēage</i> «глаз»	4	23,5	<i>Brady (m)</i> – др.-англ. <i>brad</i> «широкий» + <i>ēage</i> «глаз»
	Всего	17	100	

Представляя собой воинствующий народ, англосаксы наделяли ИС значением, подчеркивающим силу, выносливость, воинственность и мужественность обладателя имени.

Так, считая главным своим заданием обороняться и воевать против враждующих народов, англосаксонское общество намеренно использует следующие апеллятивы ИС: ср. др.-вн. *adal* «благородный», ср. др.-вн. *hart* «сильный», др.-вн. *bald* «смелый», герм. *milo* «милый» (см. данные таблицы 2).

Таблица 2

Компоненты, вербализирующие понятие “личностные качества человека”

№	Компоненты	Кол-во	%	Примеры антропонимов
1	ср. др.-вн. <i>adal</i> «благородный»	30	32,6	<i>Adelaide (f)</i> – ср. др.-вн. <i>adal</i> «благородный» + <i>heid</i> «добрый, мягкий»
2	ср. др.-вн. <i>hart</i> «сильный»	26	28,3	<i>Hartmann (m)</i> – ср. др.-вн. <i>hart</i> «сильный» + <i>man</i> «человек»
3	др.-вн. <i>bald</i> «смелый»	23	25	<i>Archibald (m)</i> – др.-вн. <i>ercan</i> «настоящий, подлинный» + <i>bald</i> «смелый»

Продолжение табл. 2

№	Компоненты	Кол-во	%	Примеры антропонимов
4	герм. <i>milo</i> «милый»	13	14,1	<i>Miles (m)</i> – герм. <i>milo</i> «милый»
	Всего	92	100	

Данное явление объясняется обращением средневекового англосаксонского общества к материальным благам, которые занимали главное место в их жизнедеятельности. В свою очередь, духовные ценности не воспринимались данным коллективом людей как важные, что связано с недостаточным распространением христианства на островных территориях в течение рассматриваемого периода.

Средневековые англосаксы, выступая воинствующим народом, наделяли имена магическим и символическим значением, позволяющим, по их мнению, уберечь носителя имени от опасности. Так, в антропониме германского происхождения с компонентом *bald* «смелый» отразился принцип воинственного мировосприятия средневекового англосаксонского общества – каждая личность хотела реализовать себя социально, видеть себя в качестве смелого, мужественного и сильного представителя своего народа. В этом контексте желание видеть своего ребенка красивым внешне отходит на второй план при имянаречении родителями, что возможно проиллюстрировать с помощью примеров ИС, приведенных выше, в которых признаки общественного сознания выражаются достаточно имплицитно.

Список литературы

1. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. М.: Астрель, 2000. 224 с.
2. Щетинин Л.М. Переход собственных имен в нарицательные как способ расширения словарного состава языка: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки». М., 1962. 17 с.
3. Pulgram E. Theory of Names. Berkeley, 1984. 49 p.

УДК 82-31

**КОНЦЕПЦИЯ ФРОНТИРА В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ
ЭРНЕСТА ХЕМИНГУЭЯ)**

Апостолова А.К.

Теличко Т.Г., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

apostolova2208@gmail.com

Фронтир – один из основополагающих факторов формирования национального типа сознания, американской культуры и литературы. Фольклор колонистов, продвигавшихся на запад, к побережью Тихого океана, на несколько столетий вперед определил как тип героя, так и основные мотивы американской литературы. Можно с уверенностью утверждать, что именно литература фронта (изустно передаваемые легенды, получившие литературную обработку) стоит у истоков формирования всей американской литературы. Много позже, когда географическая граница уже исчезла, появилась литература о фронтире, наследовавшая образы зоны освоения, и сформировалась литературная концепция фронта. «Магистральными героями» литературы о фронтире становятся два фольклорных персонажа родом из литературы пограничья: пронырливый авантюрист, рубаха-парень, и сильный человек, готовый в любой момент встретиться с опасностью лицом к лицу, умелый охотник, мастер своего дела [5, с. 218-221].

Освоение колонистами новых территорий, которое подразумевает уход от цивилизации вглубь индейских лесов и прерий, в литературе о фронтире породило мотив бегства, сохранивший свою актуальность для американской литературы на долгие годы вперед. Герой обычно уходит от цивилизации в поисках гармонии и свободы (Натти Бампо в пенталогии Купера, Гекльберри Финн у Марка Твена), бежит от ответственности (Клайд Гриффитс в «Американской трагедии» Драйзера) или ищет лучшей жизни. К примеру, Фрэнк Каупервуд, главный герой «Трилогии желания» Драйзера формально повторяет путь фронтисмена с востока (Филадельфия) на запад (Чикаго). Бегство героя может быть даже метафорическим, как побег Холдена Колфлида («Над пропастью во ржи» Сэлинджера), – но практически во всех случаях он подразумевает перемещение героя.

Тема фронта, как отмечают А.М. Зверев и А.П. Саруханян, была исчерпана к середине XX столетия [1, 5]. Одним из последних проявлений

фронтирной эстетики исследователи считают серию рассказов Эрнеста Хемингуэя о Нике Адамсе (в частности, «На Биг-Ривер», «Последние хорошие места») из сборника «В наше время» [3, 5]. Поскольку, понятие фронта не сводится только лишь к расширению линии оседлости американского населения в пределах одного континента, а становится частью американского менталитета, то, с нашей точки зрения, «зеленые холмы Африки» Хемингуэя целесообразно также рассмотреть в контексте концепции фронта.

Как было отмечено выше, во фронтирной традиции выделяется два типа героя: пронира и охотник. Герой Хемингуэя – как ранних, так и поздних его произведений, – относится ко второму типу. Будь это Ник Адамс или Фрэнсис Макомбер, это непременно человек активный, привыкший идти на риск. Но не слепой поиск очередной порции адреналина подстегивает героев Хемингуэя; причина постоянного (в географическом плане) движения персонажей – это фронтирный мотив бегства от наступающей цивилизации, от общества и иногда от ответственности [1, 3, 5].

Типичным проявлением бегства фронтирмена является поход Ника Адамса на реку в рассказе «На Биг-Ривер». Его попытка создать идиллию жизни на фронтире обнажает тоску по гармоничному существованию «нового Адама». Однако реальная возможность вернуться к образу жизни бывшего фронтирмена перечеркивается в другом рассказе из цикла о Нике Адамсе «Последние хорошие места». Отныне то, что прежде было средством выживания, считается контрабандой, некогда пустынные леса огорожены и приватизированы, а личная свобода человека (ключевое для жителя пограничья понятие) ограничена законами и полицейскими мерами.

Конечность американского континента заставляет героя Хемингуэя сдвинуть демаркационную линию: сначала он пытается вернуться в привычное состояние и возродить привычный порядок вещей («На Биг-Ривер», «Что-то кончилось»), а затем, собственно, раздвигает географические границы. И если участие в Первой мировой войне на новом для фронтирмена европейском континенте («Какими вы не будете», «На сон грядущий») не приносит ему *искомого ощущения полноты жизни*, то неосвоенная Африка становится для лирического героя Хемингуэя местом обретения былой фронтирной гармонии. Сафари не просто уводит Фрэнсиса Макомбера от американской суеты, но и возвращает его к корням; счастье Макомбера после удачной охоты сродни счастью Ника Адамса в рассказе «На Биг-Ривер». И для писателя Гарри Смита («Снега Килиманджаро») ожидание смерти в условиях, близких к фронтирным, ещё глубже обнажает бессмысленную суетность его жизни.

Характерным является то, что для обоих героев «африканских» рассказов Хемингуэя («Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера», «Снега Килиманджаро»), бегство заканчивается смертью, ибо достижение чувства удовлетворения и счастья невозможно только простой сменой координат. Настоящее расширение фронта идёт уже на интеллектуальном, а не на

географическом уровне. Исходя из этого, мы можем заключить, что проблема фронта в американской литературе XX столетия не исчезает, но в некоторой степени коррелирует с важнейшей проблемой поиска идентичности.

Список литературы

1. Зверев А.М. «Американская трагедия» и «американская мечта» // Литература США XX века. Опыт типологического исследования (авторская позиция, конфликт, герой) / Отв. ред. Я.Н. Засурский. М.: Наука, 1978. С.134-208.
2. Кашкин И.А. Содержание-Форма-Содержание // Кашкин И.А. Для читателя-современника. М.: Советский писатель, 1977. С.62-92.
3. Мендельсон М.О. Эрнест Хемингуэй // Мендельсон М.О. Современный американский роман. М.:Наука, 1964. С.119-165.
4. Оленева В.И. Новелла США. Многообразие форм // Затонский Д.В., Денисова Т.Н., Уваров Ю.П., Оленева В.И. Жанровое разнообразие современной прозы Запада. К.: Наукова думка, 1989. С.192-299.
5. Саруханян А.П. Проблема фронта в американской литературе // Проблемы становления американской литературы / Отв. ред. Я.Н. Засурский. М.: Наука, 1981. С.217-250.

УДК: 82-1:821.111

АКУСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ ОСКАРА УАЙЛЬДА

Бабий А.В.

Рыжкова Л.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

donnu.conf@mail.ru

Лирика О. Уайльда, в отличие от его эпических и драматургических произведений, была оценена далеко не сразу. В глазах критиков она блекла на фоне других произведений автора, считавшихся знаковыми, например, таких, как «Портрет Дориана Грея», «Саломея» и других. Тем не менее, Н. Волынский говорил, что поэзия Уайльда проникнута «неясным, но искренним стремлением к возвышенному» [1, с. 12]. Довольно часто цвет, звук, запах и другие ощущения являются средством эстетизации образа.

Акустические образы в поэзии О. Уайльда условно можно разделить на несколько групп.

Одна из них – это звуки, выражающие определённые эмоции. Например, в стихотворении “A Vision” человеческий стон напоминает о грехах, которые невозможно искупить: «Два коронованных короля, и один стоял отдельно, / Не обременённый зелёным лавром на голове, / Но с грустными глазами, словно он безутешен, / И устал от нескончаемого человеческого стога / По грехам, которые ни одна кроткая жертва не может искупить, / И со сладкими губами, познавшими слёзы и поцелуи» (Здесь и далее подстрочный перевод наш. –

А. Бабий). Здесь же автор употребляет слово *bleating*, буквально означающее «блеющий», для обозначения кротости. В стихотворении “Greece” («Греция») девичий смех, переливистый, как море, наряду с другими звуками, создаёт настроение радости: «Колыхание паруса напротив мачты, / Рябь воды сбоку, / Рябь девичьего смеха у кормы – / Единственные звуки...».

Многочисленную группу составляют звуки природы, связанные с растениями и животными. Среди них можно выделить пение птиц, встречающееся в стихотворениях особенно часто. В лирике автора распространён образ соловья. В стихотворении “By The Arno” описывается тихая долина перед рассветом, когда слышится только лишь пение соловья: «Только листья нежно колышет / Мягкое дыхание ветерка, / И в долине, пахнувшей миндалём, / Слышно одинокого соловья». Лирический герой выражает сожаление, что с наступлением дня пение соловья, которое ассоциируется у него с любовью, утихнет, и просит соловья продолжать: «День скоро сделает так, чтобы ты молчал, / О соловей, продолжай петь для любви!». Вместе с тем в лирике Оскара Уайльда с любовью ассоциируется пение не только соловья, но и других птиц. Так, в стихотворении “La Bella Donna Mia Mente” лирический герой просит коноплянку и жаворонка петь для его возлюбленной, петь ради любви: «О Коноплянка в чаще диких роз / Затяни для моей Любви свою мелодию, / О Жаворонок, пой громче для блага любви, / Моя нежная Леди проходит мимо». Среди других птиц, звуки которых встречаются в лирике автора, – певчий дрозд, который в стихотворении «От весенних дней к зиме (Для музыки)» (“From Spring Days to Winter” (For Music)) ассоциируется с любовью и весело поёт весной, летом и осенью, но грустно – зимой. Очень часто упоминаются птицы как таковые, без уточнения вида. Так, в стихотворении “Endymion” смена времени маркирована, помимо прочего, пением птиц: в начале стихотворения в Аркадии пели птицы («... птицы громко поют в Аркадии...»), и герой ждал свою любовь, далее птицы петь уже перестали («... никаких птиц, поющих в Аркадии...»), а любовь всё не приходила. А в стихотворении “Impression Du Mattin” пение птицы дополняет картину начала кипящей жизни вокруг: «Потом, стряхнув ночную тишь, / Вдруг стало утро шевелиться; / Жизнь пробуждалась; даже птица / Запела на одной из крыш» (перевод М. Ваксмахера) [3, с. 28]. В стихотворении “Athanasia” сказано, что усталые птицы от горя забыли о песнях: «... Усталые птицы приостановили свою мелодию любви...».

Других звуков, издаваемых животными, в лирике автора выявлено мало. В качестве примера можно привести слова «Отара овец лежит и блеет» из стихотворения “Endymion”, которые входят в описание пейзажа Аркадии.

Широко распространённая группа акустических образов в лирике О. Уайльда – звуки так или иначе связанные с искусством, куда можно отнести, помимо прочего, пение и звучание музыкальных инструментов.

В основном музыкальные инструменты в исследуемых стихотворениях выступают в метафорическом значении. Так в стихотворении “Silentium

Amoris” для выражения молчаливой любви автор прибегает к метафоре «ненастроенная лютня» а в стихотворении “Hellas” герой сравнивает свою душу с настроенной лютней, на которой могут играть все ветра. В стихотворении “Flower of Love” («Цветок любви») лютня, лира и хор связаны с музыкой души, которая не звучит, когда приходит смерть: «Бесконтрольно мы несёмся вопреки буре, и когда шторм жизни проходит, / Без лиры, без лютни или хора Смерть, как молчаливый проводник, приходит наконец».

Иногда музыкальные инструменты упоминаются в своём прямом значении, например, когда описывается празднование Пасхи в Соборе в стихотворении “Easter Day” («День Пасхи»): «Серебряная труба раздалась на весь Собор».

В стихотворении “Canzonet” пастух в поле поёт свою песню, вероятно, для возлюбленной, призывая её предаться веселью, забыв страх: «... Но дев полей / Мое пленяло пенье. / Моя свирель из тростника речного, / Пою тебе ль / Всегда, опять и снова? / Ведь ты белей, / Чем лилия; без меры / Ценней, милей / И реже амбры серой. / К чему твой страх? / Ведь Гиацинт скончался, / И Пан в кустах / Густых не появлялся...» [2, с. 4-5]).

Звуки или полное беззвучие встречаются в описании помещений и пейзажей. В стихотворении “Fabien Dei Franchi” безмолвная комната, наряду с другими образами (среди которых и сдавленный крик, слышимый во время схватки с призраком), создаёт пугающую картину: «Безмолвная комната, тяжёлая, ползущая тень, / Мертвецы, которые движутся быстро, открывающаяся дверь, / Убитый брат поднимается сквозь пол, / Белые пальцы призрака лежали на твоём плече, / И затем одинокая дуэль в полосе света, / Сломанные шпаги, сдавленный крик, запекшаяся кровь, / Большие мстительные глаза, / Когда всё окончено...». В стихотворении “Impression Du Mattin”, где описана утренняя жизнь, её движение начинается со звона: «Затем вдруг раздаётся звон // Движущейся жизни...».

Как видно из вышеприведённых примеров, акустические образы в поэзии О. Уайльда чаще всего служат для передачи эмоций и чувств и создают соответствующее настроение. Прибегая к упоминанию звуков, автор воссоздаёт подробную картину, и читатель проникается атмосферой произведения.

Список литературы

1. Вольтинский Н. Оскар Уайльд и английские эстеты // Книжки недели. 1987. №5. с. 12.
2. Оскар Уайльд в переводах русских поэтов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=659565
3. Уайльд О. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремная исповедь. Киплинг Р. Стихотворения. Рассказы [Текст] / Оскар Уайльд, Редьярд Киплинг. М.: Художественная литература, 1976. 768 с.
4. Wilde O. Poems / Oscar Wilde. PoemHunter.Com The World»s Poetry Archive, 2004. 188 p.

ФУНКЦИЯ РЕМАРОК В ПЬЕСЕ К.ЭЛИОТА «ИСКУССТВЕННОЕ ДЫХАНИЕ»

Демидова В.А.

Попова-Бондаренко И.А., к.филол.н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Пьесе «Искусственное дыхание» (Mouth to Mouth, 2001) предпослан эпиграф из романа Марселя Пруста «Обретённое время»: «Искусство жить состоит в том, чтобы уметь использовать тех, кто заставляет нас страдать». Он является коммуникативной препозицией и выполняет функцию маркера модернистской техники письма.

Ремарки в тексте пьесы можно условно разделить на несколько групп, а именно, на акустические, психологические и визуальные. Вместе с тем такое деление носит черты условности, что объясняется синтетичностью ремарок – появлением в той или иной их группе признаков иных типов.

Первая группа ремарок (акустическая) связана с обозначением различных звуков. Например, в самом начале пьесы звучит танго, затем оно «утихает, сливаясь со звуками летнего сада: ритмичным стуком поливальной машины, отдаленным треском газонокосилки, голосами играющих детей и пением птиц»¹. Автор акцентирует внимание на танго, которое традиционно считается танцем любви и страсти, и делает его лейтмотивом пьесы. В одном из ключевых моментов, когда окружающие узнают, что сын Лоры, подросток Филлип, делает себе татуировку имени некой девушки Аделаиды, начинает звучать танго, и сын приглашает мать (Лору) на танец: *«Входит ФИЛЛИП, у него в руках компакт-диск.<...> ФИЛЛИП. Еще она научила меня танцевать танго.<...> Короткая пауза. Он вставляет диск в музыкальный центр. Играет танго. Он медленно подходит к ЛОРЕ. Осторожно касается ее руки. Она отдергивает руку. Короткая пауза. Он снова пытается взять ее руку. На этот раз она позволяет ему. Он бережно разворачивает ее лицом к себе. Он кладет руку ей на талию и очень медленно начинает двигаться под музыку. Она равнодушно подчиняется. Он постепенно становится увереннее и начинает вести. Она сравнительно легко следует его движениям. <...> Вскоре они слаженно танцуют глаза в глаза. На одном из тактов ЛОРА внезапно начинает вести и исполняет весьма сложный элемент»* [1, с. 620]. Акустическая ремарка, как видим, осложнена психологическим подтекстом – указанием на взросление Филлипа, его первый любовный опыт с Аделаидой и отдаление от матери. Мелодия танго становится аллюзией разрушительной страсти, которая впоследствии приведёт героев «на грань нервного срыва» [2, с. 5].

¹ Здесь и далее ремарки выделены курсивом, а начертание имён персонажей соответствует авторскому стилю – В.Д.

Вторая группа (психологические ремарки) явно связана с авторскими указаниями режиссёру и актёрам относительно выражения эмоций и чувств главных героев, например: *ЛОРА прикуривает новую сигарету от той, которую почти докурила.* Данная ремарка свидетельствует о нервном эмоциональном состоянии героини.

Последняя группа (визуальные ремарки) также синтетична: визуальные сценографические элементы (декорации, костюмы, детали, освещение и др.) помогают читателю глубже проникнуть в психологический подтекст той или иной мизансцены. *«Действие происходит в доме и в ресторане. <...> Включается свет. ФРЭНК и ЛОРА сидят около открытых французских окон, выходящих в сад. Одна из дверей кухни ведет в кладовку; кладовка также видна зрителю. Сцену наполняет солнечный свет. У ФРЭНКА на левом глазу огромная повязка. ЛОРА в тёмных очках. Она курит»* [1, с. 571]. Данная мизансцена (и включённая в неё декорация) становится своего рода визуальным прологом к трагедии героев: здесь перемежаются свет и мрак, дан намёк на душевную слепоту героев (повязка на глазу, тёмные очки), а также фокусируется внимание на кладовке, с которой, собственно, и начнётся семейная катастрофа. Для лечащего врача Фрэнка, Гомперца, характерно увлечение наркотиками, поэтому в мизансцене с Фрэнком в руках врача сначала, как указывает ремарка, появляется «что-то», затем выясняется, что это – «<...> коробочка с кокаином», которая впоследствии обозначена в ремарках как «коробочка».

Многократное упоминание автором игры на фортепиано произведения Иоганна Себастьяна Баха «Вариации Гольдберга» и рёва мотоцикла говорит о диссонансе старого и нового, спокойного и агрессивного, т.е. о нарушении гармонии в отношениях героев, что приведёт к трагическому финалу.

«Из другой комнаты слышится неуверенное исполнение на фортепиано Арии из «Вариаций Гольдберга» Баха.<...> ЛОРА и ФРЭНК, как мы их оставили в конце первой сцены: он с повязкой на глазу, она снимает тёмные очки. Они слушают, как затихает звук мотоцикла. Короткая пауза. На другом конце дома фортепьяно начинает сбивчиво играть Арию из «Вариаций Гольдберга» Баха.<...>На мгновение кажется, что фортепьяно заиграло громче. Она смотрит на него, собираясь заговорить, затем утыкается ему в плечо. Фортепьяно и другие звуки постепенно утихают.<...>Внезапно фортепьяно раздражается несколькими пассажами танго, очень фальшивыми, возвращая их к действительности.<...>Фортепьяно вновь начинает играть Баха.<...>Музыка прекращается.<...>Снова играет Бах.<...>Слышны последние такты Арии [1, с. 648].

В данной ремарке дано указание режиссёру на то, что в жизни героев всё ещё борются проблески гармонии («неуверенное исполнение», фальшивые пассажи танго) и безжалостная механистическая агрессия («Они слушают, как затихает звук мотоцикла»).

«Раздается рёв приближающегося мотоцикла. Оба застывают. Фортепиано перестает играть. Мотоцикл все ближе.<...>Свет резко

гаснет, мотоцикл приближается. Звук обрывается; свет резко включается.<...>Слышен звук приближающегося мотоцикла. Мотоцикл приближается.<...>Свет гаснет, звук мотоцикла нарастает. Он резко обрывается, свет загорается.<...>Слышен звук заводящегося мотоцикла.<...>За сценой слышится рёв мотоцикла.<...>Свет гаснет. Тут же слышится рёв мотоцикла, очень громкий. Он стихает, удаляясь. Свет зажигается» [1, с. 637].

На акустическом уровне данная ремарка реализует метафору гибели юного героя: звуки фортепьяно перекрываются рёвом мотоцикла. Визуальный план ремарки также усиливает этот приём: постановщикам даны указания показать при помощи сценографии борьбу жизни (судорожно включающийся и гаснущий свет) и смерти (рёв мотоцикла, на котором погибнет Филлип).

Список литературы

1. Элиот, К. Искусственное дыхание / Кевин Элиот // Антология современной британской драматургии. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 570-648.
2. Дагдейл, С. Новая британская драматургия / Саша Дагдейл // Антология современной британской драматургии. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 5-18.

УДК 821.111»25

СТИХОТВОРЕНИЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН «№712. BECAUSE I COULDN»T STOP FOR DEATH» В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ АЛЕКСА ГРИБАНОВА

Ле Тхи Зуеу Линь

Попова-Бондаренко И.А., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

kmlkf@list.ru

Эмили Дикинсон (1830-1886) считается одной из величайших поэтесс Америки XIX века. Она известна своим необычным «фирменным» стилем: неожиданной рифмой, пунктуацией с акцентом на тире, смелыми метафорами, заглавными буквами, использованием нумерации стихотворений вместо заглавий и др.

Одной из устойчивых тем творчества Эмили Дикинсон является тема Смерти и Бессмертия. Смерть в стихах и письмах поэтессы нередко персонифицирована.

Дикинсон воспринимает смерть не просто как физическое явление. В своих стихах о смерти она стремится изображать смерть как событие, передает напряжение или конфликт, с этим событием связанные. Интерес к

проблеме смерти косвенно свидетельствует о пуританском воспитании поэтессы. Для пуритан смерть – это кульминация жизни, и ее надо принять торжественно. Но в стихах Э. Дикинсон ощущается протест против доктрины пуританства, поэтесса не считает, что смерть может компенсировать жизнь, является воздаянием за нее. Погруженная в размышления о смерти, Э. Дикинсон далека от того, чтобы ее прославлять и воспевать.

В лирике Э. Дикинсон Смерть выступает как добрый друг, утешитель с ярко выраженным мужским началом. Смерть для Э. Дикинсон не является чем-то безобразным, страшным (хотя она искренне переживает её). Лица умирающих прекрасны, они озарены особым светом счастливой улыбки. Подобная мысль повторяется в стихах и письмах. Момент смерти для поэтессы прекрасен, так как это момент истины.

В стихотворении №712 «*Because I couldn't stop for Death*» смерть выступает в роли возлюбленного, кавалера, который увозит лирическую героиню из родного дома. Дело в том, что в англоязычной поэзии слово «*Death*» сочетается, как правило, с местоимением мужского рода «*he*», «*him*». Однако, в русском языке это существительное женского рода, поэтому такую особенность сложно отразить в переводе.

Дикинсон умело придает образу Смерти человеческие черты. Вместо обычной аллегии смерти в облике злого духа или женщины в черном плаще или белом саване с косой в руках Э. Дикинсон изображает ее как учтивого джентльмена, который ведет себя любезно, предлагая подвезти усталую путницу, или жениха, помогающего невесте сесть в свадебную карету. Эта парадоксальная аналогия подтверждается и свадебной обрядовостью, на символическом языке которой белое платье новобрачной означает саван и смерть невесты в прежней, девичьей, ипостаси.

Стихотворение начинается со встречи двоих. Олицетворение смерти как ухажера получает развитие на протяжении всего стихотворения. Медленное движение кареты с пассажирами в контексте стихотворения ассоциируется с предсмертным подведением итогов жизни, которая прожита со всеми этапами, от детства до старости, а не оборвана трагической случайностью. Конный экипаж в этом стихотворении является средством перемещения душ в загробный мир. Закат, возможно, – самый очевидный символ в данном стихотворении.

Последняя остановка и место упокоения героини – дом, вросший в землю («*The roof was scarcely visible*» – «*Крыша едва была видна*»). Здесь Э. Дикинсон использует известную по погребальному ритуалу аналогию, согласно которой гроб (домовина) и есть последнее земное пристанище человека. Не случайно на западноевропейских кладбищах были широко распространены надгробия в виде символического сооружения с двускатной крышей на могилах.

Одна из наиболее удачных интерпретаций этого стихотворения Э. Дикинсон принадлежит российскому переводчику Алексу Грибанову.

Переводчик изображает мистера Смерть, который любезно предлагает подвезти героиню. А. Грибанов решил непростую переводческую задачу, придумав в английском духе образ мужского рода с говорящей фамилией и показав куртуазную светскую беседу. Мистер Смерть выступает в роли возницы, то есть он сам правит повозкой и руководит поездкой («*Но мимо ехал мистер Смерть и придержал коней*»).

В финальной сцене лирическая героиня, оказавшись перед домишком из глины, открыто выказывает свое недовольство теснотой и бедностью («*Какой убогий дом!*»). Героиня, избалованная земным комфортом, еще не осознала происшедшее с ней и мыслит сугубо земными категориями.

Отметим, что в оригинальном стихотворении преобладает констатирующее сознание, то есть душа, которая находится по ту сторону жизни, лишается всех привычных эмоций. Героиня стала сопричастна вечности, и для неё исчезло время («*Since then—»tis centuries— and yet /Feels shorter than the Day /I first surmised the Horses» Heads/Were toward Eternity*» — «*Прошли века, но для меня /Они бегут быстрее, /Чем день, когда я поняла, /Что вечность – цель коней.*»).

Стиль А. Грибанова «приглажен» по сравнению с оригиналом, ритмические перебои смягчены, почти отсутствуют тире. Грибановская рифма – балладная, точная (*дней – коней*) и неточная (*нас – отвлеклась*), ассонанс, близкий к разрушению рифмы (*гвалт – закат*), попадаетея и бедная рифма (*холодна – тонка*). Все это отвечает версификационным особенностям дикинсоновской лирики: известна любовь американской поэтессы к ассонансам, которые привлекают читателей не звучанием, а ошеломляющими ассоциациями. Лексика переводчика – смесь книжной («*Был ход коней нетороплив*») и разговорной (*детский гвалт*) лексики, что позволяет передать на русском и круг чтения Эмили, сформировавший ее стиль, и живую непринужденность ее поэтических откровений.

Список литературы

1. Биография Дикинсон [www.livelib.ru/author/169986]
2. Дикинсон Э. Стихотворения: Сборник / Составл. М. Гавриловой. М.: ОАО Издательство «Радуга», 2001. 448с.
3. Костицына М. Г. Мир поэтической личности Эмили Дикинсон: (Поэзия и эпистолярии) [http://mydocx.ru/7-49142.html]
4. Писатели США: Краткие творческие биографии. М., 1990. 624с.

ИНТЕРНЕТ: ИГРОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

Романова С.В.

Андреев А. Н., доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск
vsu@vsu.by

Последняя треть XX века – н. XXI характеризуется серьезными культурными изменениями. Всепроницающая философия позитивизма и постмодернизма, развитие информационных технологий и утверждение виртуальной реальности как модели жизни определяют современный вектор социально-культурного развития общества. В контексте современных тенденций актуализируется вопрос изучения русскоязычной литературы Беларуси, в частности, русскоязычной прозы.

Русскоязычная литература Беларуси к. XX – н. XXI в. представляет сложный синтез традиций и новаторства. Одной из особенностей развития русскоязычной прозы является ее интерес к игровому началу, который связан с постмодернистской поэтикой и расширением Интернет-возможностей. Игра, представляющая некое изолированное пространство, «преображенный мир» как «самостоятельный и превосходящий тип бытия» (философия герменевтики Х.-Г. Гадамера), «отчужденная земля» (культурология игры Й. Хейзинга), как нельзя лучше позволяет себя реализовать в среде Интернета [1, 3].

Ряд особенностей определяют функционирование русскоязычной прозы Беларуси в Интернет-пространстве. Одной из наиболее устоявшейся форм творческой самореализации является блог писателя. Активно посещают блоги русскоязычных писателей А. Андреева, С. Алексиевич, А. Жвалевского, Н. Голубевой, А. Ольховской, Т. Лисицкой и др. Интернет, как своеобразная культурная среда, дает безграничные возможности автору включаться в полемику, корректировать собственный текст, вносить поправки в личную страницу и т.д., что, безусловно, соответствует принципам игровой деятельности. Однако у такого обилия возможностей существует и своя отрицательная сторона – это «виртуализация» авторской личности, которая ставит под вопрос реальную личность писателя [2]. Стирание границ и дистанции в коммуникативной цепочке (автор-текст-реципиент) приводит в данной ситуации к «смерти автора» и «рождению соавтора». Проблема же субъекта существует не только в Сети, но и свойственна культуре постмодерна в целом.

Новой тенденцией, позволяющей вносить игровой элемент в Интернет-творчество, стало возникновение проектной литературы, когда книга создается не одним человеком, а в общем тандеме художников, редакторов, переводчиков, менеджеров. Так стали, например, известны произведения Е. Введенского, В. Мартиновича. Отличительной чертой развития

русскоязычной прозы в сетевой среде можно назвать также возникновение разнообразных литературных проектов, конкурсов и премий. Участие в подобного рода проектах дает автору возможность использовать разнообразные формы литературной игры и коллективного творчества, а также часто является стартовой площадкой для начинающих писателей.

В последнее время наметилась тенденция миграции «толстых журналов» в Сетевое пространство. Сегодня свободно можно просмотреть новое поступление или архив номеров литературно-художественного и общественно-политического журнала «Неман», в котором широко представлена русскоязычная проза Беларуси. В свободном доступе найти нужную литературу позволяют также электронные библиотеки и издания. Однако электронное издание осуществляет строгий отбор качества литературы в связи с потребительским спросом. Наиболее востребованным считается футурологический жанр (фэнтези с поджанром хоррор, научная фантастика, киберпанк), жанр мистического триллера и литература на стыке подобных жанровых течений. Игровое начало в подобной литературе реализовывается практически на всех уровнях. Это связано с изображением возможного иллюзорного мира. Остросюжетное повествование держит сознание читателя все время в психологическом напряжении или страхе, а интеллектуальное состязание, подобно состязаниям-уровням в компьютерных играх, втягивает в своеобразное игровое поле. Русскоязычная проза в описанной жанровой разновидности пестрит именами: Л. Подвойская, С. Климович, С. Антаков, Т. Нестерович, С. Антонов, С. Булыга, О. Громыко, А. Жвалевский, И. Мытько и др.

Игровая стихия, заложенная в самой «природе» культурных явлений и процессов рубежа веков - постмодернизма и информационных технологий, несет в себе развлекательное начало, желание чувственного и эстетического удовольствия. Литература игры формирует массовое сознание с определенными стереотипами, которые таят в себе серьёзную опасность, разрушая сознание и формируя модель мира с новыми «духовными» ценностями: супергеройство, жестокость, логизированное умствование, не имеющего ничего общего с реальностью и практической действенностью. В завершение приведем цитату С. Корнева: «Если взять за отправную точку фантазии киберпанка ...должно было получиться нечто суперсовременное и античеловеческое, царство запредельных технологий и скоростей, ... где человек в потоке времени навсегда забывает о своей человеческой природе и низводится до уровня компьютерных фантомов» [2].

Список литературы

1. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. 704 с.
2. Корнев, С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна / С. Корнев // НЛО. – № 32 (4/1998). с. 29-47.
3. Хейзинга, Й. Homo Ludens / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс-Академия, 1992. 453 с.

«ДРАКУЛА» БРЭМА СТОКЕРА И ПРОБЛЕМА ИНОНАЦИОНАЛЬНОГО

Стрельцова В.А.

Матвиенко О.В., к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

streleclera@gmail.com

Известно, что одной из отличительных особенностей поэтики «готического романа» является система образов в виде треугольника. Как указывает Е.В. Григорьева, вершиной треугольника и движителем романного сюжета выступает вселенский злодей (главный антагонист).

В знаменитом триллере «Дракула» Б. Стокера таким злодеем является сам заглавный герой, легендарный трансильванский граф, наделённый многими сверхъестественными способностями. Он силён (*“в его руках сконцентрирована сила многих людей”*), наделён сверхъестественными способностями (*“может превращаться в волка”, “уподобиться летучей мыши”, “бесконечно утоньшаться”*), умён, ловок, изворотлив (*“о нём шла слава, как о хитрейшем и лукавейшем человеке”*). [1, с. 199] Но все эти качества умаляются многими изъянами и слабостями графа: *“Он не может никуда войти, пока кто-нибудь из домочадцев не пригласит его”, “есть предметы, обладающие свойством лишать его силы”*, даже ум вампира как будто не вырос, остался *“примитивным”*, на уровне хищного животного и только. [1, с. 200-201].

Граф не случайно изображён экзотическим иностранцем, в чем можно уловить проявление имперских взглядов самого Стокера, для которого всё небританское, чужеземное представляется подозрительным или опасным. Внешним поводом для таких настроений стал возросший поток эмигрантов в Англию из Восточной Европы в конце XIX в., что вызвало резонанс в английском обществе. Однако ксенофобские мотивы можно обнаружить и в классическом «готическом романе». Например, замок Отранто из одноименного романа, написанного английским писателем Хорасом Уолполом еще в 1764 г., не зря выбран главным героем и местом странных, мистических событий. Замок находится на юге Италии, представляя для английского читателя незнакомый и скрыто враждебный топос. Заглавный герой знаменитого «готического романа» А. Радклифф «Итальянец» также представляет чужую для англичан итальянскую ментальность, а герой «Монаха» М.Г. Льюиса – испанскую. Во всех случаях срабатывает контраст южной и северной культуры, религиозный конфликт по линии «католичество – протестантизм (англиканство)».

Похожий конфликт имеет место и в «Дракуле». Трансильванский граф представляет в глазах английского читателя не только романский мир, но и самый патриархальный и малоизвестный уголок Восточной Европы,

затерянный высоко в Карпатах. Семейный замок Дракулы овеян таинственностью, в его стенах происходят непостижимые уму события, в его окрестностях бродят цыгане. Граф Дракула всячески стремится к расширению своих владений, говоря современным языком – к территориальной экспансии: он приглашает к себе лондонского юриста Харкера, чтобы приобрести недвижимость, он тесно связан с родной землей, поскольку может попасть на Британские острова только в ящике, наполненном землей. Граф осуществляет и психологическую экспансию: бродячие цыгане – его верные слуги, рабом-медиумом Дракулы становится безумец Ренсфилд, в его женскую свиту, помимо трех невест-вампириесс, попадает кроткая Люси. Поэтому существование графа Дракулы на символическом уровне можно рассматривать и как территориальную угрозу, и как вызов традиционным британским культурным и демократическим ценностям. Такая угроза должна быть незамедлительно нейтрализована, что и происходит в финале романа: графа вынуждают покинуть Британию, преследуют до самого замка, где в ходе особого ритуала уничтожают.

Список литературы

1. Брэм С. Вампир (Граф Дракула).. СПб: Изд-во Валгус, 1990.
2. Григорьева Е.В. «Ужас – главное орудие автора» («готический» роман в европейском художественном дискурсе) // Дар. Научная мысль Кавказа. 2009. №4. С. 89-94.
3. Уолпол Г. Замок Отранто // Фантастические повести. Л.: Изд-во Наука, 1967.
4. Stoker V. Dracula [Электронный ресурс] URL: <http://literature.org/authors/stoker-bram/dracula/> (дата обращения: 17.09.2017).

УДК 821.111

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ В РОМАНЕ С. РУШДИ «САТАНИНСКИЕ СТИХИ»

Чуванова О.И.

И.А. Попова-Бондаренко, к.ф.н., доц.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Lambent87@gmail.com

Вторая половина XX – начало XXI века ознаменованы формированием пласта кросскультурной литературы, к которой причисляют творчество писателей, сформированных несколькими культурами. В первом ряду здесь стоят имена людей, эмигрировавших из восточных стран или же родившихся на Западе в семьях мигрантов с Востока. Как правило, формирование писателей на перекрестье нескольких культурных потоков позволяет им осуществлять многомерный охват жизни личности-мигранта и, безусловно,

предоставляет богатый материал для исследования так называемой мультикультурной идентичности – сплава различных культурных кодов.

Одним из всемирно известных кросскультурных писателей по праву считается Ахмед Салман Рушди, британец индийского происхождения, воспитанный в русле мусульманских традиций и при этом получивший прекрасное образование западного образца. Его роман «Сатанинские стихи» («The Satanic Verses», 1989), объявленный вне закона на территории большинства мусульманских стран, можно рассматривать в качестве квинтэссенции мультикультурного опыта писателя.

Два центральных персонажа романа – индийские актёры Джабраил Фаришта и Саладин Чамча, которые в силу различных причин оказываются на пограничье английской и индийской культур, проходят через драматические изменения на пути обретения собственной идентичности.

В именах персонажей изначально заложен восточный культурный код: так, имя «Джабраил» – это прозрачный намёк на ангела Джibriла, который принёс мусульманам Коран; в то же время в имени «Саладин» на фонетическом уровне угадывается Аладдин, герой арабских сказок. Аллюзивные отсылки к персонажам религиозной восточной традиции (ангел) и ещё более древнему литературно-культурному памятнику на арабском языке («Тысяча и одна ночь») призваны акцентировать неразрывную, глубоко залегающую связь персонажей с восточной традицией. И чем яснее прослеживается эта связь, тем опаснее для героев становятся попытки её оборвать.

Профессиональные занятия Джабраила и Саладина во многом сформированы влиянием западной культуры, что отчасти уже подвергает обоим индийцев искушению «игры в “иного”». Джабраил Фаришта – звезда Болливуда, восточной копии центра американской киноиндустрии Голливуда, тогда как Саладин Чамча работает актёром на радио. Выбор актёрской профессии в данном случае обусловлен несколькими факторами: во-первых, персонажи получают признание, что помогает им преодолеть ущербность собственного мигрантского положения внутри западного мира, а во-вторых, игра становится едва ли не единственным способом психологического встраивания себя в мир «иного».

Попытки персонажей отказаться от восточного наследия в широком смысле слова (ментальности, культуры, верований) и оборвать все связи с миром Востока терпят поражение и создают новые препятствия на пути обретения душевной гармонии. Таким образом, мультикультурная личность в романе предстаёт как поле множественных межличностных конфликтов и психологических проблем травматичного плана – к примеру, неприятия (а порой и отрицания) себя настоящего.

Список литературы

1. Рушди С. Сатанинские стихи [Электронный ресурс] / Салман Рушди. – Режим доступа: http://royallib.ru/read/rushdi_ahmed/sataninskie_stihi.html#0
2. Rushdie S. The Satanic Verses / S. Rushdie. – London: Vintage, 1998. 547 p.

**БАЛЛАДА В. СКОТТА «ЗАМОК СМАЛЬГОЛЬМ»
В РЕЦЕПЦИИ В. А. ЖУКОВСКОГО**

Шершикова А. В.

Матвиенко О.В. к. филол. н., доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

a.shersh@bk.ru

Возникший в эпоху романтизма интерес к народной поэзии и средневековым легендам обусловил возрождение старинного жанра баллады, который получил дальнейшее развитие в произведениях поэтов-романтиков. Именно народное творчество служило источником вдохновения для многих из них: в частности, история создания множества баллад В. Скотта была связана с его поездками по селениям Англии и Шотландии, где он занимался изучением местных легенд и преданий.

Одна из его лучших баллад «The Eve of Saint John» («Иванов вечер»), написанная в 1799 году и опубликованная в сборнике «Песни шотландской границы», также задумывалась как подражание старинным английским балладам. В ней описывается период кровопролитных войн между Шотландией и Англией, на фоне которых разворачивается история ревности, мести и трагической любви, таинственно продолжающейся и за могилой.

В. Скотт использует в балладе множество приёмов, создающих иллюзию ее аутентичности, передающих колорит описываемой эпохи (XVI век) и точно соответствующие особенностям языка этого времени. Так, он вводит в текст архаичные формы слов, присущие ранненовоанглийскому языку. Например, местоимение “you” («ты») заменяется формой “thou”, а у многих глаголов еще сохраняется способность передавать значение лица: “*Come, tell me all that thou hast seen*”, “*Thou shouldst not say me nay*”. Так как до XVI-XVIII вв. в предложении не было фиксированного порядка слов, характерной особенностью английской народной поэзии является частое использование инверсий. Можно встретить это явление и у В. Скотта: “*Yet was his helmet hack»d and hew»d*”, “*And weary was his courser»s pace*”. Важную роль в балладе играют повторы, которые придают ей фольклорный колорит и песенную ритмичность: “*«Now hail, now hail, thou lady bright!»/ «Now hail, thou Baron true!»*”.

Особой достоверностью и конкретностью отличаются в балладе национальные и географические реалии, а также описания быта и нравов средневековых Шотландии и Англии. В «Ивановом вечере» В. Скотт воссоздает шотландское Пограничье, хорошо известное ему с детства: долины Тивиота и Твида, аббатства Драйбург и Мелроз, Эльдонские холмы. Насыщая балладу исторической лексикой (*plate-jack* – пластинчатые доспехи, *vaunt-brace* – наручи, *saddle-gerthe* – подпруга, *steel sperthe* – стальной топор,

уев – тисовый лук), В. Скотт создает убедительный образ средневекового рыцаря во всем великолепии его облачения.

Баллада «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» стала доступна русскому читателю в 1824 году благодаря одному из открывателей русского романтизма, поэту и переводчику В. А. Жуковскому. Для его интерпретации характерна не столько верность местному и историческому колориту и соответствие особенностям народной баллады (жанровый канон которой еще не был полностью сформирован в русской литературе), сколько лиризм, напевность, особое сентиментально-романтическое настроение. Тонический стих оригинала В. А. Жуковский передает чередованием четырехстопного и трехстопного анапеста, который, по замечанию Ю. М. Прозорова, быстро утрачивает воинственные и героические интонации, «наполняясь музыкальностью самых разных оттенков, и психологической, и лирической, и далеко не в последнюю очередь, «сладостной»» [1, с. 44]. Исследователь указывает на контраст, возникающий между этим мелодизмом и трагичностью описываемых в балладе событий.

Русский поэт облагораживает нравы персонажей и частично нейтрализует средневековый колорит баллады В. Скотта. Чтобы приглушить страстный и эмоциональный характер подлинника, В. А. Жуковский вносит изменения в цветовую гамму произведения, заменяя многочисленные оттенки красного более спокойными цветами. Показательны здесь строки, в которых описывается внешность рыцаря. В. Скотт пишет: «Его доспехи ярко блестели при красном свете маяка, перья были багровыми и синими. На щите была гончая на серебряной цепи, а на шлеме – ветка тиса». В. А. Жуковский изменяет описательную часть баллады: *«Показалось мне при блестящем огне:/ Был шолом с соколиным пером,/ И палаш боевой на цепи золотой,/ Три звезды на щите голубом»*. При переводе пёстрые краски оригинала заменяются оттенками, которые «вызывают не столько цветовые, сколько эмоциональные ассоциации» (блестящий, золотой, голубой) [2, с. 194]. Кроме того, из описания исключаются тревожные красные и багровые цвета.

Любопытна в этих строфах разница в используемой геральдической символике: вместо гончей – три звезды; вместо ветки тиса – соколиное перо. И. М. Семенко так объясняет отсутствие гончего пса в переводе: ««Пес» вел бы русского читателя к ложным ассоциациям, вызывая в его воображении нечто вроде образа опричника эпохи Ивана Грозного (опричники носили при себе собачью голову как эмблему своей готовности уничтожать врагов царя)» [2, с. 194]. Ветка тиса, которая прикреплена к шлему рыцаря, считается символом похорон, скорби, грусти и ассоциируется с магическими свойствами [3]. Так как тис в России практически не встречается, В. А. Жуковский заменяет его пером сокола, который является эмблемой силы и мужества, а также света и свободы. Созвучны с этим символом и звезды, обозначающие надежду, вечность, путеводность [3]. Благодаря этим изменениям В. А. Жуковский вносит мажорные акценты в символику

первоисточника и сообщает теме страстной любви как источника страданий для героев некую просветленность.

Ю. М. Прозоров отмечает, что в основе баллады «Замок Смальгольм» лежит та же сюжетная модель, что и в «Леноре» Бюргера (переводом которой ознаменовалось начало творческого пути и В. Скотта, и В. А. Жуковского), только теперь на смену жениху-призраку приходит мотив любовника-призрака. Однако нравственная проблематика этой баллады сложнее: она «не сводится к простому возмездию за ропот», а «завязывается там, где создается необходимость сложного выбора между любовью и законом, преступлением и покаянием, своеволием и христианским спасением» [1, с. 43].

В своем переводе В. А. Жуковский углубляет картину духовной жизни персонажей, усиливает звучание нравственной темы, темы покаяния. Показательны строки, в которых описывается встреча барона и его жены. В переводе жена барона «*пошла в свой покой с наклоненной главой*», очевидно, испытывая чувство вины. Подобных строк нет в подлиннике – В. Скотт упоминает лишь то, что Смальгольмская леди «спустилась по лестнице в свою прекрасную комнату, и так же поступил ее угрюмый супруг».

Знаковым является и образ «гаснущего, умирающего пламени» (“*dying flame*”), возникающий у В. Скотта перед последним появлением призрака рыцаря. Он представлен как символ угасания, затухания страсти. В. А. Жуковский передает его как «*лампадный огонь*» (лампада – светильник, используемый в христианском богослужении). Возможно, таким образом переводчик придает этому символу не только значение гаснущей любви, но и подъема ее на более высокий уровень.

Перевод В. А. Жуковским баллады «Иванов вечер» отличается напевностью, возвышенностью и особым сентиментально-романтическим характером, проникнут глубоким чувством человечности и любви к людям. Он не только познакомил русских читателей с жанром англо-шотландской баллады, но и открыл новые возможности русского литературного языка. «Замок Смальгольм», а также ряд других балладных интерпретаций В. А. Жуковского стали частью литературного наследия России, отозвавшись в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя.

Список литературы

1. Прозоров Ю. М. «Ужасное» в эстетике и поэзии Жуковского // Все страхи мира: horror в литературе и искусстве: сб. статей. Спб. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2015. С. 19-50
2. Семенко, И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худож. лит., 1975. 256 с.
3. Энциклопедия символики и геральдики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/>

УДК 378

**ПОИСК ОПТИМАЛЬНЫХ ПУТЕЙ СОЗДАНИЯ
ЛЕКСИЧЕСКОГО МИНИМУМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ**

Воеводина А.В., Карнова Н.А.

ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», г.Донецк
language2017@yandex.ru

Одной из проблем, с которой обычно сталкиваются при обучении профессионально ориентированному языку, является проблема создания лексического минимума с целью наиболее оптимальной организации языкового материала для эффективного усвоения лексики. Лексический минимум состоит из активного и рецептивного (пассивного) словарей. Активный словарь-минимум является материалом для развития коммуникативных видов речевой деятельности, пассивный – для рецептивных видов речевой деятельности (восприятие на слух, чтение). В зависимости от характера речевой деятельности принципы отбора лексического материала различны. Для говорения и письма необходимо вспомнить слово или словосочетание, его графическую и грамматическую формы, ассоциировать его с понятием, воспроизвести, сочетая его с другими словами. Пассивное восприятие предполагает ассоциацию лексической единицы с ее значением и определение ее грамматической формы. Пассивный лексический минимум всегда объемнее, чем активный.

Целью работы является определение принципов отбора ЛЕ для создания активного словаря-минимума для студентов юридических специальностей.

Проблема отбора ЛЕ для создания лексического минимума рассматривается в двух аспекта: 1) проблема определения ЛЕ и принципов их отбора и 2) методика отбора ЛЕ.

В большинстве работ, посвященных исследованию данной проблемы, выделяются три основных принципа отбора ЛЕ для лексического минимума: статистический, лингвистический и методический [1, с.50-53]. Недостатком статистического принципа является то, что наиболее часто встречающиеся ЛЕ не отображают наиболее важные понятия для того или иного вида профессионально направленной лексики в рамках заданной тематики. С целью формирования лексической компетенции при обучении профессионально направленной лексике наиболее целесообразным представляется придерживаться лингвистических принципов отбора ЛЕ, опираясь прежде всего на критерии ее семантической ценности,

словообразовательной ценности и сочетаемости. Ценности ЛЕ определяется широтой ее семантики, разнообразием ее словоформ и способностью сочетаться с другими ЛЕ. При этом частота встречаемости ЛЕ играет не последнюю роль.

В практике обучения иноязычной профессионально направленной лексике отбор ЛЕ для лексического минимума как правило осуществляется эмпирически на основе личного опыта преподавателя и исходя из лексической наполняемости учебных текстов. Недостатком такого метода является то, что в различных учебных пособиях по языку одной и той же профессиональной направленности даже в рамках одной и той же тематики часто лексические минимумы не совпадают. С целью более или менее унифицировать отбор ЛЕ предлагается сопоставлять отобранные ЛЕ различных подязыков языка данной профессиональной направленности (текст-описание, документация, дискуссия и т.д.). Сравнивая частотность употребления различных слов и словосочетаний, можно выделить определенный лексический шар, характерный для большинства текстов по данной специальности.

При выделении лексического минимума для той или иной специальности нельзя не учитывать психологические факторы восприятия информации. Известно, что память человека основывается, прежде всего, на ассоциативных связях [2]. Для взрослого человека большое значение имеет также логическая связь между ассоциациями. Чем больше ассоциаций, тем прочнее запоминается материал. Наиболее оптимальной представляется такая организация учебного материала при составлении словаря-минимума, при которой группа ЛЕ связана не только тематически, но и определенной логической цепочкой. Представляется группировать ЛЕ словаря-минимума не только в рамках заданной тематики, но и вокруг конкретной ситуации, с которой эти слова могут ассоциироваться. В поисках наиболее оптимальной структуры словаря-минимума можно выстроить иерархию критериев расположения ЛЕ в зависимости от целей обучения. Принципы и критерии отбора ЛЕ для составления словарей-минимумов по специальности определяются каждым автором.

Список литературы

1. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность; под ред. А. А. Миролубова. Обнинск: Титул, 2010. 464 с.
2. Solso R. Cognitive Psychology URL: http://yanko.lib.ru/books/psycho/solso=cognitive_psychology-6.ru.pdf (дата обращения 15.09.2017)

**ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
(ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ) ПРАКТИКИ СТУДЕНТОВ ПРОФИЛЯ
ПОДГОТОВКИ «ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ»
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЯ «БАКАЛАВР»**

Жерденовская А.В.

Каверина О.Г., к.филол.н., профессор

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк
strega82@mail.ru

Базу для проведения производственной практики составляют компетенции, полученные обучающимися в рамках таких дисциплин, как «Коммуникативные и переводческие стратегии первого иностранного языка», «Лингвостилистический и переводческий анализ разножанровых текстов», «Академическое письмо» и других.

В свою очередь, овладение компетенциями в рамках переводческой практики оказывается необходимым при освоении курсов методики преподавания английского языка, филологического обеспечения профессиональной коммуникации, при написании выпускной квалификационной работы, для последующего трудоустройства по специальности и успешного выполнения профессиональных обязанностей письменного и устного переводчика.

Преподавание дисциплины «Переводческая практика» является итоговым практическим курсом перевода, предполагающим выполнение различных видов письменного и устного перевода, а также приобретение некоторых навыков и умений переводчика-синхрониста.

На изучение дисциплины отводится 4 недели.

Производственная (переводческая) практика представляет собой производственную практику, непосредственно направленную на профессионально-практическую подготовку обучающихся. Практика базируется на освоении теоретических и практических дисциплин учебного плана подготовки бакалавра, связанных с общеязыковой подготовкой и профессиональной деятельностью переводчика: «Основы языкознания и переводоведения», «Лексические и грамматические проблемы перевода», «Практика устной и письменной речи первого иностранного языка», «Практический курс первого иностранного языка», «Устный и письменный перевод (первый иностранный язык)» и др.

Цель практики: овладение профессиональными умениями и навыками самостоятельного осуществления межъязыкового посредничества.

Задачи: ознакомление студентов с организацией работы переводчиков на предприятиях и в учреждениях; развитие навыков письменного и устного перевода в разных тематических областях; формирование и закрепление

профессионально значимых навыков и умений, необходимых для успешной переводческой деятельности (сбор и обработка информации, ознакомление с тематической областью, систематизация терминологии, составление глоссариев и т.п.); расширение фоновых знаний студентов в области выполняемого перевода; закрепление навыков использования в процессе перевода информационно-коммуникационных технологий; развитие навыков грамотного оформления текста перевода на компьютере с использованием текстового редактора Microsoft Word.

Практика закрепляет знания и умения, приобретаемые обучающимися в результате освоения теоретических курсов, вырабатывают практические навыки и способствуют комплексному формированию общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций обучающихся.

Переводческая практика проводится на 4 курсе в седьмом семестре в течение 4-х недель. Общая трудоёмкость дисциплины – 6 зачетных единиц.

Форма отчетности: дневник-отчет производственной практики, терминологический словарь, контрольный перевод, индивидуальное исследовательское задание.

Руководство практикой осуществляется руководителем группы – преподавателем кафедры. К каждой группе прикрепляется также переводчик или консультант - руководитель из числа специалистов базы практики.

Руководитель обсуждает с каждым студентом план его работы, определяет индивидуальное задание для него, рекомендует необходимую научно-техническую литературу, осуществляет проверку и анализ переводов, вводит элементы НИРС в процессе практики, обсуждает результаты работы, проведенной на базе практики, изучает документацию студентов-практикантов, дает оценку результатов.

Ответственный от предприятия предоставляет студентам-практикантам помощь в выполнении индивидуальных задач, проводит консультации, делает записи в дневнике о выполнении ежедневной нормы перевода, пишет характеристики на студентов.

Во время прохождения практики студент получает индивидуальные задания, что помогает развитию навыков самостоятельного решения производственных, научных и организационных задач, а также активизирует деятельность студента, расширяет его кругозор и делает прохождение практики более конкретным и целенаправленным. Такими индивидуальными заданиями могут, например, быть:

- учебный перевод нескольких печатных страниц текста из расчета 2000 печатных знаков в день, не считая формул, графиков, схем и др.

- задачи по составлению отраслевого терминологического словаря на основании обработанного материала (не менее 100 терминов и терминологических сообщений по определенной отрасли);

- задачи по сбору практических примеров для реферата, дипломной работы.

Нормы ежедневных задач по переводу фиксируются в дневниках переводческой практики.

По окончании практики студенты сдают следующую документацию:

отчет о проделанной работе, дневник производственной практики (со всеми заполненными графами), терминологический словарь (не менее 100 терминов), контрольный перевод объемом 4000 печатных знаков, исследовательское задание.

Список литературы

1. Закон «Об образовании» МОН ДНР от «19» июня 2015 г.;
2. Положение об организации учебного процесса в образовательных организациях высшего профессионального образования Донецкой Народной Республики (приказы МОН ДНР № 750 от «07» августа 2015 г., №832 от 30.10.2015 г., №1011 от 28.09.2016 г.);
3. Порядок организации учебного процесса, проведения промежуточной аттестации и отчисления обучающихся в ДонНУ (приказы ректора ДонНУ №176/05 от 24.12.2017 г., №200/05 от 25.10.2017 г.);
4. Образовательная программа высшего профессионального образования. Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика. Профиль подготовки «Перевод и переводоведение (английский язык)», Донецк 2016

УДК 373

ПРОЕКТНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ УСПЕХА НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Мишкина Н.Ю.

МОУ «Школа №48 г. Донецка», г. Донецк

*«Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то,
что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь».*

В.О.Ключевский

Современные приоритеты развития образования ориентированы на воспитание личности, способной самостоятельно и творчески мыслить, видеть и формулировать проблему, находить пути ее решения, принимать нестандартные решения, гибко реагировать на изменения обстоятельств.

- «Как учить детей?»

- «Как развивать у учеников внутреннюю мотивацию к изучению иностранного языка?»

- «Как создать ситуацию успеха на уроке?»

Ответы на эти вопросы можно найти при использовании проектной технологии на уроках английского языка, которая формирует интерес к учебе и предмету на основе творческой активности обучающегося. Она поощряет самостоятельную учебную и исследовательскую деятельность, стимулирует

творческую активность ученика, поощряет самомотивацию, как личностную ценность, направляет ученика к совместной деятельности.

Сегодня, когда границы между государствами постепенно стираются, именно английский язык становится мощным средством в формировании мировоззрения, умения корректно выстраивать отношения с другими людьми, не только из той страны, в которой ты проживаешь, но выходить далеко за ее пределы.

Изучение языков способствует интеллектуальному обогащению за счет активного словарного запаса учащихся, познанию и пониманию особенностей жизненного опыта народов, языки которых изучаются, важности овладения языками и удовлетворению потребности в пользовании ими, как средством общения в различных сферах жизнедеятельности, развивает языковые, интеллектуальные и познавательные способности, формирует гуманистическое мировоззрение, моральные убеждения и эстетические вкусы, оно способствует усвоению национальных и общечеловеческих ценностей, воспитывает у учащихся потребность в совершенствовании собственной речевой культуры в течение всей жизни.

В своей педагогической деятельности учитель воплощает инновационные технологии, создает условия для самопознания и саморазвития учащихся, развивает положительную учебную мотивацию. Неотделимым элементом деятельности стала педагогика сотрудничества, проектная технология, которая характеризуется совершенной организацией учебной работы на занятиях, умением учителя находить такие формы работы, которые сочетают деятельность педагога и ребенка в единой цели – овладеть иностранным языком.

Формированию позитивной мотивации, ситуации успеха на уроках английского языка способствуют следующие приемы:

- создание общей благоприятной атмосферы в группе; приобщение учеников к интерактивным формам работы при изучении отдельных тем; установление отношений сотрудничества учителя и учащихся;

- эмоциональность учителя; реализация принципа заинтересованности при изложении материала (использования интересных фактов, меж предметных связей); создание проблемных ситуаций и обсуждение их;

- приобщение учащихся к современной исследовательской деятельности; организация таких форм деятельности, которые предусматривают использование знаний в нестандартных ситуациях;

- создание условий для развития рефлексии – способности осознавать и оценивать свои мысли и действия как бы со стороны, соотносить результат деятельности с поставленной целью, определять свое знание и не знание.

Сегодня в центре внимания – ученик, его личность. Поэтому основная цель современного учителя – выбрать методы и формы организации учебной деятельности учащихся, которые оптимально соответствуют поставленной цели развития личности, усилению мотивации изучения иностранного языка. В начале изучения материала ученики должны понять, что полезного и

нового они узнают и где смогут применить свои знания. При дальнейшем изучении материала они осознают приобретенные языковые знания, оценивают их, сравнивают, получают удовольствие от самого процесса обучения. Подготовка и защита проектов всегда требует большой и напряженной работы, как от учителя, так и от детей, каждый из которых имеет возможность проявить себя, выполнив ответственно свою роль.

В итоге каждый должен уметь оценить свою работу, спланировать свои действия.

Особое внимание учитель придает созданию для учеников ситуаций успеха - ни одна проблема не должна остаться без решения.

Технологии игрового обучения, проектной технологии стимулируют развитие познавательных интересов, предоставляют возможность учащимся с разным уровнем подготовки проявить себя, выполняя посильные задачи. Составление проектов и использование игр целесообразно на занятиях по обобщению материала. Такая форма работы позволяет развивать навыки в работе с учебной литературой, самостоятельно анализировать материал, развивать коммуникативные способности.

Список литературы

1. Копылова В.В., Методика проектной работы на уроках английского языка. Москва, 2003. с.265.
2. Гальскова Н.Д., Современная методика иностранным языкам. Москва, 2000.с. 198.

УДК 37.0

THE PROBLEM OF MOTIVATION FOR STUDYING A FOREIGN LANGUAGE AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Писарев М.С.

Тарасова Н.Н.

Ульяновский государственный технический университет,
432027, г.Ульяновск, ул.Северный Венец, 32,
rector@ulstu.ru

In the modern world a successful person cannot imagine his life without foreign languages. Languages are everywhere around us. The knowledge of languages open great possibilities for people, through languages we find connection between peoples and their cultures, and in this way widen our outlook. Forming of communication at international scale requires proficiency in the English language. Good command of a language is considered to be a merit for starting a career in a good international company.

While knowing a language is an undeniable advantage, students from non-linguistic departments view a foreign language as an optional subject because it is regarded to be difficult and unnecessary for their professional career. Obviously, studying this subject requires much effort and desire. That is why complexity and incomprehension of subject importance result in losing motivation for learning languages.

There are a great number of approaches to the definition of the word “motivation”. The term (from French “motif”) means impulse. Within this framework many authors share the view that motivation is a stimulating process, actualization of needs and desires of a person in his action and behavior.

In the learning environment there are two kinds of motivation: extrinsic and intrinsic. The extrinsic motivation is motivation of success when the student does the work for the sake of a high grade, praise, self-respect, prosperity. The intrinsic motivation is the main moving strength in the process of learning languages. The intrinsic motivation impels a student to do the work not because of an award but because he likes to do it and gets pleasure from the process itself or from its result [2]. The formation of intrinsic motivation is a must for a successful activity in any sphere. To prosper in learning a language a student should have both kinds of motivation

Hamedova G. highlighted some factors preventing formation of motivation for language learning. Among them are:

- low level of knowledge;
- insufficiency of motives to learn, especially to self-educate;
- emotional environment in classroom
- inadequate learning materials
- lack of modern educating technologies in class [4].

A teacher can take advantage of a whole range of motivating techniques to lure a student into a language learning. Motivation with the help of an award for complicated and not interesting work is important for any person, especially at the initial stage of studying when marks really matter for students and cause joy or disappointment.

The teachers of higher schools often try to correct the mistakes of the school teaching, trying to find new methods of teaching foreign languages in order to activate the students motivation.

All extra-curricular work, new methods of teaching are used to form intrinsic motivation for learning the subject.

Using extrinsic motivation a teacher makes student to make tasks that have a potential of satisfaction from their fulfillment, thus forming elements of intrinsic motivation. A good self-esteem can be formed resulting from successful task fulfillment and getting an external evaluation of the actions. Consequently, extrinsic motivation (getting evaluation) transforms into intrinsic motivation (enjoyment from the process of fulfilling a task and its success) [5].

One of the most effective ways of raising motivation is using unusual methods filled with positive emotions. For example, the participation of students in different linguistic competitions. A student who takes part in such competitions

does not have to possess a high level of knowledge, it may be compensated by creativeness. As a rule, such competitions demand short sayings, that may be prepared beforehand. So in such situations the language is not the aim, but a means of communication. Participation in such events can give a student possibility to believe in himself and to get a success.

The success begins to be associated with a foreign language and it gives a powerful stimulus for future victories and for further learning of the language [3]. That is why it is imperative for a teacher to create situations of success for students. The term “situations of success” was coined by Belkin A.S. who defined it as “a combination of conditions providing success” [1]. Such situations are different and numerous: a) New Year postcard exchange in English; b) competition of cartoons and comics; c) shooting a video; d) literary festivals, etc.

In spring 2016 the author of the article along with some other 1st -year students of the Economic department of Ulyanovsk State Technical University took part in the English Literary festival and performed a wonderful story by Agatha Christie “Plilomel Cottage”. The students worked in team guided by their teacher and their enthusiasm and initiative.

The preparation was great. They read the story in English, wrote the script, distributed roles, made decorations and costumes, prepared background sounds and music. Frequent rehearsals, learning the roles by heart, work on pronunciation and intonation helped to unite the young actors into a strong team. The play was a success. The actors got prizes and confidence in their own abilities. Moreover, they became enthusiastic and attentive learners of the language. That is a striking example of a situation of success.

As we see, there are many factors influencing the formation of student»s motives for learning a foreign language but the level of motivation is individual for each learner. One cannot deny the importance of professional motivation. Nevertheless, in case of non-linguistic universities positive environment in class, modern teaching methods, creativity, and situations of success can be key points in building-up intrinsic motivation for learning a foreign language.

Список литературы

1. Белкин А.С. Ситуация успеха. Как ее создать? М.:»Просвещение», 1991.
2. Божович Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л. И. Божович, Л. В. Благоняжина. М.: Педагогика, 1972. 352 с.
3. Хеккаузен Х. Мотивация и деятельности. М.: Просвещение, 2010. 432
4. Хамедова Г.Н. К проблеме формирования мотивации изучения иностранного языка у студентов неязыковых специальностей //автореф. дисс. канд. пед. наук: 13.00.08 /Г.Н. Хамедова. Ярославль, 2003. 22 с.
5. Чуйко Т. А., Русскова Е. В. Виды работы, влияющей на мотивацию к изучению иностранного языка в неязыковом вузе // Молодой ученый. 2015. №7. С. 874-877.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция «Сопоставительное изучение языковых единиц и категорий»

<i>Алексеева А.П., Басыров Ш.Р.</i> Семантика глаголов понимания в немецком и русском языках	5
<i>Алешкова Н.А., Басыров Ш.Р.</i> Семантика немецких фразеологизмов, обозначающих речевую деятельность человека	8
<i>Баранова Е. А., Басыров Ш.Р.</i> Ольфакторная лексика в русском и английском языках	10
<i>Беспамятная Л. В., Басыров Ш. Р.</i> Смысловая близость семантических типов и субтипов стк в немецком, английском, русском и украинском языках	12
<i>Бессмертная А.Ф., Подгайская И. М.</i> Переносная семантика наименований десертов в английском, немецком и русском языках	15
<i>Бессонов Н.Ю., Калиущенко В.Д.</i> Конструкции с каузативными глаголами-связками в английском и русском языках	17
<i>Буть Д.О., Калиущенко В.Д.,</i> Полисемия соматизмов в английском и русском языках.....	18
<i>Вожова С. А., Калиущенко В. Д.</i> Синтаксические особенности англо-, немецко- и русскоязычных рекламных заголовков	20
<i>Златина М.Э., Калиущенко В.Д.</i> Глаголы, выражающие каузирование состояния страха, в английском, немецком и русском языках и типы каузативных конструкций.....	23
<i>Исаева А.Э., Петренко А.Д.</i> Немецкие приставочные глаголы удаления и их соответствия в русском языке	26
<i>Каменев А.Р. Басыров Ш. Р.</i> Паронимия в русском и английском языках	29
<i>Касинцова Е. К., Калиущенко В. Д.</i> Полувспомогательные глаголы в устойчивых словосочетаниях немецкого и русского языков	31
<i>Качинская Е. В., Калиущенко В.Д.</i> Полисемия зоонимов в английском, немецком и русском языках	34
<i>Коваленко Е.В., Калиущенко В. Д.</i> Лексические особенности заголовков информационных сообщений о новостях культуры (на материале англоязычных, немецкоязычных и русскоязычных СМИ)	36
<i>Корнилова Т. В., Калиущенко В.Д.</i> Коммуникативная схема слогана рекламы бытовых товаров (на материале английского, русского, французского языков)	39
<i>Косицкая А.Г., Басыров Ш. Р.</i> Тематическая классификация наименований человека в искусстве (на материале английского и немецкого языков)	42
<i>Красильникова О. С. Подгайская И. М</i> Семантика фразеологических единиц с компонентом «ВОДА» в разнотипных языках	44
<i>Криндач А. А., Калиущенко В. Д.</i> Глаголы каузирования положительного эмоционального состояния в английском и русском языках	47
<i>Лембей А. Н., Удинская А. Г.</i> Структурно-семантические характеристики терминов горной промышленности в английском, немецком и русском языках	50
<i>Липанова П. К. Подгайская И. М.</i> Колороним как компонент фразеологических единиц в английском и русском языках	52
<i>Махненко И. А. Калиущенко В.Д.</i> Полисемия прилагательных <i>толстый-тонкий</i> в немецком и русском языках	55
<i>Медведева Н.Ф., Басыров Ш.Р.</i> Добрые и недобрые пожелания: сопоставительный аспект	56

<i>Мисько О. А., Калиущенко В. Д.</i> Полисемия терминов родства в английском, русском и немецком языках	60
<i>Молодчинная О.С., Басыров Ш.Р.</i> Зоонимная номинация человека в немецком языке ...	62
<i>Олейникова М.П., Басыров Ш. Р.</i> Глаголы характеризованной речевой деятельности в русском и английском языках	64
<i>Петрищева Е. И., Басыров Ш. Р.</i> Вторичные наименования мужа и жены в английской, немецкой и русской разговорной лексике	66
<i>Писарева В.В., Басыров Ш. Р.</i> Собственно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте	68
<i>Поддубная Е.И., Басыров Ш. Р.</i> Словообразовательные особенности наименований начальника в английском и немецком языка	71
<i>Поляруш Е.В., Калиущенко В.Д.,</i> Наименования лиц мужского и женского пола по профессии в английском, немецком, русском и украинском языках	73
<i>Поперечная А.В., Калиущенко В.Д.</i> Происхождение и распространение наименований средств передвижения и транспорта в немецком и русском языках	76
<i>Потрахова Д.Е., Калиущенко В.Д.</i> Типы фразеологизмов, используемых в немецкоязычных, англоязычных и русскоязычных СМИ, и их роль в тексте	79
<i>Растарасова Е.К. Басыров Ш.Р.</i> Конверсивные рефлексивные глаголы в сфере психо-эмоционального состояния человека	82
<i>Рябец А. В. Калиущенко В. Д.</i> Категория определенности/неопределенности в немецком, английском и русском языках	84
<i>Садовская О.Г., Басыров Ш.Р.</i> Словообразование глаголов физиологического состояния в немецком и русском языках	87
<i>Смирнов Я.Ю., Басыров Ш.Р.</i> Метафоризация и метонимизация в компьютерном жаргоне русского и английского языков	89
<i>Тарасюк В. А., Калиущенко В. Д.</i> Структура и семантика конструкций с глаголами «происходить», «случаться» + наименование события (на материале английского и русского языков)	91
<i>Фатьянова И. В.</i> Сопоставительный анализ метафор терроризма в современном русском и англо-американском политическом дискурсе	93
<i>Хлистунов К.В., Басыров Ш. Р.</i> Номинация родителей и детей в сопоставительном аспекте	95
<i>Чайковская М.В., Калиущенко В. Д.</i> Семантические роли глаголов со значениями 'смотреть', 'видеть' в немецком и русском языках	98
<i>Экстрина В.А., Калиущенко В. Д.</i> Наименования предметов быта и декора в немецком и русском языках	101

Секция «Актуальные проблемы современного переводоведения»

<i>Бевзюк Д. Р., Басыров Ш. Р.</i> Особенности перевода терминологии автомобилестроения с английского на русский язык	103
<i>Боловина А.А. Карасенко Е.А.</i> Особенности перевода безэквивалентной лексики в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер»	105
<i>Варламова В.А. Подгайская И. М.</i> Особенности перевода метафоры с английского языка на русский (на материале романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»)	107
<i>Вишневская Е. А. Басыров Ш. Р.</i> Способы перевода английских глаголов говорения на русский язык	110

<i>Грибань Т. А., Ягунова Л. Н.</i> Категория определённости в аспекте переводоведения: на материале конструкции <i>THAT + N</i> в повести э. Хэмингуэя «The Old Man and the Sea»	111
<i>Грядова А.С. Кобзев Н.В.</i> Уменьшительно – ласкательная лексика в переводе с русского на английский язык	113
<i>Лицоева А.П. Удинская А. Г.</i> Структурные характеристики английских неологизмов и способы их перевода на русский язык	116
<i>Пансенко К.В., Зуйкова О.В., Омельченко Е.М.</i> Перевод слов-реалий	118
<i>Парахина О. Л., Калиущенко В. Д.</i> Лексические особенности перевода текстов договоров с английского языка на русский	121
<i>Рекунова Е.Н., Карасенко Е.А.</i> Наименования судов в английском и русском языках	124
<i>Роговая Ю.С., Кишко С.Н.</i> К вопросу о средствах выражения речевого явления “understatement” в коммуникативном поведении англоязычной личности	126
<i>Рочняк Е.В.</i> Внутриотраслевая антонимия английских терминов железнодорожного транспорта	128
<i>Рылова В.В., Басыров Ш.Р.</i> Основные переводческие стратегии при передаче фильмонимов	131
<i>Сапрыкин А. А., Карасенко Е.А.</i> Особенности перевода названий немецких населённых пунктов на русский язык	133
<i>Степанова М.А., Басыров Ш. Р.</i> Способы перевода английских и немецких наименований возраста женщины на русский язык	135
<i>Твердохлеб Е.А., Карасенко Е.А.</i> Особенности перевода слов-реалий в художественном тексте	136
<i>Фазельянов О.В., Карасенко Е.А.</i> Номинация лица в английской морской терминологии	138
<i>Чунина Т.О., Рочняк Е. В.</i> Compliment в речевом поведении представителей немецкоязычной культуры	141

**Секция «Германские и романские языки
в синхронии и диахронии»**

<i>Бандурка Е. В. Ягунова Л. Н.</i> Подходы к изучению гендерно-нейтральных номинаций лица в современном немецком языке	144
<i>Безверхая И.В.</i> символика растительного мира в немецкой сказке Э.Т.А. Гофмана «Золотой Горшок»	145
<i>Глоба Т.Н.</i> Фразеологические синонимы разговорно-фамильярного стиля в современном французском языке	148
<i>Гнетнёва Д. С Ягунова Л. Н.</i> Об особенностях функционирования генитива в диалектах немецкого языка	150
<i>Горбачева Д.С., Барыбина М.Е.</i> Особенности венесуэльского национального варианта испанского языка	152
<i>Губарева М. Г., Усова Н. В.</i> Мифонимы в составе немецких и русских идиом	155
<i>Дроздов А. В., Басыров Ш.Р.</i> Типы лексических заимствований в мезолекте карибского варианта английского языка	158
<i>Дьяченко Т.О. Талалаева О.Г.,</i> Специфика системы метафор испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки	160

<i>Козачек С. А., Басыров Ш. Р.</i> Гендерно-маркированные лексемы, номинирующие интеллектуальные способности человека (на материале немецкого разговорного языка)	163
<i>Кочаровская Е.В., Вишнякова Э.А.</i> Новостные тексты испанских сми в национально-культурном аспекте	164
<i>Кочаровская К.В., Вишнякова Э.А.</i> Языковая личность спортивного комментатора в испанском спортивном дискурсе	166
<i>Кравченко Д. И., Гапотченко Н. Е.</i> Стилистика и прагматика французских образовательных интернет-дискурсов	168
<i>Матюхова А.С., Карасенко Е.А.</i> Семантические особенности пейоративной лексики в современном немецком языке	170
<i>Пономарёва А. А., Рочняк Е. В.</i> Исторический аспект возникновения топонимов в немецком языке (на материале обозначений пространства в природе)	172
<i>Рыбка К.В., Басыров Ш. Р.</i> Структурно-словообразовательная характеристика существительного <i>glück</i> , его производных слов и синонимов	174
<i>Сафонова Е.В., Басыров Ш.Р.</i> Пространственные наречия в немецком языке и их соответствия в русском языке	175
<i>Ткешелашвили Д.Ю., Петренко А.Д.</i> Типы логических отношений между непосредственно составляющими в немецких субстантивных терминах автомобилестроения	177
<i>Томилина Ю.В., Усова Н. В.</i> Топонимические единицы с элементами <i>-burg</i> и <i>-rode</i> и их передача на русский язык	179
<i>Туболева А.А.</i> Семантические трансформации как концептуальная составляющая авторского текстотворения	182

Секция «Лингвокогнитивные и лингвокультурологические исследования»

<i>Бандылюк В.А Трофимова Е.В.</i> Структура фразеологических единиц, номинирующих черты характера человека в английском языке	185
<i>Бышова А.В., Бессонова О.Л.</i> Особенности механизма фразеологической номинации в английском и русском языках	187
<i>Войтенко Е.Ю., Трофимова Е. В.</i> Английские и русские фразеологизмы с компонентами, обозначающими названия стихий, с точки зрения их происхождения	189
<i>Гармаш Д. А., Трофимова Е. В.</i> Вербализация концепта любви в русской фразеологической картине мира	191
<i>Гордиенко Е.В, Бессонова О.Л.</i> Оценочный компонент в семантике лексических единиц	194
<i>Дьяченко Е.Е., Трофимова Е.Л.</i> Структурные особенности процессуальных фразеологизмов в английском языке	197
<i>Карпенкова Е.В., Бессонова О.Л.</i> Особенности выражения эмоций радости и гнева в английской и русской лингвокультурах	199
<i>Керова Л.В., Бессонова О.Л.</i> Орфографическая вариативность личных имен	201
<i>Крамаренко Е. К., Калиущенко В.Д.</i> Гиперболизирующие фразеологические единицы с компонентом-соматизмом в английском языке	204
<i>Мехдиева К.И., Трофимова Е.В.</i> Источники происхождения английских фразеологизмов, выражающих положительные эмоции	207

<i>Миронкина А. И.</i> К вопросу приблизительной оценки на материале англо-русских переводческих параллелей	209
<i>Морозенко Е.А., Бессонова О.Л.</i> Оценочная семантика прилагательных со значением «жестокость» и «угрюмость» в английском и русском языках	211
<i>Ососкова А. С., Бессонова О.Л.</i> Особенности семантики образных наименований лица по признаку «характер» в английском и русском языках	214
<i>Осташова О. И., Бессонова О.Л.</i> Коммуникативно-прагматические особенности оценочных речевых актов в англоязычном художественном дискурсе XIX-XX вв. ..	217
<i>Полторацкая В.А., Фатьянова И.В.</i> Концепт TERRORISM в современном британском газетном дискурсе	220
<i>Ратохина А.С., Ленец А.В.</i> Лингвокультурные особенности британцев	222
<i>Хейхель М. И., Бессонова О.Л.</i> Эволюция семантики оценочных наименований лица, обозначающих понятия «вор, грабитель» в английском языке	224
<i>Чечина И. В., Сысоева Е.С.</i> Литературный антропоним как культурный социокод (на материале англоязычных романов XIX-XX вв.)	226
<i>Шостак К. А., Сысоева Е. С.</i> Особенности семантики английских имен собственных германского происхождения как носителей истории и культуры средневековых англосаксов	229

**Секция «Зарубежная литература:
модус, жанр, стиль»**

<i>Апостолова А.К., Теличко Т.Г.</i> Концепция Фронтисписа в американской литературе XX века (на материале малой прозы Эрнеста Хемингуэя)	232
<i>Бабий А.В., Рыжкова Л.А.</i> Акустические образы в лирике Оскара Уайльда	234
<i>Демидова В.А., Попова-Бондаренко И.А.</i> Функция ремарок в пьесе К.Элиота «Искусственное Дыхание»	237
<i>Ле Тхи Зуеу Линь., Попова-Бондаренко И.А.</i> Стихотворение Эмили Дикинсон «№712. Because i couldn't stop for death» в русском переводе Алекса Грибанова	239
<i>Романова С.В.</i> Интернет: игровые возможности литературы	242
<i>Стрельцова В.А., Матвиенко О.В.</i> «Дракула» Брэма Стокера и проблема инонационального	244
<i>Чуванова О.И., И.А., Попова-Бондаренко</i> Мультикультурная личность в романе с. Рушди «Сатанинские стихи»	246
<i>Шершикова А. В., Матвиенко О.В.</i> Баллада В. Скотта «Замок Смальгольм» в рецепции В. А. Жуковского	247

**Секция «Лингводидактика и методика преподавания
иностранных языков»**

<i>Воеводина А.В., Карпова Н.А.</i> Поиск оптимальных путей создания лексического минимума профессионально ориентированной лексики	250
<i>Жерденовская А.В., Каверина О.Г.</i> Организация и проведение производственной (переводческой) практики студентов профиля подготовки «перевод и переводоведение» образовательного уровня «бакалавр»	252
<i>Мишкина Н.Ю.</i> Проектная технология как средство формирования успеха на уроках английского языка	254
<i>Писарев М.С., Тарасова Н.Н.</i> The Problem of Motivation for Studying a Foreign Language at a Non-linguistic University	256

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2017:
РУССКИЙ МИР КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ОСНОВА
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО
РАЗВИТИЯ ДОНБАССА**

Материалы
Международной научной конференции
студентов и молодых ученых

17–20 октября 2017 г.,
г. Донецк

ТОМ 4
Филологические науки
Часть 1
Иностранная филология

под общей редакцией *С.В. Беспаловой*

Ответственный за выпуск *Е.А. Карасенко*

Дизайн обложки	<i>Е.Г. Грудева</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.Э. Исаева, Н.В. Испанова</i>

Адрес оргкомитета:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24. г. Донецк, 28301
e-mail: *donnu.science@mail.ru*

Подписано в печать 29.09.2017 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 15,4
Тираж 300 экз. Заказ № 17окт123/6.
Донецкий национальный университет
28301, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.